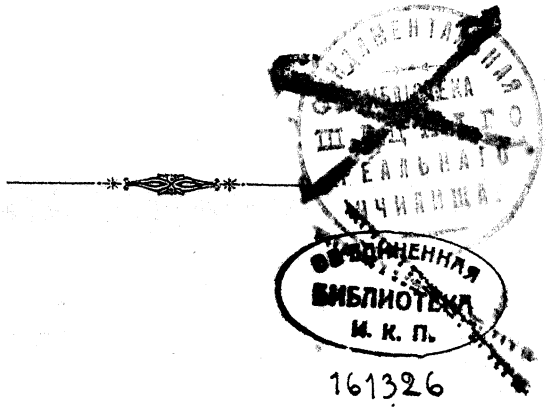
В. Бартольдъ.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ИРАНА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1903.

ПРОВ. 1954

DS
253

Печатано съ разрѣшенія Факультета Восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
216
54

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книгѣ воспроизведенъ курсъ, читанный мною студентамъ факультета Восточныхъ языковъ въ 1901—2 академическомъ году, съ нѣкоторыми поправками, дополненіями и сокращеніями и съ присоединеніемъ ссылокъ на источники. Историко-географическіе курсы были включены въ программу факультетскаго преподаванія по моей иниціативѣ; мнѣ казалось полезнымъ въ такой формѣ сообщать студентамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о прошломъ мусульманскихъ странъ, пока состояніе исторіи востока, какъ науки, еще не позволяетъ предложить имъ собственно-историческій курсъ, соотвѣтствующій требованіямъ, обыкновенно предъявляемымъ къ университетскому преподаванію исторіи. Пока первоисточники большею частью остаются неизданными и неизслѣдованными, едва ли возможно составить курсъ, который заключалъ бы въ себѣ не только обзоръ внѣшнихъ событій, но также научно обоснованное объясненіе исторической эволюціи. Въ виду этого я рѣшилъ ограничиться болѣе скромной задачей и въ своихъ курсахъ, посвященныхъ Персіи и Средней Азіи, стараюсь дать студентамъ понятіе о географическихъ условіяхъ этихъ странъ, выяснить, насколько возможно, зависимость исторической жизни отъ этихъ условій, опредѣлить время процвѣтанія и упадка важнѣйшихъ городовъ и сопоставить извѣстія о прошломъ отдѣльныхъ областей (въ связи съ описаніемъ существующихъ вещественныхъ памятниковъ этого прошлаго) съ данными о ихъ современномъ положеніи.

Предоставляю компетентнымъ читателямъ опредѣлить, насколько мнѣ въ этой книгѣ, представляющей первый опытъ подобнаго курса, удалось выполнить указанныя задачи, насколько недостатки курса должны быть вмѣнены въ вину мнѣ и насколько они объясняются современнымъ состояніемъ науки. Пока многіе источники остаются неизслѣдованными, невозможно выполненіе одной изъ важнѣйшихъ задачъ исторической гео-

графіи—точно опредѣлить время исчезновенія старыхъ и появленія новыхъ географическихъ названій. Еще труднѣе устранить другой недостатокъ—неравномѣрное освѣщеніе отдѣльныхъ эпохъ. Почти всѣ историко-географическія работы о Персіи сводятся къ сопоставленію разсказовъ новѣйшихъ путешественниковъ съ подробными извѣстіями арабскихъ географовъ о состояніи страны въ X вѣкѣ; для второй половины среднихъ вѣковъ наши свѣдѣнія крайне скудны; только трудъ Хамдаллаха Казвини (XIV в.) отчасти пополняетъ этотъ пробѣлъ.

Вслѣдствіе неразработанности предмета, заставлявшей часто обращаться къ первоисточникамъ даже для разрѣшенія элементарныхъ историко-географическихъ вопросовъ, и вслѣдствіе отсутствія пособій, въ которыхъ студенты могли бы найти необходимыя фактическія свѣдѣнія, я не могъ придать своему курсу тотъ характеръ, который вообще должны имѣть университетскія лекціи; печатный курсъ въ значительной степени получилъ видъ учебника. Въ будущіе годы существованіе этой книги, вѣроятно, дастъ возможность, не повторяя изложенныхъ въ ней фактическихъ данныхъ и ограничиваясь исправленіемъ допущенныхъ ошибокъ, посвящать лекціи болѣе подробному ознакомленію студентовъ съ задачами науки, съ характеромъ источниковъ и пособій, съ методами изслѣдованія, съ новѣйшими научными открытіями и съ теоріями отдѣльныхъ ученыхъ, между прочимъ и такими, которыя въ настоящей книгѣ не приняты во вниманіе (напр. съ несостоятельной, на мой взглядъ, теоріей о европейскомъ происхожденіи иранцевъ). Наконецъ, можно будетъ, предполагая изложенныя въ книгѣ историко-географическія данныя извѣстными, болѣе подробно останавливаться, насколько позволитъ состояніе науки, на чисто-историческихъ вопросахъ.

Курсъ былъ переписанъ для печати однимъ изъ моихъ слушателей, Л. Ѳ. Богдановымъ, который взялъ на себя также трудъ составить карту.

Списокъ цитованныхъ книгъ и статей.

Абд-ар-Реззакъ Самарканди, مطلع السعدين, цитуется по рукописи Спб. Унив. № 157.

Абулгази, شجرهٔ ترك — Aboul-Ghâzi Behâdour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. T. I. Texte. St.-P. 1871. T. II. Traduction. St.-P. 1874.

Амміанъ Марцеллинъ, Rerum gestarum libri XXXI (Ammiani Marcellini quae supersunt, edit. stereot., Lipsiae 1835).

Андерсонъ — W. Anderson, статьи въ Journal of the Asiat. Soc. of Bengal, vol. XXI (1852), p. 49—74 и 365—383.

Андреасъ — C. F. Andreas, Aginis — статья въ Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.

Аристовъ, Н. А., Англо-индійскій „Кавказъ". Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. Спб. 1900 (отдѣльный оттискъ изъ „Живой Старины" 1900 г., вып. I и II).

Аррiанъ, Anabasis (Arriani Anabasis et Indica, ed. Fr. Dübner, Parisiis 1846).

Аузли — W. Ouseley, Travels in various countries of the East, more particularly in Persia, vol. I— III, Lond. 1819—1823.

Бабуръ — واقعات بابری или بابر نامه, цитуется по изданію Н. Ильминскаго (Baber-Nameh ed. N. Ilminski, Cazani 1857).

Бейхаки — تاريخ آل سبكتكين или تاريخ بيهقى, цитуется по изданію Морлея (The Tarikh-i Baihaki ed. Morley, Calcutta 1862).

Белазури — فتوح البلدان, Liber expugnationis regionum, ed. M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum 1866.

Биддульфъ — J. Biddulph, Tribes of the Hindoo Koosh, Calcutta 1880.

Бируни — Alberuni's India, english edition, by Dr. E. C. Sachau, Lond. 1888 (Trübner's Oriental Series).

Браунъ, Ѳ. А., Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ слѣды до V вѣка, Спб. 1899.

Браунъ — E. G. Browne, Account of a rare manuscript history of Isfahan, Hertford 1901 (from the Journ. of the Royal Asiat. Soc. 1901, July and October).

Бэрнсъ — A. Burnes, Travels into Bokhara, New edition, Lond. 1839.

Ватаци — E. Legrand, Voyage de Basile Vatace en Europe et en Asie, въ Nouveaux mélanges orientaux, Paris 1866 (Publications de l'école des langues orientales vivantes, II-e serie, vol. XIX); цитуется по номераціи стиховъ.

Винклеръ — H. Winckler, Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte, Leipzig 1889.

Габеленцъ — H. C. v. der Gabelentz, Ueber die Sprache der Hazaras und Aimaks, Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges., Bd. XX (1866), S. 326—335.

Гардизи, زين الاخبار, цитуется по кэмбриджской рукописи (King's College Library, № 213).

Геродотъ — Herodoti Historiarum libri IX (ed. H. R. Dietsch, ed. altera, curavit H. Kallenberg, Lipsiae 1885).

Гутшмидъ — A. v. Gutschmid, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergange der Arsaciden, Tübingen 1888.

Діеляфуа — M-me Jane Dieulafoy, La Perse, la Chaldée et la Susiane, Paris 1887.

Дюбэ — L. Dubeux, La Perse, Paris 1881 (L'Univers. Histoire et description de tous les peuples).

Жуковскій, В. А. Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва. Спб. 1894 (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археол. Коммиссіею, № 16).

„ Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г., январь).

„ Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій, ч. I. Діалекты полосы города Кашана: Вонишухъ, Кохрудъ, Кешэ, Зэфрэ. Спб. 1888.

„ Могила Фирдоуси (Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. т. VI, стр. 308—314).

Жуковскій, В. А. Недавнія казни бабидовъ въ г. Ездѣ (тамъ-же, стр. 321—327).

Захир-ад-динъ — تاريخ طبرستان ورويان ومازندران, Sehir-eddin's Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan, persischer Text, herausg. v. B. Dorn, St.-P. 1850; Uebersetzung v. B. Dorn, St.-P. 1885. Цитуются страницы текста.

Ибн-ал-Асиръ, الكامل فى التاريخ; цитуется по изданію Торнберга (Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg, Lugduni Batavorum 1851—1876).

Ибн-ал-Факихъ, كتاب البلدان, Bibliotheca Geographorum Arabicorum ed. M. J. de Goeje, pars V, Lugduni-Batavorum 1885.

Ибнъ-Арабшахъ, عجايب المقدور فى اخبار تيمور, цитуется по Ibn-Arabsiadae vitae Timuri historia, ed. Manger, Leovardiae 1772.

Ибнъ-Батута, تحفة النظّار فى غرائب الامصار وعجائب الاسفار — Voyages d'Ibn-Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction, par C. Defrémery et Sanguinetti, Paris 1853—1858.

Ибнъ-Русте, كتاب الاعلاق النفيسة — Bibliotheca Geograph. Arab., ed. M. J. de Goeje, pars VII, Lugduni-Batav. 1892.

Ибнъ-Хаукаль, كتاب المسالك والممالك — Bibliotheca Geogr. Arab. ed. M. J. de Goeje, pars II, Lugd. Batav. 1873.

Ибнъ-Хордадбехъ, كتاب المسالك والممالك — Bibl. Geogr. Arab. ed. M. J. de Goeje, pars VI, Lugd. Batav. 1889. Цитуются страницы французскаго перевода.

Исидоръ Харакскій — Isidori Characeni Stathmos Parthicos recensuit B. Fabricius, Dresdae 1849.

Истахри, كتاب مسالك الممالك — Bibl. Geogr. Arab. ed. de Goeje, pars I, Lugd. Batav. 1870.

Исфизари, روضات الجنات فى اوصاف مدينة هرات, цитуется по рукописи Спб. Унив. № 588.

Іетъ — C. E. Yate, Khurasan and Sistan, Edinburgh and London 1900. Northern Afghanistan or letters from the Afghan Boundary Commission, Edinb. and Lond. 1888.

Катрмеръ — Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-eldin, publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère. T. I, Paris 1836.

Керъ-Портеръ — R. Ker Porter, Travels in Georgia, Persia, Armenia and ancient Babylonia, Lond. 1821—1822.

Кипертъ — H. Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, Berlin 1878.

Клавихо, Рюи Гонзалесъ де, Жизнь и дѣятельность великаго Тамерлана. Дневникъ путешествія по двору Тимура въ Самаркандъ въ 1403—1406 гг. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями И. И. Срезневскаго. Спб. 1881 (Сб. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1).

Коноллн — A. Conolly, Journey to the North of India, overland from England, through Russia, Persia and Affghaunistan, Lond. 1838.

Коншинъ, А. М., Разъясненіе вопроса о древнемъ теченіи Аму-Дарьи, Спб. 1897 (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общей географіи, т. XXXIII, № 1).

Костенко, Л. Ѳ., Туркестанскій край, Спб. 1880.

Кудама, كتاب الخراج — Bibl. Geogr. Arab. ed. M. J. de Goeje, pars VI, Lugd.-Batav. 1889. Страницы цитуются по французскому переводу.

Кэрзонъ — G. N. Curzon, Persia and the Persian Question, Lond. 1892.

Le Strange, G., The cities of Kerman (Journ. of the Royal Asiat. Soc., 1901, p. 281—290).

Лэнъ-Пуль, Стэнли, Мусульманскія династіи, перевелъ съ англійскаго съ примѣчаніями и дополненіями В. Бартольдъ, Спб. 1899.

Макдиси, احسن التقاسيم فى معرفة الاقاليم — Bibliotheca Geogr. Arab. ed. M. J. de Goeje, pars III, Lugd. Batav. 1877.

Марквартъ — J. Marquart, Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Berlin 1901 (Abhandl. der Kön. Ges. der Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, Neue Folge, Bd. III, № 2).

Марко Поло — И. П. Минаевъ, Путешествіе Марко Поло, переводъ старо-французскаго текста, изданіе Имп. Русск. Геогр. Общ. подъ редакціей В. В. Бартольда, Спб. 1902 (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXVI). Ср. Юль.

Марръ, Н. Я., Ани, столица древней Арменіи (въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“, 2-е изданіе, Москва 1898).

Масперо — C. Maspero, Histoire Ancienne des peuples de l'orient classique, Paris 1895—97.

Махмудъ б. Вели, بحر الاسرار فى مناقب الاخيار — рукоп. India office Library, № 575 по новому каталогу, № 1496 по старому.

Ménant, J., Les Achéménides et les inscriptions de la Perse, Paris 1872.

Морганъ — J. de Morgan, Mission Scientifique en Perse, Paris 1894—1896.

Мухаммедъ б. Ибрагимъ, Исторія керманскихъ сельджуковъ (безъ заглавія) — Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I, Lugd. Batav. 1886.

Мухаммедъ-Хайдеръ, تاريخ رشيدى — The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat, english version, ed. by N. Elias, the translation by E. Denison Ross. Lond. 1895.

Мюллеръ — A. Müller, Der Islam im Morgen- und Abendland, Berlin 1887.

Нельдеке — Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt, Leyden 1879.

Нершахи, تاريخ بخارا — Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, texte persan publié par Ch. Schefer, Paris 1892 (Public. de l'école des langues orientales vivantes, III-e série, vol. XIII). Ср. также Мухаммадъ Наршахи, Исторія Бухары, перевелъ съ персидскаго Н. Лыкошинъ, Ташкентъ 1897.

Ольденбергъ — H. Oldenberg, Aus Indien und Iran, Berlin 1899.

д'Оссонъ — le baron C. d'Ohsson, Histoire de Mongols, La Haye et Amsterdam 1834.

Персидскій географъ (анонимный) X в., حدود العالم, рукопись, принадлежащая А. Г. Туманскому.

Послaвскій, И. Т., Изъ поѣздки на р. Атрекъ и р. Гюргенъ (Протоколы Турк. кружка любит. археологіи, годъ V, стр. 184—192).

Продолжатель Рашид-ад-дина (см. Рашид-ад-динъ) — цитуется по рукоп. Аз. Муз. a 566.

Proceedings of the Royal Geogr. Society, New Series, vol. VII, London 1885.

Радловъ, В. В., Къ вопросу объ уйгурахъ, Спб. 1893 (прилож. къ LXXII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 2).

Рашид-ад-динъ, جامع التواريخ; цитуется по Катрмеру и д'Оссону.

Риттихъ, П. А., Политико-статистическій очеркъ Персіи, Спб. 1896.

Рихтхофенъ — Frh. F. v. Richthofen, China, Bd. I, Berlin 1877.

Робертсонъ — G. S. Robertson, Kafiristan (The Geograph. Journal, Sept. 1894). Я пользовался этой статьей только въ русскомъ пере-

сказѣ Г. Тарновскаго (Туркест. Вѣдом. 1894 г., № 66—71, и Среднеаз. Вѣстникъ, мартъ 1896 г.).

Сани-ад-дауля, مطلع الشمس; литогр. въ Тегеранѣ въ 1301—3 г. хиджры.

Страбонъ — Strabonis Geographica, graece cum versione reficta, curantibus C. Müllero et F. Dübnero, Parisiis 1853.

Сюань-цанъ, біографія — Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, trad. par Stan. Julien, Paris 1853.

„ Записки — Mémoires sur les contrées occidentales, trad. par Stan. Julien, Paris 1857—8.

Табари — At-Tabari, Annales, cum aliis edidit M. J. de Goeje, Lugd. Batav. 1879—1901.

Таверньe — J. B. Tavernier, Les six voyages de —, La Haye 1718.

Тизенгаузенъ, бар. В. Г., О мечети Алишаха въ Тебризѣ (Зап. Вост. Отд. И. Русск. Арх. Общ., т. I, стр. 115—118).

Томашекъ — W. Tomaschek, статьи Artakoana, Baktra, Baktriane, Baktrianoi (Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft).

„ Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden (Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, phil.-hist. Classe, Bd. 116 u. 117).

„ Zur historischen Topographie von Persien (Sitzungsberichte etc., Bd. 102 u. 108). Въ обоихъ случаяхъ цитуются страницы томовъ журнала, а не страницы отдѣльныхъ оттисковъ.

Туманскій, А. Г., Отъ Каспійскаго моря къ Хормузскому проливу и обратно (Сборникъ матеріаловъ по Азіи, изд. Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба, вып. 65, Спб. 1896).

Туркестанъ — В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, тексты, Спб. 1898; ч. II, изслѣдованіе, Спб. 1900. Гдѣ указаны только цыфры страницъ, имѣется въ виду вторая часть.

Утби, تاريخ يميني; цитуется по рукоп. Аз. Муз. № 510.

Ферье — J. P. Ferrier, Voyages et aventures en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutchistan et le Turkestan, Paris 1870.

Фрезеръ — J. B. Fraser, Narrative of a journey into Khorasan, London 1825.

„ Travels and adventures in the persian provinces on the southern banks of the Caspian sea, Lond. 1826.

Хамдаллахъ Казвини, نزهة القلوب; цитуется по рукоп. Спб. унив. № 171 и по отрывкамъ, изданнымъ Шеферомъ (Siasset Namèh, texte persan édité par Ch. Schefer, Supplément, Paris 1897 = Publications de l'école des langues orientales vivantes, III-e série, vol. VII, 2-e partie).

Ханыковъ — N. de Khanikoff, Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale, Paris 1861.

Хафизи Абру, историко-географическій трудъ (безъ заглавія); цитуется по рукоп. Имп. Публ. библ. Dorn 290.

Хиртъ — F. Hirth, Zur Kulturgeschichte der Chinesen, München 1898 (Sonderabdruck aus der Beilage zur „Allgemeinen Zeitung", № 147 u. 148).

Хольдичъ — T. H. Holdich, The Indian Borderland, Lond. 1901.

Хоммель — F. Hommel, Die Namen der Säugethiere bei den südsemitischen Völkern, Lpz. 1879.

Шаваннъ — E. Chavannes, La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han, Paris 1893.

Шарденъ — Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux, nouv. édition, Amsterdam 1735.

Шереф-ад-динъ, ظفر نامه, цитуется по калькутскому изданію (The Zafarnamah by Maulana Sharfuddin Ali of Yazd, ed. by Maulawi Muhammad Ilahdad, Calcutta 1887—8).

Шпехтъ — E. Specht, Du déchiffrement des monnaies sindo-ephthalites (Journ. Asiat. 9, XVII, p. 487—523).

Шпигель — F. Spiegel, Eran, das Land zwischen Indus und Tigris, Berlin 1863.

Юль, Марко Поло — The book of Ser Marco Polo, the Venetian . . . Newly translated and edited by col. H. Yule. Sec. ed. Lond. 1875.

Юсти — F. Justi, Geschichte der orientalischen Völker im Altertum, Berlin 1884.

Юстинъ — Justini Historicarum Philippicarum ex Trogo Pompejo libros (sic) XLIV quos notis et ind. illustraverunt E. Johanneau et F. Dubner, Parisiis 1833 (Nova scriptorum latinorum bibliotheca ed. C. L. F. Panckoucke).

Якуби, كتاب البلدان — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje, pars VII, Lugd. Batav. 1892.

Якутъ, معجم البلدان — Jacut's Geographisches Wörterbuch, herausg. von F. Wüstenfeld, Lpz. 1866—70.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе I

Списокъ цитованныхъ книгъ и статей III

Введеніе 1

I. Бактрія, Балхъ и Тохаристанъ 4

Бактрія въ древности и религія Заратустры 4. — Балхъ при арабскихъ географахъ 8. — Греко-бактрійское государство 10. — Тохары и кушаны 12. — Пути изъ Балха въ Индію и Тибетъ 14. — Балхъ послѣ X в. 17.— Современное состояніе развалинъ 18. — Мазар-и-Шерифъ 20. — Дорога изъ Балха въ Мервъ 21 . . . . .

II. Мервъ и теченіе Мургаба 25

Берега Мургаба выше Мерва 25.—Развалины Мерва 29.—Исторія города 31.

III. Гератъ и теченіе Герируда 33

Пути изъ Мерва въ Гератъ 33. — Гератъ 34. — Исторія города и памятники древности 35. — Мѣстность по Герируду ниже Герата 41.

IV. Сеистанъ, южная часть Афганистана и Белуджистанъ 44

Исфизаръ 44. — Сеистанъ 45. — Пути изъ Герата въ Индію 49. — Белуджистанъ 51. — Газна и Кабулъ 52. — Сулеймановы горы 53. — Аймаки и хезарейцы 54. — Кафиристанъ 56.

V. Хорасанъ 59

Занятіе арійцами сѣверной Персіи 59.—Этекъ 60.—Курдскія ханства 62.— Нишапуръ 64. — Тусъ 70. — Мешхедъ 71. — Себзеваръ 75. — Туршизъ 76.

VI. Кумисъ и Джурджанъ 77

Шахрудъ и Бистамъ 77.—Джурджанъ 79.—Астрабадъ и Дехистанъ 80.— Дамганъ и Семнанъ 81.

VII. Рей и Хамаданъ 84

Рей 84. — Вераминъ 86. — Тегеранъ 87. — Пути изъ Рейя въ Хамаданъ 88. — Хамаданъ 89.

VIII. Кухистанъ, Керманъ и Мекранъ 92

Хорасанская степь 92. — Кухистанъ 93. — Керманъ 94. — Ормузъ и Кишъ 98. — Мекранъ 99.

IX. Фарсъ 101

Три полосы Фарса 101.—Пасаргады и Персеполь 102.—Ширазъ 104.—Фирузабадъ 108. — Западная часть Фарса 109. — Буширъ 110.—Кочевники 111. — Іездъ 112.

X. Исфаханъ, Кашанъ и Кумъ 114

Исфаханъ 124. — Постройки Аббаса Великаго 116. — Кашанъ и Кумъ 119.

XI. Луристанъ и Хузистанъ 121

Луристанъ 121. — Хузистанъ 123. — Устье Каруна 127.

XII. Курдистанъ и Месопотамія 130

Путь изъ Хамадана въ Месопотамію 130. — Иракъ Арабскій 133.

XIII. Горы къ сѣверу отъ Хамадана 138
Арделанъ 138. — Казвинъ 139. — Султанія 140. — Зенджанъ 142.
XIV. Адербиджанъ и Арменія 143
Адербиджанъ 143.—Тебризъ 145. — Озеро Урмія 148.—Арменія 149.—Аранъ 151.
XV. Гилянъ и Мазандеранъ 153
Гилянъ и Табаристанъ 153.—Дейлемъ 154.—Лахиджанъ и Рештъ 156. — Мазандеранъ 158.
Указатель собственныхъ именъ 163

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
8	10	Седистана	Сеистана
»	15	Bactra	Baktra
116	16	Абу-ар-Реззакъ	Абд-ар-Резакъ
128	16	Karunel	Karun el

Историко-географическій обзоръ Ирана.

Цѣль настоящаго курса — дать краткій обзоръ географіи Ирана, болѣе подробно остановиться на мѣстностяхъ, бывшихъ въ различное время центрами исторической жизни, и, по возможности, опредѣлить степень зависимости этой жизни отъ географическихъ условій.

Слово *Иранъ*, какъ географическій терминъ, обозначаетъ высокое плоскогорье, граничащее на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ съ бассейнами Каспійскаго и Аральскаго морей, на западѣ, югѣ и юго-востокѣ съ бассейномъ Индійскаго океана. Страна принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ внутреннихъ, замкнутыхъ бассейновъ, характерныя особенности которыхъ лучше всего выяснены Рихтхофеномъ въ его книгѣ о Китаѣ. Главное отличіе этихъ бассейновъ отъ океаническихъ или периферическихъ состоитъ въ томъ, что въ первыхъ, внутреннихъ, всѣ продукты механическаго и химическаго разрушенія (зависящаго отъ водъ, вѣтровъ и т. п.) остаются внутри страны, во вторыхъ, периферическихъ, уносятся въ море; въ первомъ случаѣ накопленіе такихъ осадковъ постепенно сглаживаетъ неровности почвы и содѣйствуетъ нивеллированію ея, во второмъ осадки накопляются по берегамъ морей и содѣйствуютъ образованію дельтъ и поднятію морского дна; внутри страны проточныя воды все болѣе и болѣе размываютъ почву, и неровности послѣдней становятся все болѣе и болѣе рѣзкими. Такимъ образомъ въ замкнутыхъ бассейнахъ расчлененіе почвы постепенно уменьшается, въ периферическихъ увеличивается. Вслѣдствіе недостатка влаги въ замкнутыхъ бассейнахъ воздѣланныя пространства могутъ занимать только небольшую часть площади страны, и это дѣлаетъ невозможнымъ прочное развитіе культуры и гражданственности; поэтому замкнутые бассейны рѣзко отличаются отъ периферическихъ не только въ географическомъ, но и въ историческомъ отношеніи.

Къ числу такихъ внутреннихъ бассейновъ съ крайне сухимъ климатомъ принадлежитъ и Иранское плоскогорье. Кромѣ нѣкоторыхъ горныхъ

мѣстностей земледѣльческая культура здѣсь возможна только при условіи искусственнаго орошенія; оттого всѣ рѣки, за исключеніемъ самыхъ значительныхъ, разбираются на каналы для орошенія полей тотчасъ по своемъ выходѣ изъ горъ: остатки ихъ водъ теряются въ пескахъ; культурная жизнь по необходимости сосредоточивается по краямъ горъ, прорѣзывающихъ плоскогорье. По тѣмъ-же причинамъ географическія границы Прана не могли совпадать съ политическими и этнографическими. Негодность почти всей внутренней части страны для осѣдлой культуры по необходимости должна была заставить иранцевъ населить сосѣднія области морскихъ и арало-каспійскаго бассейновъ. Самая восточная вѣтвь иранцевъ, афганцы, нынѣ живетъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ рѣки Инда, а самая западная, курды, въ бассейнѣ Тигра. Приблизительно въ этихъ предѣлахъ проходила историческая жизнь иранцевъ, вслѣдствіе чего авторъ обширнаго, въ настоящее время нѣсколько устарѣвшаго уже, сочиненія объ Иранѣ, Шпигель, счелъ возможнымъ озаглавить свой трудъ: „Eran, das Land zwischen Indus und Tigris".

Въ этнографическомъ отношеніи подъ иранцами, какъ извѣстно, понимаютъ вѣтвь арійскаго племени, находящуюся въ ближайшемъ родствѣ съ арійцами Индіи. Сходство по языку между древнѣйшими памятниками литературъ индійской и иранской такъ велико, что была даже сдѣлана попытка возстановить въ общихъ чертахъ языкъ, на которомъ говорили доисторическіе общіе предки иранцевъ и индійцевъ; Германъ Ольденбергъ въ своей книгѣ „Aus Indien und Iran", замѣчаетъ: „Мы можемъ прослѣдить, до отдѣльныхъ подробностей, процессы, посредствомъ которыхъ тотъ языкъ, отъ котораго преданіе намъ не сохранило ни одного слова, къ юго-востоку отъ Гиндукуша превратился въ діалектъ Ведъ, къ западу отъ тѣхъ же горъ въ діалектъ Авесты". Изъ двухъ вѣтвей азіатскихъ арійцевъ, индійцевъ и иранцевъ, первые получили свои этническія особенности, повидимому, уже въ странѣ по ту сторону отъ Гиндукуша; никакихъ слѣдовъ пребыванія индійцевъ къ сѣверу отъ этихъ горъ нѣтъ. Съ другой стороны иранцы, по мнѣнію современныхъ изслѣдователей, нѣкогда населяли значительную часть южной Россіи и весь Туркестанъ, какъ западный или нынѣшній Русскій, такъ и Восточный, т. е. бассейнъ р. Тарима. На всемъ этомъ пространствѣ говорили на языкахъ, уже носившихъ на себѣ характерные признаки иранскихъ нарѣчій, не доисторическаго индо-иранскаго языка; какъ этотъ фактъ, такъ и немногія находящіяся въ нашемъ распоряженіи историческія данныя, отчасти указанныя въ ма-

тистерской диссертаціи Ѳ. А. Брауна „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній (77, 90, 96)", заставляютъ полагать, что движеніе иранцевъ, послѣ отдѣленія ихъ отъ индійцевъ, происходило съ востока на западъ, а не наоборотъ: въ нынѣшнюю Персію иранцы, по всей вѣроятности, двигались также съ востока и до своего вторженія туда достигли нѣкотораго культурнаго развитія въ областяхъ, теперь входящихъ въ составъ Афганистана. Здѣсь, въ бассейнѣ Аму-дарьи и другихъ рѣкъ, текущихъ съ высокихъ горныхъ хребтовъ, составляющихъ восточную границу Иранскаго плоскогорья, условія орошенія нѣсколько благопріятнѣе, чѣмъ въ западной части Прана; высокіе снѣжные хребты даютъ начало многоводнымъ рѣкамъ. Путешественникъ Ферье, проѣхавшій въ 1845—46 гг. черезъ Персію и Афганистанъ, говоритъ (I, 269), что на всемъ пространствѣ отъ Керманшаха, главнаго города персидскаго Курдистана, до рѣки Герирудъ, составляющей границу между Персіей и Афганистаномъ, ему пришлось переправляться только черезъ ручьи (ruisseaux); Герирудъ былъ первой рѣкой „à laquelle on puisse donner le nom de rivière". Названія настоящей рѣки (fleuve) на всемъ пространствѣ отъ Тигра до Инда заслуживаетъ, по мнѣнію того же Ферье, только одинъ Хильмендъ.

I.

Бактрія, Балхъ и Тохаристанъ.

Древнѣйшимъ извѣстнымъ намъ центромъ иранской культуры, можетъ быть также иранскаго государственнаго строя, были *Бактры*, нынѣшній *Балхъ*, къ югу отъ Аму-дарьи. Эта первобытная культура несомнѣнно стояла гораздо ниже культуры народовъ, жившихъ въ то время вокругъ Средиземнаго моря и въ бассейнѣ Евфрата и Тигра. Даже впослѣдствіи, когда восточная часть Ирана вошла въ составъ основанной персами имперіи Ахеменидовъ, нравы бактрійцевъ и согдійцевъ рѣзко отличались отъ нравовъ жителей западной половины государства; по словамъ Страбона, согдійцы и бактрійцы въ древности, т. е., какъ видно по контексту, до Александра Великаго, по образу жизни и по нравамъ мало чѣмъ отличались отъ кочевниковъ: τὸ μὲν ὧν παλαιὸν οὐ πολὺ διέφερον τοῖς βίοις καὶ τοῖς ἤθεσι τῶν Νομάδων οἵ τε Σογδιανοὶ καὶ οἱ Βακτριανοί. (Strabo, lib. XI, cap. 11).

Вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо достовѣрныхъ свидѣтельствъ мы не можемъ рѣшить, оказали ли на культуру согдійцевъ и бактрійцевъ какое-либо вліяніе сношенія съ Передней Азіей, т. е. съ Ассиріей и Вавиліей, или съ индійскими арійцами. Преданія о походахъ ассиріянъ въ Среднюю Азію не подтверждаются ассирійскими надписями, вообще не говорящими о такихъ отдаленныхъ походахъ. Торговыя сношенія, вѣроятно, были, но о нихъ мы можемъ только дѣлать предположенія, на основаніи времени появленія на западѣ, особенно въ развалинахъ древнихъ городовъ, среднеазіатскихъ минераловъ и на основаніи распространенія среднеазіатскихъ растеній и животныхъ, напр. бактрійскаго, т. е. двугорбаго верблюда, изображеніе котораго находится на обелискѣ ассирійскаго царя Салманасара II, поставленномъ въ 842 году; двугорбые верблюды здѣсь упоминаются среди дани, доставленной однимъ изъ владѣтелей нынѣшней Арменіи; нѣкоторые изслѣдователи (Хоммель) указыва-

ютъ даже на сходство головного убора погонщиковъ этихъ верблюдовъ съ головнымъ уборомъ киргизовъ. Родиной лошади тоже считается Средняя Азія. Изображеніе лошади не встрѣчается на египетскихъ памятникахъ первыхъ 14-ти династій; появляется оно со времени вторженія гиксосовъ, которое относится вѣроятно къ 3-му тысячелѣтію (болѣе точное опредѣленіе хронологіи египетскихъ династій остается спорнымъ). Изъ минераловъ можно указать на несомнѣнно добывавшійся въ Средней Азіи лапись-лазури; по словамъ Масперо (I, 470) лапись-лазури былъ уже среди предметовъ, получавшихся изъ Азіи фараонами 12-ой династіи. Изъ лапись-лазури приготовлялась синяя краска для орнаментовъ, которые мы находимъ на стѣнахъ дворца ассирійскаго царя Ассур-Нацир-Хабала, правившаго въ первой половинѣ IX в. (Юсти, 264).

Спорнымъ остается также вопросъ, можно ли указать слѣды вліянія болѣе культурныхъ народовъ въ религіозномъ ученіи *Заратустры*, ставшемъ національной религіей иранцевъ. Личность Заратустры, какъ и личность основателей другихъ религій, впослѣдствіи сдѣлалась предметомъ фантастическихъ преданій, но все-таки древнѣйшіе элементы Авесты, подлинность которыхъ доказывается лингвистическими признаками, даютъ намъ, по мнѣнію Ольденберга, возможность получить представленіе, въ главныхъ чертахъ, о личности и ученіи пророка.

Ольденбергъ считаетъ историческими личностями не только Заратустру, но и бактрійскаго царя Виштаспу, къ которому обращается пророкъ; рядомъ съ Вишстаспой упоминается царица Хутаоса и двое сподвижниковъ царя. Этотъ царь отнюдь не окруженъ такой пышностью, какъ впослѣдствіи Ахемениды, и является не главою сильнаго военнаго государства, а предводителемъ народа земледѣльцевъ и скотоводовъ. Заратустра обращается къ нему и къ его близкимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, покровителямъ и защитникамъ его вѣры. Какъ извѣстно, основное ученіе послѣдней — существованіе двухъ началъ, добраго и злого; между ними происходитъ борьба, въ которой принимаютъ дѣятельное участіе и люди, и животныя. Такое ученіе естественно должно было возникнуть въ мѣстности, гдѣ рѣзче всего проявляется противоположность между безжизненной пустыней и цвѣтущими оазисами, гдѣ человѣкъ долженъ стараться употребить каждую каплю воды для орошенія своихъ полей, гдѣ успѣхи, достигнутые культурой, требуютъ постоянной охраны какъ отъ песковъ пустыни, такъ и отъ „степныхъ всадниковъ, убивающихъ мужей, угоняющихъ скотъ и уводящихъ въ плѣнъ женъ и дѣтей“, какъ говорится въ одномъ изъ гимновъ. Зато трудъ щедро вознаграждается, и тамъ, гдѣ трудолюбивый земледѣлецъ

обезпеченъ отъ грабежей кочевниковъ, ему почти нѣтъ основанія опасаться неблагопріятныхъ атмосферическихъ явленій. Оттого эволюція первобытнаго арійскаго культа природы здѣсь приняла совершенно иной характеръ, чѣмъ въ Индіи. Какъ замѣчаетъ Ольденбергъ, „въ странѣ Заратустры не было философовъ, не было ни метафизическаго глубокомыслія, ни жажды избавленія отъ міровой скорби. Но тамъ былъ крѣпкій народъ, полный здоровой жизнерадостности, привыкшій устраивать и отстаивать свое существованіе въ трудахъ и борьбѣ". Конечно, понятіе о добрѣ и борьбѣ его со зломъ, при отсутствіи „метафизическаго глубокомыслія", не могло имѣть того возвышеннаго характера, какой получило впослѣдствіи. Для поклонниковъ Заратустры добро тождественно съ пользой, зло—со вредомъ, причемъ не дѣлается различія между трудомъ для общей пользы и стремленіемъ къ личному благосостоянію. Добру служитъ тотъ, кто имѣетъ жену и дѣтей, обрабатываетъ поле, бережетъ свой скотъ и другое имущество, также тотъ, кто проводитъ дороги, строитъ мосты, истребляетъ вредныхъ животныхъ. Борьба со зломъ и злыми также понимается въ буквальномъ смыслѣ, въ противоположность христіанскому ученію о непротивленіи злу зломъ и о любви къ врагамъ; по Авестѣ тотъ, кто дѣлаетъ добро злому, тотъ самъ золъ, а кто причиняетъ ему вредъ мыслями, словами или дѣйствіемъ, тому радуется Ормуздъ. Борьба между добромъ и зломъ ведется и въ животномъ царствѣ; представителями добра являются: собака, какъ извѣстно, особенно прославляемая въ Авестѣ, пѣтухъ, возвѣщающій наступленіе дня и призывающій людей встать, прославлять добро и бороться со зломъ, и другія полезныя животныя; представителями зла, созданіемъ злого Аримана—змѣи, муравьи, мыши, волки и т. п. Истребленіе вредныхъ животныхъ составляетъ одну изъ обязанностей вѣрующаго. Для борьбы со зломъ и очищенія себя отъ него, кромѣ жизненной дѣятельности человѣка, предлагается также исполненіе цѣлаго ряда суевѣрныхъ обрядовъ.

Добро и зло олицетворяютъ высшія божества, свѣтлый богъ неба *Ормуздъ* (собств. Ахурамазда) и *Аримань* (Анграмайньюшъ), духъ тьмы и смерти, создатель и охранитель всего вреднаго, всякихъ бѣдствій, страданій и пороковъ. Существованіе добрыхъ, свѣтлыхъ и злыхъ, темныхъ духовъ признаетъ и первобытный культъ природы; извѣстно, что въ Иліадѣ властитель подземнаго царства въ одномъ мѣстѣ (IX, 457) называется Ζεὺς καταχθόνιος; еще ярче этотъ дуализмъ проявляется въ разсказѣ о жертвоприношеніи при клятвенномъ договорѣ между греками и троянцами передъ единоборствомъ Менелая съ Парисомъ, причемъ приносится въ жертву бѣлая овца въ честь солнца и черная овца въ честь земли

(III, 103—104). Но въ первобытной религіи арійцевъ, какъ въ Индіи, такъ и въ Греціи, не было еще отожествленія свѣта съ добромъ, тьмы со зломъ; божествамъ, даже свѣтлымъ, приписываются эгоистичныя, нерѣдко низменныя стремленія; уже одно понятіе о „зависти боговъ“ показываетъ, что человѣкъ и съ чистой совѣстью долженъ былъ испытывать передъ богами прежде всего чувство страха. Развитіе идеи нравственности должно было вызвать отрицательное отношеніе къ такимъ божествамъ. Какъ для буддиста человѣкъ, достигшій святости, стоитъ выше боговъ индійскаго пантеона, такъ въ Авестѣ слово daêva (новоперс. دیو), тожественное съ санскритскимъ devah, обозначающимъ боговъ, служитъ только для обозначенія злыхъ духовъ. Среди свѣтлыхъ божествъ Ормуздъ, создатель неба и земли, является только первымъ изъ семи „святыхъ безсмертныхъ“ (amesha spenta), хотя послѣдніе въ древнѣйшихъ гимнахъ являются скорѣе олицетвореніемъ отдѣльныхъ аттрибутовъ Бога, чѣмъ самостоятельными божествами; сюда принадлежитъ и *Аша*, понятіе, соотвѣтствующее санскр. rita и являющееся олицетвореніемъ того мірового порядка, укрѣпленіе и расширеніе котораго составляетъ цѣль борьбы между добромъ и зломъ. Кромѣ того ученіе Заратустры не уничтожило культа нѣкоторыхъ древне-иранскихъ божествъ, какъ *Митры*, бога солнца, и *Тиштріи*, бога дождя, ведущаго борьбу съ демономъ засухи.

О томъ, когда и откуда арійцы пришли въ Бактрію и основали гор. Бактры (впослѣдствіи Балхъ), мы не имѣемъ извѣстій. Выборъ мѣста опредѣляется необыкновеннымъ плодородіемъ, которымъ оазисъ, образованный рѣкою Βάκτρος (нынѣ Балхâбъ) при ея выходѣ изъ горъ, превосходитъ всѣ прочіе оазисы этой мѣстности. Сдѣлавшись главнымъ городомъ мѣстности, Бактры, какъ впослѣдствіи Балхъ, являлись центромъ торговли съ Индіей, хотя нѣкоторые другіе оазисы соединены съ бассейномъ р. Инда болѣе удобными путями; сношенія между Балхомъ и Индіей, какъ мы увидимъ дальше, происходили преимущественно по долинѣ Хульма, а не по долинѣ Балхаба. Рѣки, вытекающія изъ сѣверныхъ отроговъ Гиндукуша, направляются всѣ къ Аму-дарьѣ, но только немногія достигаютъ ея; не доходитъ до Аму-дарьи и Балхабъ, который и въ эпоху арабскихъ географовъ терялся въ пескахъ. Если вѣрить классическимъ писателямъ, то въ ихъ время Βάκτρος впадалъ въ Аму-дарью и даже служилъ для перевозки индійскихъ товаровъ; но это извѣстіе, какъ и другія извѣстія классическихъ писателей о мѣстныхъ рѣкахъ, вызываетъ большія сомнѣнія; по Амміану Марцеллину (XXIII, 6, 69) даже изъ Герата корабли могли доходить до Каспійскаго моря. Едва-ли можно допустить, что въ теченіе 1000 лѣтъ, отдѣляющихъ гре-

ческихъ географовъ отъ арабскихъ, условія орошенія въ Иранѣ измѣнились такъ существенно, тогда какъ въ послѣдующія 1000 лѣтъ, отъ эпохи арабскихъ географовъ до нашего времени, эти условія подверглись самымъ незначительнымъ измѣненіямъ. По всей вѣроятности, товары въ Бактры всегда привозились только по караваннымъ, а не по воднымъ путямъ. Возвышенію политическаго и торговаго значенія Балха могло содѣйствовать также его положеніе въ центрѣ восточно-иранскаго міра. Географъ IX в. Я'куби (287 — 288), хотя и не вполнѣ основательно, утверждаетъ, что Балхъ находился въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ Ферганы, Рея, Седистана, Кабула, Кандагара, Кашмира, Хорезма и Мультана.

Подробнаго описанія гор. Бактръ мы не имѣемъ; мы знаемъ только то, что городъ былъ расположенъ въ равнинѣ, гдѣ рѣка выходитъ изъ горъ, въ трехъ дняхъ пути къ югу отъ Аму-дарьи, и что цитадель стояла на возвышеніи (Томашекъ, Bactra).

Гораздо болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ арабскіе географы, по словамъ которыхъ разстояніе между Балхомъ и берегомъ Аму-дарьи проходили въ 2 дня. Это разстояніе опредѣляется въ 12 *фарсаховъ* — мѣра, которая въ Персіи существовала уже въ глубокой древности, но величина которой не была строго опредѣленной; сравненіе разстояній, указанныхъ арабскими географами, съ нынѣшними заставляетъ полагать, что въ ихъ время фарсахъ чаще всего равнялся приблизительно 6 верстамъ. Городъ былъ расположенъ въ равнинѣ, на разстояніи 4-хъ фарсаховъ отъ ближайшихъ горъ. О цитадели (قهندز) въ этотъ періодъ ничего не говорится. Подобно окрестностямъ другихъ большихъ городовъ, какъ Самаркандъ и Бухара, весь Балхскій оазисъ былъ нѣкогда окруженъ длинными стѣнами для защиты отъ набѣговъ кочевниковъ; длина этихъ стѣнъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, между прочимъ и при описаніи Балха, опредѣляется въ 12 фарсаховъ въ окружности (Я'куби, 288). Въ эпоху арабскаго владычества этихъ стѣнъ уже не было, и самый городъ раздѣлялся, какъ и другіе большіе города, на собственно-городъ, *медина* (по перс. шахристанъ), и предмѣстье *рабадъ* (ربض); персидскій терминъ, *бирунъ* (Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, стр. 80), у географовъ не встрѣчается. Во всѣхъ большихъ городахъ внутренняя часть города, шахристанъ, была окружена особой стѣной; рабадомъ называлось пространство между этой стѣной и внѣшней стѣной города. Самое слово „рабадъ“ первоначально, повидимому, обозначало эту внѣшнюю стѣну и часто употребляется въ этомъ значеніи. Немногія имѣющіяся у насъ данныя объ исторіи отдѣльныхъ городовъ, особенно сравнительно

подробныя извѣстія Нершахи, автора X в., о топографіи Бухары, показываютъ, что шахристанъ былъ древнѣйшей частью города, возникшей еще въ эпоху исключительнаго господства земельной аристократіи, что въ рабадѣ жили представители торгово-промышленнаго класса и сосредоточивались базары; по мѣрѣ упадка земельной аристократіи и возвышенія торгово-промышленнаго сословія жизнь все болѣе и болѣе переходила изъ шахристана въ рабадъ.

О Балхѣ арабскіе географы не даютъ намъ такихъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о Бухарѣ и Самаркандѣ. Самое протяженіе города въ фарсахахъ опредѣляется различно, различно опредѣляется и число воротъ: воротъ рабада по Я'куби было 4, по словамъ географовъ X в.—7; аналогія съ другими большими городами заставляетъ предполагать, что первое извѣстіе о 4-хъ воротахъ должно быть отнесено, вопреки словамъ Я'куби, не къ рабаду, а къ шахристану. Приводятся названія воротъ, среди которыхъ упоминаются „ворота индійцевъ" (باب هندوان) и „ворота евреевъ" (باب يهودان); очевидно, эти названія указываютъ на кварталы, въ которыхъ жили индійскіе и еврейскіе торговцы. Даже теперь, несмотря на совершенный упадокъ торговаго значенія Балха, въ городѣ есть значительная еврейская колонія, помѣщающаяся въ особомъ кварталѣ; есть также индійскіе лавочники (Петъ, Northern Afghanistan, 256). Дома, какъ во всѣхъ городахъ Персіи и Средней Азіи, были выстроены изъ глины; базары помѣщались, по словамъ арабскихъ географовъ, главнымъ образомъ въ шахристанѣ, вокругъ соборной мечети, находившейся въ центрѣ шахристана. Съ другой стороны анонимный персидскій географъ X в., рукопись сочиненія котораго была открыта въ Бухарѣ и даетъ очень подробныя свѣдѣнія о Средней Азіи, говоритъ, что много базаровъ было въ рабадѣ.

Изъ отдѣльныхъ построекъ города, кромѣ соборной мечети, упоминается еще постройка домусульманскаго времени — *Наубехаръ*; въ X в. зданіе уже находилось въ развалинахъ. Персидскій географъ называетъ его постройкою древне-персидскихъ царей, но болѣе правильно опредѣленіе арабскихъ географовъ, которые говорятъ, что Наубехаръ былъ храмомъ людей той вѣры, къ которой принадлежали китайскіе императоры и кабульскій шахъ, т. е. буддистовъ (نوبهار = nava vihara). Подробное, хотя, повидимому, нѣсколько фантастическое описаніе храма даетъ Ибн-ал-Факихъ (322—324). По этому описанію зданіе состояло изъ купола, величиною въ 100 локтей въ радіусѣ, и круглыхъ портиковъ кругомъ; вокругъ зданія было 360 келій для служителей храма, изъ которыхъ каждый отправлялъ службу только одинъ разъ въ

году. Храмъ существовалъ уже въ VII вѣкѣ и описанъ буддійскимъ паломникомъ Сюань-цаномъ; въ запискахъ этого путешественника (I, 30) храмъ помѣщается къ юго-востоку отъ города, въ его біографіи (64)— къ юго-западу; арабскіе географы только говорятъ, что храмъ находился въ рабадѣ и что р. Балхабъ протекала мимо воротъ Наубехара, по всей вѣроятности, входя въ городъ. Это предположеніе подтверждается словами бухарскаго историка XVII в. Махмуда бенъ эмиръ-Вели (л. 317 а), по словамъ котораго Наубехарскія ворота находились на южной сторонѣ города и въ его время назывались воротами Ходжа-Султанъ-Ахмеда. Изъ китайскаго описанія видно, что въ храмѣ хранилось нѣсколько буддійскихъ святынь; къ сѣверу отъ него была ступа, т. е. постройка для храненія мощей, вышиною въ 200 футовъ; къ юго-западу былъ еще другой храмъ, считавшійся очень древнимъ. Всего при Сюань-цанѣ въ Балхѣ считалось до 100 буддійскихъ монастырей и до 3000 монаховъ.

Такимъ образомъ городъ, въ которомъ было впервые признано ученіе Заратустры, сдѣлался однимъ изъ главныхъ очаговъ буддизма. Фактъ этотъ объясняется историческими событіями, которыя, послѣ разрушенія государства Ахеменидовъ Александромъ Македонскимъ, отдѣлили Бактрію отъ остальной части Ирана и установили тѣсную связь между Бактріей и Индіей.

Греко-бактрійское государство простиралось на западъ до Герируда, и теперь служащаго на значительномъ протяженіи границей между Персіей и Афганистаномъ и ниже между Персіей и Россіей. На юго-востокѣ греко-бактрійскіе цари подчинили своей власти область за Гиндукушемъ, причислявшуюся въ то время къ Индіи; къ Индіи иногда также причисляли область по верхнему Хильменду, главнымъ городомъ которой теперь является Кандагаръ, область извѣстную у классическихъ писателей подъ названіемъ *Арахосіи* (Harakhushti въ Авестѣ); въ описаніи парѳянскихъ провинцій у Исидора Харакскаго Арахосія носитъ названіе „Бѣлой Индіи“. Эпохой высшаго могущества греко-бактрійскаго государства была первая четверть II в. до Р. Хр. Евѳидемъ и его сынъ Димитрій покорили всѣ области по Инду до моря, а на сѣверо-востокѣ захватили горныя области до владѣній серовъ, т. е. китайцевъ, и фуновъ, въ которыхъ Гутшмидъ (45) видитъ одну изъ тибетскихъ народностей; Томашекъ (Persien, I, 205), повидимому съ большимъ основаніемъ, считаетъ ихъ гуннами, хун-ну китайскихъ лѣтописей; Гутшмидъ (44) полагаетъ, что цѣлью этихъ походовъ было установить правильныя торговыя сношенія съ Китаемъ, что едва-ли основательно, такъ какъ китайцы до посольства Чжанъ-цзяна не имѣли никакихъ извѣстій о „Западномъ краѣ“. Для оцѣнки

культурнаго значенія греко-бактрійскаго государства необходимы еще основательныя археологическія и лингвистическія изслѣдованія; послѣднія дадутъ возможность опредѣлить, какіе культурные термины въ восточныхъ языкахъ заимствованы изъ греческаго и этимъ указываютъ на греческое вліяніе. Сильнѣе всего должно было проявиться вліяніе греческаго искусства, и дѣйствительно, греческія головки украшаютъ глиняные гробики, въ которыхъ послѣдователи Заратустры хоронили кости своихъ умершихъ послѣ отдѣленія ихъ отъ мяса; многочисленныя терракотовыя статуэтки, находимыя преимущественно въ окрестностяхъ Самарканда, столь-же ясно указываютъ на вліяніе греческаго искусства. Слѣды этого вліянія отмѣчаютъ также изслѣдователи индійскаго искусства, особенно скульптуры. Извѣстный синологъ проф. Хиртъ видитъ признаки вліянія бактрійскаго искусства и въ древнѣйшихъ памятникахъ китайскаго искусства, относящихся ко II в. до Р. Хр.; но это сближеніе отвергается другимъ синологомъ, Шаванномъ. Что касается лингвистическихъ данныхъ, то есть мнѣніе, по которому китайское *пу-тао*, виноградъ, есть греческое βότρυς (Хиртъ); въ такомъ случаѣ винодѣліе было принесено греками въ Среднюю Азію, гдѣ съ нимъ познакомились китайцы. Съ другой стороны греки также должны были подвергнуться вліянію восточныхъ культурныхъ элементовъ, особенно восточныхъ религій, въ частности буддизма, пропаганда котораго начинается съ III в. до Р. Хр., со временъ царя Асоки. Уже въ первой половинѣ II в. мы находимъ изображеніе буддійской ступы на монетѣ Агаѳокла, греческаго правителя Арахосіи; въ концѣ II в. Менандръ, владѣвшій значительной частью Индіи, былъ буддистомъ и послѣ смерти былъ признанъ однимъ изъ буддійскихъ святыхъ (Гутшмидъ, 105).

Когда послѣ 175 г. до Р. Хр. греко-бактрійское государство распалось вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, то это должно было вызвать напоръ среднеазіатскихъ кочевниковъ, по всей вѣроятности, родственныхъ по происхожденію осѣдлымъ иранцамъ. Еще въ 206 г. Евѳидемъ въ борьбѣ съ Антіохомъ Великимъ сирійскимъ грозилъ призвать въ страну кочевниковъ, и подъ вліяніемъ этой угрозы Антіохъ согласился заключить миръ (Гутшмидъ, 38). Сынъ Евѳидема Димитрій былъ вытѣсненъ изъ Бактріи Евкратидомъ и владѣлъ только Индіей, т. е. страною за Гиндукушемъ. Евкратиду приходилось вести войну съ потомками Евѳидема въ Индіи, съ греческими правителями бассейна р. Хильменда, кромѣ того, по словамъ Юстина, съ народами Аріи и Согдіаны; вслѣдствіе этого парѳяне, въ то время усилившіеся подъ властью Митридата I, могли отнять у бактрійцевъ провинціи Асіону и Турвію; по мнѣнію

Гутшмида (49), эти области входили въ составъ Аріи. Есть извѣстіе, что Митридатъ распространилъ свои владѣнія до Индіи, но вторженіе въ Индію, какъ доказываетъ Гутшмидъ, было совершено не парѳянами, а саками, народомъ Сэ китайскихъ лѣтописей, въ то время вытѣсненными изъ Семирѣчья. Движеніе это, какъ извѣстно, находилось въ связи съ однимъ изъ крупныхъ переселеній народовъ въ исторіи Средней Азіи. Почти одновременно съ этимъ нашествіемъ саковъ произошло завоеваніе Согдіаны ихъ преслѣдователями юэчжійцами, чѣмъ, по мнѣнію Гутшмида (50), объясняются слова Юстина, называющаго среди враговъ Евкратида согдійцевъ. Изъ Согдіаны юэчжійцы постепенно завоевали Бактрію. Вмѣсто юэчжійцевъ Страбонъ называетъ завоевателями Бактріаны асіевъ, пасіановъ, тохаровъ и сакарауковъ, Трогъ-Помпей (которымъ пользовался Юстинъ) — сарауковъ и асіановъ, причемъ одна изъ утраченныхъ главъ Трога Помпея носила заглавіе: „какъ асіаны подѣлались царями у тохаровъ“. Вмѣстѣ съ тахорами или тохарами у Птолемея упоминаются на Сыръ-дарьѣ также ятіи. Гутшмидъ (71) приходитъ къ выводу, что завоевателями Бактріаны были тохары и что „слова асіаны, асіи, ятіи и юэчжи — все болѣе или менѣе удачныя попытки передать, вѣроятно трудно произносимое, названіе главной тохарской орды“. Противорѣчіе между китайцами, упоминающими только объ одномъ государствѣ завоевателей въ Бактріи, и классическими писателями, называющими еще сарауковъ или сакарауковъ, Гутшмидъ объясняетъ тѣмъ, что сакарауки завоевали Маргіану, прежде составлявшую часть Бактрійскаго государства, и что эта область потомъ была отнята у нихъ парѳянами. Побѣда надъ сакарауками была одержана Фраатомъ II, преемникомъ Митридата I, но въ концѣ царствованія Фраата эти же скиѳы разбили парѳянъ; самъ Фраатъ палъ въ битвѣ; скиѳы опустошили владѣнія парѳянъ и потомъ заняли область, получившую отъ нихъ названіе Сакастены, нынѣшній Седжестанъ или Сеистанъ.

Воспоминаніемъ о *тохарахъ* осталось названіе области *Тохаристанъ*, терминъ, который въ эпоху арабскихъ географовъ употреблялся въ двухъ значеніяхъ. Въ тѣсномъ смыслѣ подъ Тохаристаномъ понимали область къ югу отъ Аму-дарьи и къ востоку отъ Балха, съ главнымъ городомъ Талканомъ (нынѣ Талиханъ), простиравшуюся на востокъ до Бадахшана, на югъ до Гиндукуша. Но въ болѣе обширномъ значеніи терминъ Тохаристанъ прилагался ко всей странѣ по обоимъ берегамъ Аму-дарьи до ближайшихъ горъ, преимущественно къ странѣ къ востоку отъ Балха, хотя географъ IX в. Ибнъ-Хордадбехъ въ одномъ мѣстѣ (26) причисляетъ къ Тохаристану также области по южному берегу Аму-дарьи ниже Балха, до

бассейна р. Мургаба и до города Земма, нынѣ Керки. На страну къ западу отъ Балха тохары, повидимому, имѣли мало вліянія; мы видѣли, что уже во II в. западной частью Бактріаны овладѣли парѳяне; южнѣе, въ бассейнѣ Хильменда, впослѣдствіи образовалось особое парѳянское государство, простиравшееся нѣкоторое время до устьевъ Инда.

Среди юэчжійцевъ или тохаровъ чрезъ 100 лѣтъ послѣ ихъ поселенія въ Бактріи, возвысился родъ *кушановъ*, которые постепенно подчинили себѣ значительную часть Индіи. Ихъ цари называютъ себя „твердыми въ законѣ“ и т. п., т. е. покровителями буддизма. Только съ III в. по Р. Хр. начинается вытѣсненіе тохаровъ или, какъ ихъ называютъ индійскіе источники, саковъ изъ Индіи и возвращеніе ихъ государей въ Балхъ, гдѣ они подверглись политическому и культурному вліянію образовавшейся въ то время династіи Сасанидовъ. Это вліяніе замѣтно въ титулахъ, какъ титулъ шâхâншâхъ, въ типѣ монетъ, представляющемъ подражаніе сасанидскому (Шпехтъ). Въ V в. начинается господство т. наз. бѣлыхъ гунновъ или *эфталитовъ*, которые, по мнѣнію большинства ученыхъ, также были вѣтвью юэчжійцевъ или тохаровъ. Писатель V в. Прискъ называетъ этихъ гунновъ *кидаритскими* (Κιδαρῖται). Это названіе, по удачному объясненію Гутшмида (170), происходитъ отъ имени основателя новой династіи Kidara (въ китайской транскрипціи Цзи-доло), который основалъ новое государство въ Балхѣ и завоевалъ также области къ югу отъ Гиндукуша. Государство эфталитовъ просуществовало до половины VI в., когда оно было разрушено Сасанидами въ союзѣ съ турецкими ханами. Арабамъ имя эфталитовъ извѣстно въ формѣ هيطل (множ. هياطلة) и такое произношеніе указано въ словарѣ Якута. Греческія транскрипціи Ἐφθαλῖται и Ἀβδέλαι, сирійская Abdel, армянская Heptal, повидимому, показываютъ, какъ уже догадался Томашекъ (Skythen, I, 751), что вмѣсто هيطل и هياطله слѣдуетъ читать съ перемѣною діакритическихъ точекъ هبطل и هباطله. То же самое слово, по всей вѣроятности, мы имѣемъ въ формѣ بغتل (названіе селенія въ горномъ Тохаристанѣ); и теперь это названіе носитъ селеніе въ Бадахшанѣ. Повидимому, эфталиты жили главнымъ образомъ къ сѣверу отъ Аму-дарьи, по крайней мѣрѣ въ мѣстности къ западу отъ Балха; арабскіе географы говорятъ, что Аму-дарья отдѣляла хорасанскую сторону отъ хайтальской, и даже передаютъ генеалогическія сказанія о двухъ братьяхъ, Хорасанѣ и Хайталѣ (или Хабталѣ), внукахъ Сима (Макдиси, 261). Государство эфталитовъ было уничтожено турками; въ VII в., при Сюань-цанѣ, Тохаристанъ (въ обширномъ смыслѣ) раздѣлялся на 27 подчиненныхъ туркамъ мелкихъ владѣній; народъ хайтальскій упоминается еще въ эпоху мусуль-

манскаго завоеванія, въ началѣ VIII в. Власть Сасанидовъ здѣсь, повидимому, не имѣла большого значенія, и вплоть до арабскаго завоеванія господствующей религіей въ Балхѣ и въ зависѣвшихъ отъ него областяхъ по обоимъ берегамъ верхняго теченія Аму-дарьи былъ буддизмъ.

Завоеваніе Балха арабами произошло, по однимъ извѣстіямъ, при халифѣ Османѣ, по другимъ — при Муавіи: городъ, повидимому, оказалъ упорное сопротивленіе, такъ какъ былъ разрушенъ и на время пересталъ существовать. Новый арабскій городъ *Барукан*ъ былъ построенъ на разстояніи 2-хъ фарсаховъ, т. е. около 12-ти верстъ отъ Балха. Храмъ Наубехаръ также былъ разрушенъ, но мѣсто оставалось священнымъ для туземцевъ, и еще при Кутейбѣ-ибн-Муслимѣ, въ VIII в., возставшіе противъ Кутейбы тохаристанскіе князья совершили здѣсь молитву (Табари II, 1205). Въ 725 г. намѣстникъ Асадъ возстановилъ Балхъ и переселилъ туда же арабовъ изъ Барукана, который послѣ этого больше не упоминается. Возстановленіе города было поручено знаменитому дому Бармекидовъ, который нѣкогда завѣдывалъ Наубехаромъ; при Аббасидахъ Бармекиды, какъ извѣстно, сдѣлались устроителями имперіи халифа. Въ эпоху Аббасидовъ и первыхъ персидскихъ династій Тахиридовъ, Саффаридовъ и Саманидовъ въ Балхѣ вмѣстѣ съ Тохаристаномъ (въ тѣсномъ смыслѣ) правила особая мѣстная династія, о которой историки, по ея незначительности, почти не упоминаютъ, но которая чеканила монеты; нумизматы называютъ эту династію *Абу-Давудидами*, по имени Абу-Давуда Мухаммеда бенъ Ахмеда, правившаго въ концѣ IX в. Балхъ въ эту эпоху оставался складочнымъ мѣстомъ торговли съ Индіей.

Изъ Балха въ Индію ведутъ нѣсколько путей; наибольшее значеніе всегда имѣла долина рѣки *Хульмъ*, которая, подобно Балхабу, вытекаетъ изъ Гиндукуша и не доходитъ до Аму-дарьи. Отъ Балха до Хульма считали 2 дня пути. Въ настоящее время послѣднее селеніе, орошаемое водой Балхаба, — Гури-маръ (могила змѣи); есть преданіе о борьбѣ Алія со змѣемъ въ этомъ мѣстѣ. На дальнѣйшемъ пространствѣ до Хульма, на разстояніи 24-хъ англійск. миль, совсѣмъ нѣтъ воды; только въ самое послѣднее время на полъ-пути возникло небольшое селеніе Набабадъ, и сюда проведена вода одного ручья съ сосѣднихъ высотъ. Около выхода р. Хульмъ изъ горъ находится теперь укрѣпленный городъ *Ташъ-Курганъ*, построенный въ XVIII в. Ахмедъ-шахомъ, основателемъ нынѣшняго афганскаго государства, въ нѣсколькихъ верстахъ (2—3 англ. мили) къ югу отъ стараго Хульма, изъ котораго жители были переселены въ новый городъ. Развалины стараго Хульма, судя по описанію Іета (Afghanistan, 315) не представляютъ ничего интереснаго.

Городъ Ташъ-Курганъ и теперь имѣетъ важное торговое значеніе; здѣсь останавливаются всѣ караваны на пути между Бухарой и Индіей, и отсюда распредѣляются товары по всей странѣ.

Изъ Хульма дорога вступаетъ въ узкое ущелье рѣки; по словамъ путешественниковъ, между высокими отвѣсными скалами едва остается мѣсто для рѣчки и дороги по берегамъ ея; въ одномъ мѣстѣ пространство между скалами съуживается до 40 футовъ. Изъ Хульма считали 2 дня пути до Семенджана (Семенгана). Г. *Семенганъ* (въ китайской транскрипціи Хэлу-си-минь-цзянь) упоминается уже въ VII в. у Сюаньцана и носилъ то-же названіе въ концѣ XIV в., въ эпоху похода Тимура на Индію. Въ исторіи похода Тимура на пути между Хульмомъ и Семенганомъ упоминается еще селеніе غزنيك, нынѣ Газнигакъ, въ 15 англійскихъ миляхъ отъ Хульма, гдѣ ущелье расширяется и получаетъ видъ нѣсколько болѣе широкой долины, покрытой травой. Что касается Семенгана, то мѣстоположеніе его несомнѣнно тожественно съ мѣстоположеніемъ крѣпости *Хейбакъ*, расположенной въ самомъ широкомъ мѣстѣ долины Хульма и имѣющей большое стратегическое значеніе. Окрестности Хейбака отличаются необыкновеннымъ плодородіемъ; все пространство покрыто деревьями и садами. Въ окрестностяхъ много памятниковъ эпохи господства буддизма, именно пещеръ, вырытыхъ отшельниками, и ступъ для храненія мощей. Отъ Семенгана или Хейбака главная дорога шла на востокъ чрезъ горы, до соединенія съ долиной слѣдующей рѣки Акъ-Серая, нынѣ называемой также Аб-и-Кундузъ по главному городу мѣстности; въ долинѣ р. Акъ-Серая, въ 2-хъ дняхъ пути отъ Семенгана, былъ городъ *Баглань*, существующій и теперь подъ тѣмъ же названіемъ. Въ долинѣ Хульма, въ горахъ между Семенганомъ и Багланомъ и въ окрестной мѣстности въ VIII в. происходили военныя дѣйствія между Кутейбой и тохаристанскими князьями, довольно подробно описанныя у Табари (II, 1219 и сл.); между прочимъ уже тогда упоминается горная мѣстность *Ишкамишъ*, сохранившая свое названіе до сихъ поръ. Отъ Баглана въ 3 дня достигали *Андераба*, расположеннаго непосредственно у главнаго хребта Гиндукуша и имѣвшаго важное торговое значеніе. Изъ переваловъ, ведущихъ на южную сторону Гиндукуша въ бассейнъ Инда, въ долину р. Бенджхиръ, нынѣ *Пенджширъ*, самый удобный, по мнѣнію Костенко (II, 190), перевалъ Хавакъ; при Тимурѣ здѣсь была возстановлена крѣпость. Долина Пенджшира была замѣчательна своими серебряными рудниками, считавшимися самыми обильными въ мусульманской Средней Азіи и существующими до сихъ поръ. Въ долинѣ Пенджшира находились гор. Гарьяба (въ 2 дняхъ пути отъ

Андераба), Бенджхиръ (однимъ днемъ пути ниже) и *Первань* или Фервань (до него еще 2 дня пути), сохранившій свое названіе и до сихъ поръ, около мѣста впаденія р. Гурбендъ въ Пенджширъ. У Первана дорога раздѣляется на двѣ вѣтви: одинъ путь направляется прямо на югъ черезъ Чарикаръ и Исталифъ въ Кабульскую долину, другой на юго-западъ вверхъ по *Гурбенду*, мимо селенія того же имени, завоеваннаго арабами въ концѣ VIII вѣка, въ Баміанъ. Существовалъ также другой путь въ Баміанъ черезъ долину Хульма, которая выше Хейбака снова съуживается, и черезъ нѣсколько горныхъ переваловъ, изъ которыхъ самый южный, Акъ-рабатъ, еще и теперь считается границей между Кабулистаномъ и афганскимъ Туркестаномъ. Географы X в. только въ краткихъ словахъ упоминаютъ объ этомъ пути изъ Балха въ Баміанъ, причемъ считаютъ 6 дней пути отъ Балха до гор. Мадера и 4 дня оттуда до Баміана. Селеніе *Мадеръ* существуетъ и теперь, причемъ около него видны развалины стараго города. Упоминаніе Мадера показываетъ, что имѣется ввиду путь, переходившій въ долину Хульма изъ долины Балхаба, а не еще болѣе трудный путь вверхъ по Балхабу до его истоковъ; на послѣднемъ пути замѣчательно мѣсто *Бенди Эмиръ*, гдѣ рѣка раздѣляется нѣсколькими естественными плотинами въ видѣ скалъ на 5 или 6 озеръ, полныхъ всякой рыбы. Мѣсто считается священнымъ и посѣщается паломниками.

Изъ Балха черезъ Хульмъ шелъ также путь на востокъ въ Бадахшанъ и оттуда въ Тибетъ, т. е. въ населенныя тибетцами верховья системы Инда. На этомъ пути находился самый большой городъ Тохаристана *Талканъ*, сохранившій свое названіе до сихъ поръ (Талиханъ); въ X в. онъ былъ втрое меньше Балха; впослѣдствіи его значеніе упало, и Вудъ въ 1837 г. насчитываетъ въ немъ только 300—400 домовъ. Городъ стоитъ на одномъ изъ притоковъ Акъ-Серая; Макдиси (303) увѣряетъ, что городъ прорѣзывался двумя рукавами, т. е., вѣроятно, двумя притоками Аму-дарьи. Отъ Хульма до Талькана считали 4 дня пути; по этой дорогѣ былъ расположенъ г. *Варвализъ* (пишется также Вальвализъ и Вальваліджъ). Несомнѣнно, что какъ Талканъ, такъ и Варвализъ были расположены въ долинѣ Акъ-Серая и его притоковъ; по долинѣ Акъ-Серая также есть путь въ Андерабъ и оттуда черезъ Гиндукушъ. Нынѣшній главный городъ долины, *Кундузъ*, въ X в. еще не существовалъ; онъ упоминается въ качествѣ столицы особаго владѣнія въ эпоху походовъ Чингизъ-хана, т. е. въ XIII в. Въ XIX в. Кундузъ былъ главнымъ городомъ обширнаго узбекскаго ханства, которому было подчинено нѣсколько областей по обѣимъ сторонамъ Аму-дарьи.

Изъ Талькана въ 7 дней достигали главнаго города области Бадахшанъ. Г. *Бадахшанъ*, по всей вѣроятности, стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго главнаго города области, *Файзабада*. Бадахшанскій городъ *Джержъ*, существующій и теперь, названъ у географа IX в. Я'куби (288) „послѣднимъ изъ восточныхъ городовъ принадлежащихъ къ Балху, по направленію къ странѣ тибетцевъ". Бадахшанъ кромѣ того расположенъ на прямомъ пути изъ Балха на востокъ черезъ Памиръ въ Восточный Туркестанъ. Вслѣдствіе изгиба, который дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ рѣка Пенджъ, и трудности дороги на правомъ берегу рѣки, даже сношенія между областями, расположенными на правомъ берегу Пенджа, обыкновенно происходили черезъ Бадахшанъ. Что касается значенія Бадахшанской области самой по себѣ, то Іету (Afghanistan, 320) ее описывали какъ страну холодную и бѣдную, которая къ тому-же никогда не можетъ разбогатѣть по недостатку земли, годной къ обработкѣ. Съ другой стороны средневѣковые географы и путешественники прославляютъ Бадахшанъ не только за его рубиновыя и лапись-лазуревыя копи, но также за прекрасный климатъ, широкія и хорошо обработанныя долины и превосходныя пастбища (Туркестанъ, 67). Бадахшанъ часто подвергался завоеванію и перемѣнѣ династій; тѣмъ не менѣе еще въ XIX в. правители Бадахшана, носившіе титулъ міровъ (т. е. эмировъ), считали себя потомками Александра Великаго и въ доказательство хранили у себя нѣкоторые предметы греко-бактрійской культуры (монеты, серебряныя чаши и т. п.). Бадахшанъ — послѣдняя изъ областей на лѣвомъ берегу Пенджа, находившихся въ средніе вѣка въ нѣкоторой зависимости отъ Балха. Съ Балхомъ исторически были связаны также области по правую сторону Аму-дарьи, теперь входящія въ составъ Бухарскаго ханства, но соединенныя съ Балхомъ гораздо болѣе удобными путями, чѣмъ съ Самаркандомъ и съ Бухарой. Несмотря на торговое значеніе Балха, географъ конца X в. Макдиси (302) называетъ его „скучнымъ городомъ, находящимся въ сторонѣ отъ большой дороги", что, повидимому, указываетъ на нѣкоторый упадокъ торговли съ Индіей.

Балхъ пріобрѣлъ особое значеніе въ XI в. въ эпоху Газневидовъ, когда онъ сдѣлался одной изъ столицъ знаменитаго султана Махмуда, хотя и подвергся въ 1006 году опустошительному нашествію Караханидовъ. Передъ этимъ Аму-дарья, какъ теперь, была объявлена границей между туркестанскимъ и восточно-иранскимъ государствами, но послѣ своей побѣды надъ Караханидами Махмудъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ зависѣвшія отъ Балха области по правую сторону рѣки. Въ половинѣ XI в. Балхъ перешелъ во владѣніе Сельджукидовъ.

ОРИЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

которые покорили также зависѣвшія отъ него области, и Гиндукушъ сдѣлался государственной границей между владѣніями Сельджукидовъ и Газневидовъ. Когда въ XII в. возвысился горный народъ гурцы, о которомъ будетъ рѣчь ниже, то въ его власть перешелъ и Балхъ. При Чингизъ-ханѣ городъ былъ разрушенъ и оставался въ развалинахъ до первой половины XIV столѣтія. Какъ въ XI в., такъ и теперь государственной границей, на этотъ разъ между владѣніями потомковъ Джагатая и потомковъ Хулагу, была объявлена Аму-дарья, но и на этотъ разъ граница скоро была нарушена; джагатайскіе ханы еще въ XIII в. прочно утвердились въ Балхѣ и сосѣднихъ областяхъ. Возстановленіе Балха мусульманскіе историки приписываютъ джагатайскому хану Кебеку, умершему въ 1326 г., но еще Ибнъ-Батута (III, 58—62), бывшій здѣсь въ 1333 г., нашелъ городъ въ развалинахъ. Въ 1368 г. эмиръ Хусейнъ, предшественникъ Тимура, рѣшилъ возстановить крѣпость Хиндуванъ (هندوان), бывшую цитадель г. Балха; жители города насильно были переведены въ крѣпость, такъ что городъ пришелъ въ разрушеніе. Послѣ низверженія Хусейна Тимуромъ въ 1370 г. крѣпость была разрушена, а жители получили приказаніе вернуться въ старый городъ. Въ окрестностяхъ Балха Тимуръ принялъ присягу джагатайскихъ вельможъ и военачальниковъ. Въ XV в. городъ входилъ въ составъ владѣній Тимуридовъ, впослѣдствіи былъ предметомъ борьбы между узбекскими ханами, персидскими шахами и индійскими великими моголами, мѣсто которыхъ въ XVIII в. заняло вновь образовавшееся афганское государство. Узбеки сдѣлались этнографически преобладающимъ элементомъ населенія въ Балхѣ и въ областяхъ къ востоку и къ западу отъ него. Страна отъ Мургаба до границъ Бадахшана получила названіе Туркестана и сохранила его и теперь, послѣ своего присоединенія къ Афганистану; передъ этимъ она находилась то подъ властью самостоятельныхъ узбекскихъ правителей, то подъ властью бухарскихъ хановъ. Послѣдніе, по понятнымъ причинамъ, особенно дорожили Балхомъ, который принадлежалъ имъ еще въ XIX в.; въ цвѣтущее время Бухарскаго ханства Балхъ былъ значительнымъ городомъ и по прежнему носилъ прозваніе ام البلاد (мать городовъ) и قبة الاسلام (куполъ ислама). Еще для XVII в. мы имѣемъ очень подробное описаніе города въ сочиненіи بحر الاسرار فی مناقب الاخیار Махмуда бенъ эмиръ-Вели (Туркестанъ, 334). Балхъ былъ присоединенъ къ Афганистану въ 1850 г.; окончательное подчиненіе всего афганскаго Туркестана произошло только въ восьмидесятыхъ годахъ.

Изъ новѣйшихъ путешественниковъ Балхъ посѣтили Бэрнсъ въ 1832 г., Ферье въ 1845 г. и Іетъ въ 1886 г. Послѣдній особенно

подробно описываетъ развалины города, съ приложеніемъ плана (Afghanistan, 256). Старый валъ занимаетъ пространство около 6½ англійскихъ миль въ окружности и имѣетъ четверо воротъ (при Махмудѣ бенъ эмиръ-Вели Балхъ имѣлъ 6 воротъ). Съ сѣверовостока къ городу прилегаютъ развалины крѣпости, расположенной значительно выше; въ юго-западномъ (по плану въ юго-восточномъ) углу крѣпости находится особая цитадель, еще на 50 футовъ выше; крѣпость и цитадель совершенно необитаемы; по замѣчанію Іета въ крѣпости совсѣмъ нѣтъ воды и не видно, откуда бы сюда могла быть проведена вода въ былое время. Цитадель (قهندز) существовала еще въ XVII в., когда носила названіе شهر درون („внутренняго города“) и имѣла 4 воротъ. Теперь населена только южная часть города. У западныхъ воротъ видны три высокихъ арки, по словамъ жителей остатки соборной мечети; нѣсколько дальше къ востоку видны остатки чарсу (چهارسو), т. е. центральнаго купола базара; подобно другимъ большимъ городамъ Афганистана, напр. Герату, Балхъ былъ прорѣзанъ двумя главными улицами, съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ, по которымъ располагались крытые базары и у мѣста пересѣченія которыхъ находилось куполообразное строеніе. Еще нѣсколько къ востоку видны остатки двухъ высокихъ воротъ; Іетъ указываетъ на то, что остатки стараго вала видны на всемъ пространствѣ отъ юго-западнаго угла города, именно отъ башни Бурдж-и-Азараиъ, до юго-западнаго угла крѣпости; здѣсь, по его мнѣнію, оканчивался старый городъ, а западная часть была присоединена впослѣдствіи; изъ его описанія однако скорѣе можно вывести обратное заключеніе, что восточная часть новѣе западной. Іетъ описываетъ еще два строенія, не указывая ихъ мѣстоположенія, именно „зеленую мечеть“ (مسجد سبز), съ гробницей одного святого, и развалины медресе, построенной Субханъ-Кули-ханомъ, правившимъ здѣсь во второй половинѣ XVII в. По всей вѣроятности, весь городъ, изображенный на планѣ и описанный въ книгѣ Іета, принадлежитъ уже узбекскому періоду. Развалины болѣе древняго города сами афганцы помѣщали къ востоку отъ описаннаго, называли эти развалины شهر هندوان и говорили, что этотъ Балхъ былъ разрушенъ Чингизъ-ханомъ, послѣ чего возникъ новый городъ; былъ ли этотъ городъ соединенъ съ описанной цитаделью, теперь не видно. Очень возможно, что крѣпость вмѣстѣ съ цитаделью тожественна съ цитаделью стараго города, разрушенной при Чингизъ-ханѣ и возстановленной эмиромъ Хусейномъ, и что на мѣстѣ развалинъ شهر هندوان былъ шахристанъ до-монгольскаго періода. По замѣчанію Бэрнса (II, 204), всѣ развалины, видныя теперь на поверхности земли, принадлежатъ мусульманскому періоду, что и

дѣйствительно наиболѣе вѣроятно; другіе путешественники, какъ напр. Ферье (I, 389), думали видѣть въ Балхѣ куски кирпича съ клинообразными письменами, но это не подтвердилось. Іетъ относитъ къ буддійскому періоду два большихъ кургана къ югу отъ города, Тахт-и-Рустемъ и Тепе-и-Рустемъ; по мѣстоположенію возможно, что здѣсь находились тѣ два зданія Наубехара, о которыхъ въ VII в. писалъ Сюань-цанъ (см. выше стр. 10). Тепе-и-Рустемъ было круглымъ зданіемъ изъ сырцоваго кирпича, 50 ярдовъ (ярдъ = 3 фута) въ діаметрѣ при основаніи и 50 ф. вышиной; верхняя часть зданія была облицована жженымъ кирпичомъ. Зданіе имѣло плоскую вершину; внутри были видны четыре круглыхъ кельи, открывшіяся потому, что провалилась куполообразная крыша ихъ, такъ что могутъ быть и другія кельи, пока не тронутыя. Внизу прорыты четыре входа, соединяющіеся по серединѣ; изслѣдователь не могъ опредѣлить, существовали ли эти ходы съ самаго начала или были вырыты впослѣдствіи, можетъ быть при хищническихъ раскопкахъ; теперь они засыпаны настолько, что пройти невозможно. Тахт-и-Рустемъ — холмъ такой же величины, но не круглый, а имѣетъ въ основаніи видъ трапеціи. Слѣдовъ кирпича нѣтъ; зданіе, повидимому, было выстроено изъ глины. Вершина совершенно плоская и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробита дождемъ, но были ли внутри кельи, неизвѣстно. Въ окрестностяхъ города были еще другіе курганы, въ которыхъ изслѣдователь думалъ узнать остатки подобныхъ буддійскихъ сооруженій; названіе Тахт-и-Рустемъ, по замѣчанію Іета (321), обыкновенно прилагается мѣстными жителями къ развалинамъ буддійскихъ ступъ.

Неизвѣстно, была ли какая-нибудь буддійская или другая святыня на мѣстѣ нынѣшней главной мусульманской святыни области, *Мазар-и-Шерифъ*, расположенной къ востоку отъ Балха. Въ средніе вѣка здѣсь была деревня Хайръ; въ первой половинѣ XII в., по разсказу путешественника Гарнати, распространился слухъ, что въ этомъ мѣстѣ похороненъ халифъ Алій; многіе утверждали, что узнали это отъ самого пророка Мухаммеда, явившагося имъ во снѣ. Объ этомъ говорили въ собраніи у намѣстника; одинъ факихъ рѣшительно объявилъ, что этого не можетъ быть, что Алій никогда не былъ въ этихъ мѣстахъ. Ночью самому факиху было видѣніе; во снѣ ему явились ангелы, привели его къ могилѣ, показали ему нетлѣнное тѣло халифа и осыпали его упреками и ударами за то, что онъ заподозрилъ во лжи пророка. Факихъ проснулся со слѣдами полученныхъ ударовъ, поспѣшилъ къ намѣстнику и разсказалъ ему обо всемъ; тотъ въ сопровожденіи большого числа лицъ пришелъ къ назначенному мѣсту, нашелъ нетлѣнное тѣло халифа и велѣлъ воздвигнуть для него великолѣпную гробницу (Туркестанъ, I, 21—22). Не-

смотря на свою фантастичность, разсказъ Гарнати въ общемъ вѣрно передаетъ то, что онъ слышалъ въ Балхѣ; то-же самое разсказано и въ персидскихъ стихахъ, и теперь, по разсказу Іета (Afghanistan, 280—281), вырѣзанныхъ на гробницѣ, хотя нынѣшнее зданіе мазара болѣе поздняго происхожденія: оно выстроено въ 1481 г. (886 г. хиджры) султаномъ Хусейномъ, потомкомъ Тимура; старое зданіе было разрушено Чингизъ-ханомъ; по разсказу историка Исфизари (л. 43а) могила Алія была вновь открыта въ 885 г. хиджры. Мазаръ со своими синими куполами представляетъ единственное выдающееся зданіе во всемъ городѣ, возникшемъ около священнаго мѣста; намѣстникъ Наибъ-Алимъ-ханъ, шіитъ по вѣроисповѣданію, въ 1866 г. избралъ Мазар-и-Шерифъ своимъ мѣстопребываніемъ, и съ тѣхъ поръ городъ остался главнымъ городомъ афганскаго Туркестана.

Въ западной части древней Бактріаны, т. е. въ странѣ между Мургабомъ и Балхомъ, характеръ мѣстности нѣсколько иной. Нѣсколько ниже Балха рѣка Аму-дарья поворачиваетъ къ сѣверо-западу; съ другой стороны горы направляются къ юго-западу. Такимъ образомъ значительно увеличивается разстояніе между рѣкой и культурной полосой, примыкающей къ горамъ. Конечно, рѣчки, вытекающія съ сѣвернаго склона горъ, теряются въ пескахъ задолго до достиженія Аму-дарьи. Безводная, песчаная страна, простирающаяся между Мургабомъ и Аму-дарьей, оканчивается на югѣ плоской возвышенностью Кара-Бель, высотою отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 тыс. фут.; съ южнаго края этой возвышенности стекаютъ такъ называемые *шоры*, рѣчки, наполненныя соленой водой. Эти маловодныя соленыя рѣчки изливаются частью въ Кала-Вали, притокъ Мургаба, частью въ р. Кайсаръ, носящую послѣ соединенія съ Аб-и-Меймене и Ширинъ-Тагаемъ названіе Аб-и-Андхой. Даже нѣкоторыя болѣе значительныя рѣчки, принадлежащія къ системѣ Мургаба, пропитаны солью до такой степени, что не могутъ служить не только для питья, но и для орошенія полей. Однако въ южной части степного пространства *(чуль)* могутъ жить, если не земледѣльцы, то кочевники. Въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая разница между степью около Меймене и степью около Андхоя: около Меймене находятся отличныя пастбища; ниже Даулетабада пастбища постепенно переходятъ въ пустынныя пространства, покрытыя движущимся пескомъ.

Извѣстія арабскихъ географовъ показываютъ, что за послѣднюю тысячу лѣтъ культурная полоса уменьшилась въ очень незначительныхъ предѣлахъ. И тогда между Балхомъ и Мервомъ простиралась пустыня, частью песчаная. Вода Балхаба доходила на сѣверо-востокъ до селенія *Сіяхгирдъ*, въ

5 фарсахахъ отъ Балха; и теперь существуютъ селеніе этого имени и близъ него развалины стараго города. Но каналы отъ Балхаба были проведены также, какъ и теперь, на сѣверо-западъ. Описывая путь изъ Балха до слѣдующаго значительнаго города на западъ, Ушпургана или Шапургана (нынѣ Шибергань), арабы еще на разстояніи 7 фарсаховъ отъ Балха помѣщаютъ многолюдное, обильное водой селеніе *Дестджирду*; вода могла быть проведена сюда только изъ Балхаба. Дальше уже начиналась степь; въ 5 фарсахахъ отъ Дестджирды было селеніе *Сидра*; первоначально здѣсь, по словамъ Кудамы (161—162), были только кустъ лотоса, отъ котораго потомъ селеніе получило свое названіе (арабск. слово), и станція среди пустыни; во время землетрясенія въ 203 г. (818—819 гг.) находившійся около куста небольшой ключъ сдѣлался большимъ источникомъ и далъ начало рѣчкѣ, которая потекла по степи; около источника скоро выросла роща и образовалось селеніе. Отсюда было 6 фарсаховъ до Шапургана; такимъ образомъ всего отъ Балха до Шапургана считали 18 фарс. Нынѣшнія поселенія *Акча* и *Нимликъ*, изъ которыхъ первое и теперь остается значительнымъ городомъ, а второе лежитъ въ развалинахъ, приблизительно соотвѣтствуютъ Сидрѣ и Дестджирдѣ арабовъ. Источникъ, который бы далъ начало особому потоку, теперь не упоминается; до Акчи доходятъ воды Балхаба; по словамъ Іета (Afghanistan, 255), оттуда въ степь течетъ много воды, годной для орошенія, и только нѣтъ людей для использованія этой воды. Въ мѣст. *Унтайкалъ*, къ сѣверо-западу отъ Нимлика, Іетъ (254) видѣлъ развалины значительнаго города—цѣлый рядъ высокихъ большихъ домовъ; было замѣтно, что нѣкогда каждый домъ былъ окруженъ особымъ садомъ и виноградниками. Тѣ-же развалины, по всей вѣроятности, имѣетъ въ виду Ферье (I, 387), когда говоритъ, что, за часъ до достиженія Нимлика, видѣлъ развалины древне-бактрійскаго города, съ большими кучами жженаго кирпича. Если здѣсь дѣйствительно былъ бактрійскій городъ, то это могла быть Евкратидія, построенная царемъ Евкратидомъ; Томашекъ (Baktriane) помѣщаетъ Евкратидію на мѣстѣ Хульма, но Гутшмидъ (64) приводитъ слова Птоломея, по которымъ городъ находился на лѣвомъ берегу балхской рѣки ниже Балха. Страна сдѣлалась безлюдной только въ XIX в., когда была завоевана афганцами послѣ упорнаго сопротивленія узбекскаго населенія.

Шапурганъ уже входилъ въ составъ области *Гузганъ* или Гузгананъ, у арабовъ Джузджанъ. Область заключала въ себѣ культурную полосу двухъ слѣдующихъ рѣкъ, вытекающихъ изъ горъ и теряющихся въ пескахъ; теперь эти рѣки не имѣютъ особыхъ названій, а называются

по расположеннымъ на нихъ городамъ. Восточная рѣка обыкновенно называется Аб-и-Шибергань, западная состоитъ изъ двухъ рѣчекъ: Аб-и-Кайсара, съ притокомъ Аб-и-Меймене, и Ширинъ-Тагая; послѣ соединенія этихъ рѣчекъ, рѣка носитъ названіе Аб-и-Андхой. Къ какому времени относится начало существованія Гузгана, какъ самостоятельной области, неизвѣстно; классическіе географы не знаютъ такой области и заставляютъ Бактріану непосредственно граничить съ Маргіаной. Еще въ X в. (Макдиси, 298) знали, что Гузганъ прежде не составлялъ особой области, а причислялся къ области Балха. Въ IX в. (Я'куби, 287) называли Гузганомъ только культурную полосу шапургапской рѣки и горную область *Гурзиванъ*, въ верховьяхъ рѣчки Аб-и-Меймене. Мѣстопребываніемъ арабскихъ правителей области былъ *Анбаръ*, расположенный на одинъ день пути южнѣе Шапургана, вѣроятно, на мѣстѣ нынѣшняго города *Сер-и-пуль*. Туземный владѣтель жилъ въ Гурзиванѣ, въ селеніи كندرم, въ 4 дняхъ пути отъ Шапургана. Старой столицей Гузгана былъ Шапурганъ, что подтверждается однимъ изъ разсказовъ Табари (Марквартъ, 87). Какъ и теперь, между теченіемъ шапурганской рѣки и теченіемъ Ширинъ-Тагая простиралась пустыня, носившая у арабовъ названіе القاع, означающее равнину, а также низменное мѣсто со стоячей водой. Станція القاع, вѣроятно, находилась недалеко отъ того мѣста, гдѣ теряются въ пескахъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ; станція уже въ IX в. причислялась къ Гузгану (Ибнъ-Хордадбехъ, 23). Главный городъ культурной полосы Кайсара и Ширинъ-Тагая, *Фарьябъ*, находился, по всей вѣроятности, на мѣстѣ нынѣшняго города Даулетабада или нѣсколько южнѣе, гдѣ теперь селеніе Хайрабадъ. Кромѣ того упоминается горное поселеніе *Іехудань* или *Іехудійя*, въ которомъ еще въ IX в., при Я'куби (287), жилъ правитель Фарьяба. Селеніе находилось на мѣстѣ нынѣшняго *Меймене*, хотя между нимъ и Анбаромъ считали только день пути. Названіе Меймене у географовъ X в. не встрѣчается; оно появляется у писателей XIII в. (Джузджани, 378, 399—400) въ формѣ *Мейменд*ъ, но существовало и раньше; изъ этого селенія происходилъ вѣзиръ султана Махмуда (998—1030) Мейменди. Въ концѣ X в., при Макдиси (298), Іехудійя считалась столицей Гузгана. Названіе города показываетъ, что въ немъ была многолюдная еврейская колонія.

Географы X в. описываютъ нѣсколько путей между гузганскими городами и даютъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія, не описывая подробно ни одного города. Мы узнаемъ только, что въ Іехудійѣ была соборная мечеть съ двумя минаретами, но что въ Гузганѣ не было вообще обычая воздвигать минареты и что при Ибнъ-Хаукалѣ (321) эмиръ, вельможи

и населеніе долго не позволяли строить ихъ, говоря, что нехорошо измѣнять обычаямъ предковъ.

Область еще при Макдиси (298) не отличалась населенностью. Въ городахъ, расположенныхъ въ горахъ, упоминаются сады и виноградники; о городахъ, расположенныхъ, какъ Шапурганъ, въ равнинѣ, говорится, что въ нихъ преобладаютъ пашни и что садовъ въ нихъ мало. О самомъ сѣверномъ городѣ Андходѣ или Андхоѣ сказано, что это „небольшой городъ въ степи съ семью селеніями; тамъ живутъ кочевники, владѣющіе баранами и верблюдами". Считали 3 дня отъ Фарьяба до Андхоя и 3 дня отъ Андхоя до Керкуха, т. е. Керки на Аму-дарьѣ. Владѣтель Гузгана нѣкогда носилъ титулъ гузганъ-худата. Въ X в. въ Гузганѣ правила мѣстная династія *Феригунидовъ* (آل فريغون), носившихъ титулъ эмировъ; династія была свергнута Махмудомъ Газневидомъ. Впослѣдствіи Шапурганъ и другіе города обыкновенно дѣлили судьбу Балха. Въ XIX в. Шибергапъ, Сер-и-пуль, Меймене и Андхой были столицами мелкихъ узбекскихъ владѣній; всѣ они состояли изъ города и отдѣльно стоящей, господствующей надъ городомъ цитадели и всѣ много потерпѣли при завоеваніи страны афганцами. Древнихъ развалинъ городовъ и зданій теперь почти нѣтъ; около Андхоя видны обширныя развалины стараго города, но и тутъ, по словамъ Іета, нѣтъ памятниковъ древнѣе конца XIV в. Въ исторіи чаще всего упоминается цитадель Шапургана; по словамъ Шереф-ад-дина (I, 221) эта цитадель тожественна съ крѣпостью سفيد ز, упоминаемой въ Шâх-Нâмэ Фирдоуси. По Томашеку (Baktriane) Шапурганъ тожественъ съ бактрійскимъ городомъ Surogana, упоминаемымъ у классическихъ географовъ. Область Гузганъ по Истахри (271) и Ибнъ-Хаукалю (322) славилась своими выдѣланными кожами, которыя вывозились оттуда въ другія мѣстности Хорасана.

II.

Мервъ и теченіе Мургаба.

Съ Гузганомъ на западѣ граничила культурная полоса Мургаба и его притоковъ, древняя *Маргіана*. Какъ самая значительная рѣка во всей мѣстности, Мургабъ течетъ гораздо дальше на сѣверъ, чѣмъ сосѣднія рѣки, но часть его теченія проходитъ по песчаной пустынѣ; въ остальной части теченія культурная полоса занимаетъ только небольшое пространство. Оттого путь между двумя самыми крупными городами арабскаго Хорасана, Мервомъ и Балхомъ, шелъ отъ Мерва сначала на югъ по Мургабу до горъ, затѣмъ вдоль горъ на сѣверо-востокъ черезъ Фарьябъ (т. е. Даулетабадъ) и Шапурганъ. Въ восточной части бассейна Мургаба былъ городъ *Талканъ*, находившійся въ одинаковомъ разстояніи (3 дня пути) отъ Мервруда, расположеннаго на Мургабѣ, и отъ Фарьяба, т. е. Даулетабада.

Вопросъ о мѣстоположеніи Мервруда и Талкана остается спорнымъ. До сихъ поръ не вполнѣ рѣшенъ вопросъ, находился ли *Мервудъ* на мѣстѣ нынѣшняго Меручака или южнѣе, на мѣстѣ Бала-Мургаба. Подробности маршрута арабскихъ географовъ, повидимому, скорѣе говорятъ въ пользу Бала-Мургаба. Изъ пунктовъ этого маршрута замокъ Ахнафа ибнъ Кайса, откуда отходила отъ Мургаба прямая дорога въ Балхъ, могъ находиться на мѣстѣ небольшого селенія туркменовъ Караулъ-Хана, около впаденія рѣчки Кала-Вали въ Мургабъ; вблизи находятся нѣсколько кургановъ съ кусками жженаго кирпича и другими слѣдами построекъ (Ietъ, Afghanistan, 122). Въ 6 миляхъ выше Бала-Мургаба находится входъ въ ущелье, длиной въ 14 миль, повидимому, то же самое, о которомъ упоминаетъ географъ Кудама (161). Какъ у сѣвернаго, такъ и у южнаго входа стоятъ на скалахъ древнія каменныя башни, охраняющія проходъ; сѣверная башня, вѣроятно, тожественна съ „замкомъ Амра“ арабскихъ географовъ. Слова географа Кудамы, что входъ въ ущелье находился на

разстояніи 1 фарсаха отъ Мервруда, болѣе всего говорятъ въ пользу Бала-Мургаба и противъ Меручака. Насколько можно судить по описанію Іета (121), на пути изъ Меручака въ Караулъ-Хана никакого ущелья нѣтъ; дорога идетъ вдоль праваго берега рѣки, у подножія холмовъ, дважды пересѣкая гряду послѣднихъ. Менѣе существенъ, но также не лишенъ значенія слѣдующій доводъ: Шереф-ад-динъ Іезди (I, 311) говоритъ о Мерврудѣ, что въ его время его называли Мургабомъ; Меручакъ, насколько извѣстно, никогда не носилъ такого названія; съ другой стороны Бала-Мургабъ иногда назывался просто Мургабомъ; такъ назвалъ его еще путешественникъ Ферье (I, 368) въ 1845 г.

Что касается упомянутыхъ въ описаніи Кудамы пещерныхъ жилищъ, то пещеры въ скалахъ и теперь встрѣчаются въ долинѣ Мургаба очень часто; нѣкоторыя изъ нихъ, на лѣвомъ берегу рѣки, были изслѣдованы Іетомъ (222—223), который однако не нашелъ въ нихъ ничего интереснаго; по его словамъ въ пещерахъ теперь нѣтъ ничего такого, что позволило бы намъ сдѣлать какое-нибудь заключеніе объ образѣ жизни ихъ обитателей. Болѣе подробно изслѣдованы пещеры въ другой мѣстности на Мургабѣ, именно около Пендждэ, уже въ русскихъ предѣлахъ; пещеры описаны съ приложеніемъ плана англійскимъ капитаномъ de Laessoë въ Proceedings of the R. G. S. 1885 (584—588). Онѣ вырыты въ горѣ изъ песчаника, въ два этажа; нижній этажъ состоитъ изъ корридора и цѣлаго ряда келій по обѣ стороны его, приблизительно одинаковой величины, съ колодцемъ въ каждой изъ нихъ; въ верхнемъ этажѣ помѣщались еще три кельи. Нигдѣ не было найдено надписей; пещеры нижняго этажа были найдены совершенно пустыми, но сохранились такъ хорошо, какъ будто были только-что покинуты.

Послѣ выхода изъ ущелья дорога, повидимому, направлялась вверхъ по Мургабу и потомъ снова на сѣверъ, въ одну изъ боковыхъ долинъ, черезъ хребетъ Тирбенд-и-Туркестанъ и по долинѣ р. Кара-Джангалъ къ Кала-Вали. Тальканъ стоялъ по Истахри (270) въ горной мѣстности, по Якуби (287), впрочемъ имѣвшему очень смутныя свѣдѣнія объ этихъ мѣстахъ, между двухъ большихъ горъ; онъ могъ находиться или около крѣпости Тахт-и-Хатунъ, или на мѣстѣ старой крѣпости Каурмахъ, у южнаго края долины Кала-Вали; Каурмахъ до половины XIX в. былъ главною крѣпостью новѣйшихъ обитателей страны — джемшидовъ. Если здѣсь была цитадель, то самый городъ могъ занимать пространство до рѣчки Кала-Вали; въ составъ его могли входить курганы, упомянутые у Іета (211) при описаніи этой мѣстности. Цитадель Талькана, подъ названіемъ *Нусретъ-Кухъ*, упоминается въ исторіи походовъ Чингизъ-хана

и полгода защищалась противъ монгольскаго войска. Въ IX в. городъ былъ такъ обширенъ, что въ немъ были двѣ соборныхъ мечети; городъ славился своими шерстяными тканями (Я'куби l. c.).

Горная область въ верховьяхъ Мургаба носила названіе *Гарчъ* или *Гарчистанъ* (غرجستان или غرشستان); жителей области называли *Гарча*, этническій терминъ, сохранившійся и теперь, въ формѣ *Гальча*, въ Средней Азіи для обозначенія арійскаго населенія горныхъ областей по верховьямъ Аму-дарьи. Терминъ этотъ, по мнѣнію Томашка, происходитъ отъ древне-бактрійскаго gar = гора; что мы въ обоихъ случаяхъ имѣемъ одно и то-же слово, видно изъ того, что терминъ Гарчистанъ прилагался также къ горной области верхняго Заряфшана; авторъ XII в. Сам'ани говоритъ объ одномъ селеніи, что оно находилось въ „самаркандскомъ Гарчистанѣ“ (Туркестанъ, 130; ср. также статью Маркварта въ ZDMG, XLIX, 666). Эта область (мургабскій Г.) имѣла особыхъ владѣтелей, носившихъ титулъ шаровъ; Истахри (271—272) и Ибнъ-Хаукаль (323) называютъ два главныхъ города области, изъ которыхъ одинъ, *Пишинъ* (у Джузджани افشين) находился на восточной, правой сторонѣ Мургаба, на разстояніи одного дня пути выше *Дизе* (селеніе Дизе находилось у южнаго конца упомянутаго ущелья), другой, *Шурминъ*, въ горахъ, на разстояніи одного дня пути къ югу отъ перваго. Въ Гарчистанѣ въ X в. уже былъ распространенъ исламъ, но продолжали господствовать мѣстные правители; въ концѣ X в. при Макдиси (314) въ составъ владѣній ихъ входилъ и Мерврудъ. Эта мѣстная династія была низложена въ XI в. Махмудомъ Газневидомъ.

Мѣстность по Мургабу въ настоящее время имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ эпоху арабскихъ географовъ. Іетъ (224) обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что арабскіе географы говорятъ о садахъ Мервруда, тогда какъ теперь ни въ Меручакѣ, ни въ Бала-Мургабѣ нѣтъ не только деревьевъ, но и кустовъ. Кочевые обитатели мѣстности, арійскіе джемшиды и турецкіе туркмены, одинаково мало занимаются садоводствомъ, требующимъ еще болѣе жертвъ отъ людей, не склонныхъ къ осѣдлому образу жизни, чѣмъ земледѣліе.

Сплошной культурной полосы по Мургабу никогда не было; этому препятствуютъ высокія скалы изъ песчаника, иногда, особенно вдоль праваго берега, подходящія непосредственно къ рѣкѣ и раздѣляющія ея берега на нѣсколько долинъ. Меручакская долина кончается въ 3 англ. миляхъ къ сѣверу отъ нынѣшней крѣпости, гдѣ холмы подходятъ къ рѣкѣ съ обѣихъ сторонъ. Слѣдующій оазисъ по Мургабу, *Пендждэ*, буквально „5 селеній“ (это названіе передѣлано туркменами въ *Пенди*),

представляетъ, по описанію Іета (184), длинную, узкую долину, простирающуюся на 25 м., со средней шириной около 2 м. Развалины обширнаго города, по описанію кап. de Laessoë (Proceedings, 589), видны къ югу отъ селенія Старое Пендждэ. Развалины есть также на правомъ берегу противъ Стараго Пендждэ и ниже. Пендждэ подъ этимъ названіемъ впервые, насколько извѣстно, упоминается у Якута, въ началѣ XIII в. (Жуковскій, Мервъ, стр. 40). Въ эпоху Тимура это персидское названіе уже было передѣлано туркменами въ Пенди (Шереф-ад-динъ, I, 353). Въ настоящее время въ долинѣ Пендждэ число воздѣланныхъ полей крайне незначительно; по замѣчанію Іета (189) долина не можетъ прокормить своего населенія, и до разграниченія 1885 г. хлѣбъ привозился сюда изъ Меймене. Главнымъ селеніемъ мѣстности теперь является *Тахта-Базаръ*, пограничный пунктъ русскихъ владѣній, куда афганскій эмиръ позволялъ своимъ подданнымъ пріѣзжать для торговли. Желѣзная дорога не доходитъ до этого мѣста, а лишь до кирпичнаго моста (پل خشتی по перс., طاش کپرو по тур.) на Кушкѣ, недалеко отъ мѣста впаденія этой рѣчки въ Мургабъ, и дальше направляется по долинѣ Кушка къ афганской границѣ.

Отъ культурной полосы Мерва культурная полоса Пендждэ отдѣлена обширной песчаной пустыней, и то-же самое мы видимъ уже въ IX и X вв. Границей культурной полосы Пендждэ въ настоящее время считается урочище *Сары-Язы*, нынѣ желѣзнодорожная станція. Глинистыя предгорья и холмы изъ твердаго песчаника идутъ еще почти на 70 в. дальше до почтовой станціи Чарвахъ. Самымъ южнымъ пунктомъ, зависѣвшимъ отъ Мерва, въ средніе вѣка считалось селеніе *Каринейнъ*, въ 25 фарс. отъ Мерва, носившее собственно названіе *Баркдизъ* и получившее арабское названіе قرينين (два товарища) потому, что присоединялось то къ Мерву, то къ Мервруду. Селеніе находилось на высокомъ холмѣ на берегу рѣки; воздѣланныхъ полей здѣсь не было, и жившіе здѣсь огнепоклонники занимались тѣмъ, что отдавали въ наемъ ословъ путешественникамъ. Проф. Жуковскій (Мервъ, 181), повидимому основательно, отожествляетъ Каринейнъ съ нынѣшнимъ урочищемъ *Имамъ-Баба*, верстахъ въ 30 ниже Сары-Язы, гдѣ на высокомъ холмѣ расположенъ старый каравансарай и у подножія его старое мусульманское кладбище. Кромѣ Каринейна въ X в. еще нѣсколько урочищъ, расположенныхъ ниже, состояли только изъ почтовыхъ станцій и каравансараевъ; даже о второмъ перегонѣ на пути изъ Мерва въ Мервруд, именно о пространствѣ въ 6 фарс. между деревней Фазъ, въ 7 фарс. отъ Мерва, и селеніемъ Мехднабадъ, говорится, что этотъ путь проходилъ черезъ пустыню (Кудама, 160). Въ настоящее

время, по описанію проф. Жуковскаго (Мервъ, 175), здѣсь проходитъ „прекраснѣйшая почтовая дорога, перерѣзанная старыми глубокими каналами, массой оросительныхъ канавъ, по полямъ, засѣяннымъ джугарой (сорго), дынями, поросшая цѣлыми лѣсами тамарикса". Старыя оросительныя канавы относятся къ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ эпоха арабскихъ географовъ, можетъ быть, къ эпохѣ процвѣтанія Мерва при Сельджукидахъ въ XII в. или къ эпохѣ возстановленія его при Тимуридахъ въ XV в. Послѣднее болѣе вѣроятно: гератскій историкъ Исфизари, писавшій въ 1492 г., сообщаетъ, что въ царствованіе султана Хусейна, вступившаго на престолъ въ 1469 г., благодаря вновь вырытымъ каналамъ была значительно расширена культурная полоса какъ между Бала-Мургабомъ и Мервомъ, такъ и между Мервомъ и Серахсомъ; Исфизари увѣряетъ, что въ той и въ другой области безплодныя прежде пространства были сплошь орошены и обработаны, такъ что между указанными городами образовалась сплошная культурная полоса, что, однако, едва-ли вѣроятно (Жуковскій, стр. 71).

Мервъ и его оазисъ — единственная пока мѣстность въ Средней Азіи, о которой существуетъ подробное историко-географическое изслѣдованіе, именно капитальный трудъ проф. Жуковскаго „Развалины Стараго Мерва".

Городъ Мервъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ находился въ восточной части оазиса; существованіе его было тѣсно связано съ существованіемъ плотины, носящей теперь названіе Султанъ-Бендъ и недавно возстановленной. Плотина впервые упоминается въ X в. и нѣсколько разъ разрушалась, то водой Мургаба, то руками завоевателей Мерва, желавшихъ принудить городъ къ сдачѣ лишеніемъ воды (Жуковскій, стр. 174—175). На полъ-пути между плотиной и гор. Мервомъ находилась деревня *Заркъ*, гдѣ большой каналъ раздѣлялся на меньшіе; здѣсь была мельница, въ которой былъ убитъ Іездегердъ III, послѣдній царь изъ династіи Сасанидовъ. Проф. Жуковскій помѣщаетъ это селеніе на мѣстѣ нынѣшнихъ развалинъ Туркменъ-Кала. Самый городъ, какъ доказалъ проф. Жуковскій, постепенно передвигался на западъ.

Самое древнее изъ существующихъ городищъ — *Гяуръ-Кала* (Мервъ, стр. 111 и сл.). Какъ доказалъ проф. Жуковскій, Гяуръ-Кала въ X в. было шахристаномъ, внутреннимъ городомъ Мерва. Вмѣстѣ съ пригородами городъ занималъ площадь около 40 кв. в. Въ X в., когда Хорасанъ и Мавераннагръ были соединены подъ управленіемъ одной династіи, городъ утратилъ свое военное значеніе, и цитадель его была уже тогда въ развалинахъ. Шахристанъ имѣлъ 4 воротъ; проф. Жуковскій

помѣщаетъ ворота города въ западной и восточной стѣнахъ, сообразно съ расположеніемъ воротъ въ болѣе позднихъ городищахъ. Однако въ другихъ большихъ городахъ Средней Азіи (Балхѣ, Гератѣ, Самаркандѣ), гдѣ былъ шахристанъ съ четырьмя воротами, ворота располагались по странамъ свѣта; предполагать, что въ Мервѣ было иначе, едва-ли есть основаніе, такъ какъ здѣсь пересѣкались какъ разъ четыре дороги: въ Серахсъ, въ Хорезмъ, въ Бухару и въ Мерврудъ.

Къ сѣверу или сѣверо-востоку, повидимому, находились еще развалины, называвшіяся „Старымъ Мервомъ“ и засыпанныя пескомъ; еще въ XV в., по свидѣтельству писателя Хафизи-Абру, при сильномъ вѣтрѣ, разносившемъ песокъ, здѣсь иногда обнаруживались слѣды стѣнъ и построекъ.

Къ западу отъ городища Гяуръ-Кала находилось другое, *Султанъ-Кала* (Мервъ, стр. 119 и сл.); какъ разъ въ центрѣ внутренняго квадрата находятся развалины большого куполообразнаго зданія, гробницы султана Синджара. Городище Султанъ-Кала представляетъ собою Мервъ эпохи Сельджукидовъ, стѣна котораго была построена Меликъ-шахомъ. Высокое зданіе есть мавзолей султана Синджара (или Санджара), скончавшагося въ 1157 г.; мавзолей построенъ былъ имъ при жизни и еще въ концѣ XIII в., по словамъ историка Рашид-ад-дина, считался самымъ высокимъ мусульманскимъ зданіемъ въ мірѣ (д'Оссонъ, IV, 273).

Мервъ былъ разрушенъ монголами въ 1221 году; проф. Жуковскій (Мервъ, 173), выражаетъ предположеніе, что монгольскій станъ находился на мѣстѣ нынѣшняго городища Шаимъ-Кала (къ юго-востоку отъ Гяуръ-Кала). Городъ былъ возстановленъ въ 1409 г. Шахрухомъ, сыномъ Тимура, на новомъ мѣстѣ; остатками этого города являются два соединенныхъ между собою городища, *Байрамъ-Али* и *Абдулла-ханы*, значительно уступающія предшествующимъ по размѣрамъ.

Проф. Жуковскимъ собраны также извѣстія о селеніяхъ мервскаго оазиса; изъ этихъ извѣстій видно, что въ средніе вѣка, какъ и теперь, оазисъ занималъ очень незначительное пространство по всѣмъ направленіямъ отъ города; о южной границѣ оазиса было сказано выше; на сѣверо-востокъ отъ города шла дорога въ Бухару, причемъ на разстояніи 5 фарс. находилась деревня *Кушмейхенъ*, теперь Кишманъ; здѣсь начинались пески, и на дальнѣйшемъ пути до берега Аму-дарьи упоминаются только почтовыя станціи. Влѣво отъ дороги, на разстояніи 1 фарс. отъ Кушмейхена, находилась дер. Хурмузферра, названіе которой было потомъ сокращено въ Мусфара (въ 5 фарс. отъ Мерва); здѣсь проходила дорога въ Хорезмъ, также черезъ пески, начинавшіеся непосредствен и

за этой деревней. На юго-западъ шла дорога въ Серахсъ; на ней упоминается нѣсколько пунктовъ, но уже о второмъ изъ нихъ, именно о крѣпости *'Денданканъ*, находившейся въ 10 фарсахахъ отъ Мерва, говорится, что она стояла среди пустыни; самая крѣпость занимала только пространство въ 500 шаговъ, и около нея было мѣсто остановки каравановъ (Жуковскій, Мервъ, 21—22).

Изолированное положеніе города и близость песковъ подвергала его торговлю постоянной опасности; оградить оазисъ отъ набѣговъ кочевниковъ можно было только въ рѣдкіе періоды господства въ странѣ сильнаго правительства. Этимъ объясняется упадокъ города, первоначально находившагося на главномъ пути изъ западной Азіи въ восточную. Здѣсь уже въ III в. до Р. Хр. Антіохъ Сотеръ (280—261) основалъ городъ Антіохію и окружилъ весь оазисъ стѣной въ 1500 стадіевъ или около 40 геогр. миль; проф. Жуковскій (4—5) на основаніи этого доказываетъ, что оазисъ тогда занималъ приблизительно такое же пространство, какъ и теперь. Нашествія кочевниковъ должны были уменьшить его торговое значеніе; Исидоръ Харакскій, писавшій около времени Р. Хр., не упоминаетъ о пути черезъ Мервъ къ Аму-дарьѣ; описанный имъ торговый путь достигалъ Мургаба (вѣроятно около позднѣйшаго Мервруда), а оттуда направлялся на югъ къ нынѣшнему Герату. На мѣстѣ Мервруда, по мнѣнію проф. Жуковскаго, былъ гор. Александрія въ Маргіанѣ, построенный Александромъ Македонскимъ. О Мервѣ сасанидской эпохи нѣтъ свѣдѣній, кромѣ приведенной проф. Жуковскимъ (8) небольшой замѣтки сирійскаго автора VII в. По этому извѣстію, оазисъ въ то время былъ окруженъ стѣной въ 12 фарс. въ окружности. Арабскіе намѣстники Хорасана чаще всего жили въ Мервѣ; по справедливому замѣчанію проф. Жуковскаго (10) „онъ былъ естественнымъ базисомъ, откуда арабы распространяли свое владычество вглубь Туркестана“.

Нѣкоторый упадокъ города замѣчается съ того времени, какъ Тахириды перенесли столицу Хорасана въ Нишапуръ, остававшійся главнымъ городомъ Хорасана до монгольскаго нашествія, несмотря на пребываніе въ XII в. въ Мервѣ султана Синджара; но и тогда черезъ Мервъ проходилъ главный торговый путь, именно, по описанію арабскихъ географовъ IX и X вв., начиная съ Ибнъ-Хордадбеха, путь изъ Багдада черезъ Хамаданъ и Рей на Нишапуръ, оттуда черезъ Серахсъ на Мервъ, гдѣ путь развѣтвлялся; одна дорога шла на сѣверо-востокъ въ Бухару и Самаркандъ, другая на юго-востокъ — въ Мерврудъ и Балхъ. Безопасность и порядокъ удалось упрочить въ странѣ только Саманидамъ; до нихъ въ IX в., по словамъ географа Якуби (Жуковскій, стр. 14), у

каждой станціи на пути изъ Серахса въ Мервъ черезъ пустыню была крѣпость, гдѣ жители защищались отъ турокъ, часто нападавшихъ на нѣкоторыя изъ этихъ станцій.

Въ 1221 г. Мервъ былъ разрушенъ монголами и отъ этого погрома никогда уже не могъ оправиться. Въ 1250 г. монгольскимъ намѣстникомъ Аргуномъ были воздвигнуты нѣкоторыя постройки въ сел. Разикабадъ къ югу отъ города (Туркестанъ, ч. I, стр. 117); главнымъ пунктомъ оазиса сдѣлалось селеніе *Маханъ* въ 3 ф. отъ Мерва, гдѣ въ XIV в., при Тимурѣ, былъ особый туркменскій правитель (Жуковскій, стр. 43, 53). Въ связи съ упадкомъ Мерва находилось процвѣтаніе Герата, также разрушеннаго монголами, но возстановленнаго, какъ мы увидимъ дальше, уже при преемникѣ Чингизъ-хана, Угэдэй-ханѣ. Мервъ былъ возстановленъ лишь въ 1409 г., причемъ этотъ новый Мервъ по размѣрамъ значительно уступалъ Мерву домонгольскаго періода. Гератъ и при Тимуридахъ оставался главнымъ городомъ Хорасана и столицей самыхъ могущественныхъ представителей династіи. Послѣ основанія Сефевидами ново-персидскаго государства Мервъ (съ его оазисомъ) часто подвергался нападенію какъ бухарскихъ и хивинскихъ узбековъ, такъ и подчиненныхъ хивинцамъ туркменовъ, постепенно занявшихъ всю страну по берегамъ Мургаба. Вслѣдствіе этого торговля между Персіей и Мавераннагромъ направилась по кружному пути черезъ Гератъ, сдѣлавшійся важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ въ Средней Азіи. Правители Герата, начиная съ средне-вѣковой династіи Куртовъ и кончая афганскими правителями XIX в., старались подчинить себѣ всю мѣстность до Мургаба и культурную полосу этой рѣки, иногда не безъ успѣха. Въ XIX в. обстоятельства не всегда благопріятствовали афганцамъ; въ 30-хъ годахъ, во время осады Герата персами, хивинцы подчинили себѣ долину Мургаба до Пендждэ и долину Кушка до Кала-и-Мауръ. Послѣ 50-хъ годовъ изъ-за обладанія долиной Мургаба происходилъ споръ только между различными туркменскими племенами; вытѣсненное текинцами изъ Мерва племя сарыковъ заняло Пендждэ и Меручакъ. Въ 1860 г. персидское правительство предприняло походъ на Мервъ, но безъ всякаго успѣха; болѣе удачно было движеніе русскихъ съ сѣвера и афганцевъ съ юга; въ 1884 г. одновременно произошло занятіе Мерва русскими и Бала-Мургаба, Меручака и Пендждэ афганцами. Этимъ былъ вызванъ пограничный споръ, едва не бывшій причиной войны между Россіей и Англіей; столкновеніе окончилось отказомъ афганцевъ отъ Пендждэ, по настоянію русскаго правительства.

III.

Гератъ и теченіе Герируда.

Арабскіе географы не даютъ подробнаго описанія путей, соединявшихъ долину Мургаба съ долиной слѣдующей значительной рѣки, Герирудъ, въ которой находился Гератъ. Считали 6 дней пути отъ Герата на сѣверо-востокъ до Мервруда, 5 дней отъ Герата на сѣверо-западъ до Серахса; страна между Гератомъ и Мерврудомъ носила названіе *Кенджъ-Рустакъ*, страна между Гератомъ и Серахсомъ—названіе *Бадгисъ*, терминъ, который получилъ впослѣдствіи болѣе обширное значеніе и сталъ обозначать всю сѣверо-западную часть нынѣшняго Афганистана (уже въ XV в. Хафизи-Абру называетъ Бадгисомъ всю мѣстность между Герирудомъ и Мургабомъ). Какъ въ Кенджъ-Рустакѣ, такъ и въ Бадгисѣ упоминается нѣсколько городовъ, не имѣвшихъ большого значенія. Въ Мургабъ впадаютъ съ юго-запада рѣчки Кушкъ и Кашанъ, не отличающіяся многоводностью и въ нижней части своего теченія лѣтомъ иногда совершенно пересыхающія. Уже въ эпоху арабскихъ географовъ въ этихъ рѣчкахъ было слишкомъ мало воды для искусственнаго орошенія полей; какъ въ Кенджъ-Рустакѣ, такъ и въ Бадгисѣ поля орошались почти исключительно дождевой или колодезной водой. Орошеніе дождевой водой часто примѣняется въ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ дожди выпадаютъ чаще чѣмъ въ равнинѣ (такъ называемыя богарныя пашни).

Сѣверо-западная часть Афганистана была предметомъ подробныхъ изслѣдованій членовъ англійской разграничительной коммиссіи 1885—86 гг. Главная дорога изъ Герата въ Мервъ въ средніе вѣка, вѣроятно, проходила по долинѣ Кушка, а не по долинѣ Кашана, на что указываютъ многочисленныя развалины по берегамъ Кушка и древній мостъ въ урочищѣ *Чихиль-духтеранъ*, часто упоминаемый въ исторіи Тимура и Тимуридовъ (Іетъ, Afghanistan, 222); въ 12 англ. миляхъ къ сѣверу отъ этого урочища находится русскій Кушкинскій постъ. На Кушкѣ, около нынѣшняго

селенія Кала-и-Мауръ, находился г. *Багшуръ*, черезъ который, кромѣ пути изъ Герата въ Мерврудъ, проходилъ также путь отъ Мургаба изъ замка Ахнафа (теперь Караулъ-Хана) на западъ, въ Бадгисъ. Развалины Багшура занимаютъ большое пространство; въ серединѣ, на искусственномъ возвышеніи значительной высоты, видны развалины старой крѣпости, построенной изъ кирпича. Упоминается другой путь въ Гератъ съ верховьевъ Мургаба, изъ городовъ Гарчистана, проходившій черезъ селеніе *Керухъ*, существующее и теперь (къ сѣверо-востоку отъ Герата). Горы, составляющія водораздѣлъ между Герирудомъ и системой Мургаба, были извѣстны въ древности подъ названіемъ Паропамиса; это названіе часто употребляется и современными географами; туземнаго названія для всей горной системы нѣтъ, но каждая отдѣльная цѣпь носитъ особое названіе; такъ самая западная вѣтвь, ограничивающая съ сѣвера долину Герата, носитъ названіе Кайту или Кух-и-Баба. Главная цѣпь достигаетъ высоты около 10000 ф. и постепенно возвышается по направленію къ востоку; перевалы довольно круты, но все-таки англичане безъ большихъ затрудненій доставили туда свой тяжелый багажъ. Съ сѣверо-запада путь въ Гератъ совершенно открытъ. Сѣверные склоны горъ теперь заняты кочевыми и полукочевыми народами, *джемшидами*, народомъ, какъ мы видѣли, иранскаго происхожденія, и *хезарейцами*, иранизованными монголами, пришедшими сюда въ XIII в. Главное селеніе джемшидовъ — *Кушкъ*; главное селеніе хезарейцевъ — *Кала-и-нау* на Кашанѣ; послѣднее еще въ XIX в. было мѣстопребываніемъ самостоятельнаго хезарейскаго владѣтеля. Пашни, орошенныя и богарныя, теперь занимаютъ пространство гораздо меньшее, чѣмъ прежде; многочисленныя развалины показываютъ, что нѣкогда мѣстность была гораздо лучше населена и обработана. Своими великолѣпными пастбищами Бадгисъ всегда привлекалъ къ себѣ кочевниковъ, и потому здѣсь не могла развиться осѣдлая культура. Изъ-за Бадгиса въ 1270 г. произошла война между средне-азіатскими и персидскими монголами; путешественникъ Ферье (I, 364) называетъ пастбища около Кала-и-нау лучшими во всей Азіи.

Основателемъ *Герата*, какъ и Мерва, считался у мусульманъ Александръ В. Въ этомъ случаѣ преданіе подтверждается разсказами греческихъ историковъ о постройкѣ гор. Александріи въ области Аріи, Ἀλεξάνδρεια ἡ ἐν Ἀρείοις; этотъ городъ упоминается какъ у Птолемея (подъ названіемъ Aria metropolis), такъ и у Исидора Харакскаго отдѣльно отъ древней туземной столицы, Артакоаны. Мѣстоположеніе послѣдней поэтому было предметомъ спора среди ученыхъ; по мнѣнію Томашка, Артакоана находилась на мѣстѣ гератской цитадели, впослѣдствіи, со вре-

мени династіи Куртовъ (XIII—XIV вв.), носившей названіе اختيار الدين. Благодаря чрезвычайному плодородію долины Герируда, Гератъ уже въ эпоху Саманидовъ былъ однимъ изъ главныхъ городовъ Хорасана, хотя и оставался въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ путей; мы видѣли, что главный путь изъ Персіи въ Туркестанъ шелъ изъ Нишапура черезъ Серахсъ въ Мервъ, гдѣ отдѣлялся путь въ Балхъ, куда привозились индійскіе товары. Гератъ велъ однако торговлю съ Сеистаномъ и съ южно-персидскими областями до Фарса. Длина и ширина города равнялись фарсаху; подобно другимъ большимъ городамъ онъ также состоялъ изъ шахристана (собств. города), рабада (предмѣстья) и кухендуза (цитадели). Городъ имѣлъ четверо воротъ по четыремъ странамъ свѣта; изъ нихъ восточныя, именно ворота Кушкъ, сохранили и до сихъ поръ свое названіе; отъ сѣверныхъ воротъ шла дорога въ Балхъ, отъ западныхъ въ Нишапуръ, отъ южныхъ въ Сеистанъ. Только сѣверныя ворота были изъ желѣза, остальныя изъ дерева. Дворецъ правителя находился внѣ города, къ западу отъ него, на разстояніи около фарсаха, въ мѣстѣ Хорасанабадъ. Почти весь городъ былъ окруженъ еще внѣшней стѣной на разстояніи 30 шаговъ отъ внутренней. Всѣ эти стѣны были разрушены вслѣдствіе мятежа жителей; то-же разсказываютъ и о другихъ большихъ городахъ, напр. о Самаркандѣ. Въ Гератѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, Истахри (264—265) и Ибнъ-Хаукаль (316—317) опредѣляютъ мѣстоположеніе дворца правителя (см. выше), соборной мечети (въ центрѣ города), тюрьмы (къ з. отъ соборной мечети) и базаровъ (около каждыхъ воротъ и вокругъ соборной мечети). Ни въ одномъ хорасанскомъ городѣ не было столько людей, постоянно проводившихъ время въ мечети, какъ въ Гератѣ. Зданія, какъ вездѣ, были выстроены изъ глины; камень для мостовой добывался въ горахъ, находившихся на разстояніи ½ ф. къ сѣв. отъ города. Горы уже тогда были лишены лѣса, и для топлива служили кустарники степи, простиравшейся къ югу отъ Герируда. На вершинѣ горы находился храмъ огнепоклонниковъ, между горой и городомъ—христіанская церковь. Городъ славился выдѣлкой тканей, изъ которыхъ впослѣдствіи, въ монгольскій періодъ, особенно цѣнилась какая-то шитая золотомъ ткань съ узорами и изображеніями. Изъ Герата въ большомъ количествѣ вывозили изюмъ, фисташки, медъ и другія сладости. Фруктовыхъ деревьевъ и теперь очень много по южнымъ склонамъ горъ, ограничивающихъ съ сѣвера долину Герируда.

Исторія Герата въ домонгольскій періодъ представляетъ мало замѣчательнаго: городъ обыкновенно раздѣлялъ судьбу остальной части Хорасана и никогда не былъ мѣстопребываніемъ самостоятельныхъ и могу-

щественныхъ владѣтелей. Вслѣдствіе своего географическаго положенія Гератъ раньше другихъ городовъ Хорасана былъ завоеванъ усилившимися въ XII в. владѣтелями горной области *Гуръ*, изъ которой вытекали Герирудъ и рѣки, текущія на юго-западъ, въ Сеистанъ. Къ востоку отъ Герата упоминается еще нѣсколько селеній, между прочими Марабадъ (на новѣйшихъ картахъ Марва) и Офа (на современныхъ картахъ *Обе*); въ 2 дняхъ пути отъ Офы находилось еще селеніе *Чишмъ*, послѣ чего уже вступали въ область Гуръ, граничившую съ владѣніями Абу-Давудидовъ, съ Гузганомъ, Гарчистаномъ и Гератской областью до Фаравы или Фараха. Географы X в. указываютъ на Гуръ, какъ на единственную область, окруженную со всѣхъ сторонъ мусульманскими владѣніями и все-таки населенную кафирами. Уже фактъ долгаго сопротивленія этихъ горцевъ мусульманскимъ завоевателямъ указываетъ на недоступность страны. По словамъ путешественника Ферье (II, 15) вся эта горная страна можетъ быть разсматриваема какъ одна громадная крѣпость, воздвигнутая въ центрѣ и въ самомъ высокомъ мѣстѣ большой азіатской возвышенности; откуда ни подойти къ ней, вездѣ надо переходить высокія и крутыя горы, которыя и внутри прорѣзываютъ страну по нѣсколькимъ направленіямъ, особенно съ востока на западъ. Въ эпоху Саманидовъ, по словамъ Истахри (272), исламъ, и то только внѣшнимъ образомъ, исповѣдовали только тѣ жители Гура, которые жили по сосѣдству съ мусульманскими владѣніями. Персидскій географъ конца X в. увѣряетъ, будто владѣтель Гура, носившій титулъ Гуръ-шаха, подчинился гузганскимъ Феригунидамъ, послѣ чего горцы большею частью приняли исламъ. Вглубь страны гурцевъ первымъ проникъ газневидскій султанъ Масʿудъ еще въ царствованіе своего отца Махмуда, въ 1020 г., когда Масʿудъ былъ намѣстникомъ Герата. Историкъ Бейхаки (128 — 134) подробно описываетъ этотъ походъ, окончившійся взятіемъ нѣсколькихъ гурскихъ селеній и крѣпостей и подчиненіемъ одного изъ правителей, подданные котораго считались самыми воинственными изъ всѣхъ гурцевъ; мѣстопребываніе этого владѣльца прежде было столицей Гура; обладателю этой части области подчинялась и вся страна. Крѣпости служили гурцамъ главнымъ образомъ для защиты женъ, дѣтей и имущества во время походовъ. Языкъ гурцевъ настолько отличался отъ языка жителей равнины, что Масʿудъ объяснялся съ ними черезъ переводчика.

Въ XI в. гурцы сдѣлались мусульманами и номинально подчинились газневидскому правительству, но оставались подъ властью туземной династіи *Сури*, одинъ изъ представителей которой правилъ въ Гурѣ, въ селеніи *Ахенгеранъ*, еще при Махмудѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и кончилъ жизнь

самоубійствомъ (самое селеніе Ахенгеранъ, можетъ быть, соотвѣтствуетъ селенію этого имени, существующему и теперь въ верховьяхъ Герируда). Изъ этой же династіи вышли въ XII в. могущественные правители, овладѣвшіе сперва Газной, потомъ Герагомъ съ частью Хорасана, всѣмъ нынѣшнимъ Афганистаномъ и частью Индіи. Столицей Гура въ это время была крѣпость *Фирузкухъ*, также расположенная въ верховьяхъ Герируда, повидимому, недалеко отъ Ахенгерана (ср. Джузджани, 1047). Мѣстоположеніе этого города, бывшаго въ концѣ XII и въ началѣ XIII вв. одной изъ столицъ могущественнаго государства и украшеннаго рядомъ великолѣпныхъ построекъ, не опредѣлено съ точностью, такъ какъ верховья Герируда еще мало изслѣдованы; когда въ 1845 г. былъ здѣсь Ферье (I, 444 — 445), то туземный князь указывалъ ему на древній городъ Шехерекъ, недалеко отъ Даулетъ-Яра, какъ на бывшую столицу Гура, также и на г. Карабагъ, окруженный развалинами, въ которыхъ находили монеты, принадлежавшія, по словамъ видѣвшаго ихъ англійскаго офицера, Александру Великому. Еще до монгольскаго нашествія упомянутая династія, извѣстная подъ названіемъ Гуридовъ, прекратила свое существованіе; западная часть ея владѣній была завоевана хорезмшахомъ Мухаммедомъ; горныя крѣпости Гура и Гарчистана оказали значительное сопротивленіе монгольскимъ войскамъ.

Гератъ, подобно другимъ хорасанскимъ городамъ, былъ взятъ въ 1221 г. сыномъ Чингизъ-хана Тулуемъ; такъ какъ жители сдались добровольно до приступа, то городъ былъ пощаженъ, и Тулуй ограничился истребленіемъ 12000 гарнизона. Но въ томъ же году временные успѣхи хорезмшаха Джелаль-ад-дина вызвали возстаніе жителей противъ монголовъ и новую осаду послѣдними Герата; городъ былъ взятъ въ 1222 г. послѣ шестимѣсячной осады и подвергнутъ полному разрушенію. Монгольскія войска при Чингизъ-ханѣ не удержались въ Хорасанѣ, и при его преемникѣ Угэдэѣ монголамъ пришлось снова завоевывать область, которая вслѣдствіе этого подверглась новому опустошенію и потому оправлялась гораздо медленнѣе, чѣмъ Мавераннагръ. Гератъ былъ возстановленъ раньше, чѣмъ другіе большіе города Хорасана; по нѣкоторымъ извѣстіямъ хану Угэдэю такъ понравились ткани гератскихъ мастеровъ, что онъ позволилъ имъ вернуться на родину и тамъ устроить мастерскія. При ханѣ Мункэ (1251—1259) Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Куртъ, гурецъ, владѣвшій крѣпостью Хайсаромъ, получилъ Гератъ; *Хайсаръ* упоминается уже географами X в., на пути изъ Герата въ Гуръ, въ 2 дняхъ пути отъ перваго (Истахри, 285). Шемс-ад-динъ положилъ начало династіи *Куртовъ;* такимъ образомъ въ Гератѣ снова утвердилась династія гурскаго происхожденія.

Съ этого времени начинается процвѣтаніе Герата, какъ главнаго города во всемъ Хорасанѣ. Сюда, вслѣдствіе разоренія Мерва и Балха, направился торговый путь изъ Западной Азіи на сѣверо-востокъ въ Туркестанъ и въ Китай и на юго-востокъ — въ Индію. Это торговое значеніе городъ сохранилъ вплоть до новѣйшаго времени, до постройки Закаспійской желѣзной дороги; благодаря выгодному торговому положенію городъ всегда быстро оправлялся отъ нашествій кочевниковъ и другихъ внѣшнихъ враговъ. Здѣсь, по выраженію Ферье (I, 315—316), соединялись всѣ дороги, ведущія въ главныя страны Азіи.

Династія Куртовъ управляла Гератомъ во все время владычества монголовъ въ Персіи, въ XIII и XIV вв. Фахр-ад-дину Курту (1285—1307 г.) принадлежитъ постройка нынѣшней гератской цитадели, расположенной на сѣверной сторонѣ города и въ то время носившей названіе اختيار الدين. При Куртахъ была построена также неприступная крѣпость Аманъ-кухъ или *Эшкильче,* въ 4 фарс. къ юго-западу отъ города. Самымъ сильнымъ правителемъ династіи былъ Муизз-ад-динъ-Хусейнъ (1331 — 1370), при которомъ произошло паденіе персидскихъ монголовъ. Муизз-ад-динъ-Хусейнъ подчинилъ себѣ всѣ области до Мургаба, откуда предпринималъ набѣги и на болѣе восточныя области; такъ въ 1368 г. имъ былъ разграбленъ Шапурганъ. До 1353 г. онъ номинально подчинялся власти послѣдняго изъ представителей династіи персидскихъ монголовъ Тугай-Тимура; послѣ смерти послѣдняго онъ сдѣлался самостоятельнымъ владѣтелемъ и таковымъ оставался до своей смерти, хотя еще въ 1354 г. былъ побѣжденъ эмиромъ Казаганомъ, правителемъ джагатайскаго государства. При его сынѣ Гіяс-ад-динѣ Пиръ-Али въ 1381 г. произошло взятіе Герата Тимуромъ. Историкъ Абд-ар-Реззакъ Самарканди (л. 74b), источникомъ котораго былъ хорасанскій историкъ Хафизи-Абру, даетъ намъ довольно подробныя свѣдѣнія о личности послѣдняго гератскаго царя; онъ отличался мягкимъ характеромъ, не обижалъ подданныхъ, при защитѣ города проявилъ личное мужество, но былъ слишкомъ преданъ наслажденіямъ, чтобы заранѣе приготовиться къ осадѣ. Онъ не позаботился собрать войско, которое-бы могло отразить нападеніе, и высказывалъ увѣренность, что „за женъ и за дѣтей будетъ сражаться всякій“. Между тѣмъ Тимуръ въ самомъ началѣ осады обѣщалъ неприкосновенность жизни и имущества всякому, кто останется въ своемъ домѣ и не приметъ участія въ вооруженномъ сопротивленіи. При такихъ условіяхъ на приказанія Гіяс-ад-дина никто не обращалъ вниманія. Ему совѣтовали казнить нѣсколько человѣкъ, въ примѣръ другимъ, но онъ предпочелъ сдать городъ Тимуру. Послѣдній разрушилъ внутреннія и внѣшнія

стѣны города и наложилъ на жителей большую контрибуцію; еще большая сумма была взята Тимуромъ съ жителей послѣ неудачнаго возстанія 1383 г. Гіяс-ад-динъ сначала былъ оставленъ правителемъ Герата, но въ 1382 г. былъ увезенъ въ Самаркандъ, а въ слѣдующемъ году убитъ.

Городъ быстро оправился отъ разоренія и оставался при Тимурѣ и Тимуридахъ столицей Хорасана. Правителемъ области нѣсколько лѣтъ былъ сынъ Тимура Мираншахъ, съ 1397 г. другой сынъ его, Шахрухъ, который остался жить въ Гератѣ и тогда, когда по смерти Тимура сдѣлался верховнымъ властителемъ всего государства. Въ 1415 г. Шахрухъ возстановилъ укрѣпленія Герата, разрушенныя Тимуромъ. Изъ другихъ могущественныхъ Тимуридовъ въ Гератѣ жили Абу-Сендъ съ 1458—1469 г. и султанъ Хусейнъ съ 1469 по 1506 г. Эпоха Тимуридовъ была самымъ блестящимъ періодомъ въ исторіи Герата. Имена Шахруха и султана Хусейна до сихъ поръ живы въ памяти населенія: по словамъ Ферье (I, 338) эти имена извѣстны каждому, даже въ самой бѣдной хижинѣ, и никогда не произносятся иначе какъ съ уваженіемъ. Къ этой эпохѣ относятся нѣкоторыя изъ сохранившихся до сихъ поръ зданій. Въ самомъ городѣ выдается только одно зданіе, соборная мечеть, построенная еще въ 1201 г. гуридскимъ султаномъ Гіяс-ад-диномъ и впослѣдствіи реставрированная при Куртахъ (Исфизари, л. 10 a, 131 b); она находится въ сѣверо-восточной части города. Большей красотой отличались зданія, находившіяся въ окрестностяхъ Герата. Лучшее изъ нихъ было расположено къ сѣверо-западу отъ города и носило названіе „Мусалля“, т. е. „мѣста молитвы“; такъ назывались мѣста въ окрестностяхъ большихъ городовъ, куда собирались мусульмане для празднованія двухъ большихъ праздниковъ, именно разговѣнія послѣ рамазана и праздника жертвоприношеній, عيد القربان, 10-го числа мѣсяца зу-ль-хиджа. Гератское мусалля состояло изъ трехъ зданій: медресе, отъ которой при Іетѣ оставалось только двѣ арки и четыре минарета, куполообразнаго зданія съ гробницами нѣкоторыхъ Тимуридовъ и большой мечети. По Исфизари (л. 10 a, 170 b) какъ мечеть, такъ и медресе были построены въ царствованіе Шахруха царицей گوهرشاد بيكم, могила которой также находится въ мусалля, причемъ указана дата ея смерти (861 хиджры или 1457 по Р. Хр.). Мечеть считалась второй соборной мечетью Герата. Ферье и Іетъ восторгаются размѣрами и изяществомъ купола и арокъ и разнообразіемъ орнаментовъ. Въ настоящее время эти зданія уже не существуютъ, такъ какъ афганскій эмиръ Абд-ар-рахманъ въ 1885 г. приказалъ ихъ разрушить по настоянію англійскихъ инженеровъ, ожидавшихъ въ то время осады Герата русскими (Хольдичъ, р. 142—143).

Кромѣ того въ окрестностяхъ Герата замѣчателенъ искусственный холмъ تل بنگیان („холмъ потребителей опіума“) къ сѣверу отъ города. Здѣсь, какъ слышалъ Іетъ (33), происходили оргіи предававшихся этому пороку. Ферье (I, 342) слышалъ преданіе, которое ему самому кажется невѣроятнымъ, будто Надиръ-шахъ воздвигъ этотъ холмъ для обстрѣливанія гератской цитадели. Болѣе вѣроятно, что это — цитадель Герата домонгольской эпохи (Исфизари, л. 21 а).

Къ востоку отсюда и въ 2 англійскихъ миляхъ къ сѣверо-востоку отъ города находится мѣсто کازرگاه (искаж. کارزارگاه „мѣсто битвы“; по Исфизари, л. 21 а, здѣсь была битва въ 206 г. хиджры), одна изъ резиденцій бывшихъ гератскихъ правителей, съ гробницей шейха XI в., „гератскаго старца“ Абдаллаха Ансари, воздвигнутой въ XV в. Тимуридами; у гробницы стоитъ великолѣпный памятникъ изъ бѣлаго мрамора. Здѣсь же похоронены и нѣкоторыя другія лица, между прочими знаменитый афганскій эмиръ Достъ-Мухаммедъ, умершій въ 1863 г. Для построекъ и надгробныхъ камней употреблялся бѣлый мраморъ, добывавшійся около селенія Обе, и черный мраморъ изъ урочища Шахъ-Максудъ, въ горахъ къ сѣверу отъ Кандагара.

По мнѣнію Ферье всѣ эти зданія нѣкогда входили въ черту города, а нынѣшній городъ былъ въ блестящую эпоху Герата только цитаделью. Нѣтъ однако никакого основанія предполагать это. О томъ, каковъ былъ Гератъ въ эпоху Тимуридовъ, мы находимъ довольно подробныя свѣдѣнія у историковъ этого времени, особенно у Исфизари. Изъ словъ Исфизари (л. 21 а) видно, что планъ города уже тогда былъ такой же, какъ и теперь: городъ былъ окруженъ валомъ съ 5 воротами, изъ которыхъ двое были на сѣверной сторонѣ; названія воротъ были тѣ-же, какъ и теперь, кромѣ южныхъ воротъ, сохранявшихъ еще то-же самое названіе, которое они носили въ X в. — Фирузабадъ; нынѣ они называются Кандагарскими. Исфизари поручилъ своимъ ученикамъ измѣрить длину стѣнъ; оказалось, что длина стѣны въ окружности — 7300 шаговъ; отъ сѣверныхъ воротъ до южныхъ было 1900 шаговъ и столько же отъ восточныхъ до западныхъ. Эти указанія вполнѣ соотвѣтствуютъ размѣрамъ нынѣшняго города, окружность котораго, по словамъ долго проживавшаго здѣсь Джона Лоджина, равняется 1 фарс. (Ферье, I, 233).

Послѣ Тимуридовъ городъ вошелъ въ составъ государства Сефевидовъ, но нѣсколько разъ былъ завоевываемъ узбеками; въ концѣ XVI в. знаменитый шахъ Аббасъ возстановилъ здѣсь господство персовъ и старался вновь поднять значеніе города. Въ XVIII и XIX вв. городъ былъ предметомъ борьбы между афганскими правителями и персидскими шахами, и

число жителей его, если вѣрить приводимымъ путешественниками цифрамъ, подвергалось большимъ колебаніямъ. По Ферье (I, 326) въ 1838 г. въ городѣ было до осады персами 70000 жителей; послѣ осады оставалось только 6000 или 7000. Энергичный правитель Герата Яръ-Мухаммедъ-ханъ (1842—1853), который и какъ человѣкъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Ферье и англійскихъ путешественниковъ, старался вновь привлечь жителей и общей амнистіею побудилъ вернуться въ Гератъ перешедшихъ во время предшествовавшихъ войнъ на сторону персовъ или англичанъ; въ 1845 г., во время посѣщенія Герата Ферье, въ немъ было уже отъ 20000 до 22000 жителей. Гродековъ, бывшій въ Гератѣ въ 1878 г., полагалъ, что число жителей доходитъ до 50000 (Костенко, II, 174). Паника, происшедшая вслѣдствіе движенія русскихъ въ 1885 г., вновь вызвала обезлюденіе города; Іетъ (Afghanistan, 29) полагалъ, что въ городѣ не осталось и 10000 жит. обоего пола. Въ 1893 г. Іетъ вторично посѣтилъ городъ; тогда, по его словамъ (Khurasan, 18), въ немъ считалось до 3000 семействъ. Городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокой земляной насыпью, на которой построенъ валъ, и пересѣкается двумя улицами, съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ; эти улицы на всемъ пространствѣ крыты деревянными брусьями; въ мѣстѣ пересѣченія улицъ помѣщается куполъ—чарсу (چهارسو); этотъ центръ и прилежащія къ нему части улицъ крыты жженымъ кирпичемъ. Дворецъ правителя (چهارباغ), находящійся близъ соборной мечети, не представляетъ ничего замѣчательнаго; вообще почти всѣ зданія города выстроены изъ глины (Іетъ, Afghanistan 29); каменныхъ зданій нѣтъ совсѣмъ, кирпичныхъ очень мало.

Ниже Герата въ долинѣ Геріруда есть еще нѣсколько селеній, причемъ въ каждомъ изъ нихъ, по сообщенію новѣйшихъ путешественниковъ, рядомъ съ обитаемыми жилищами было значительное число пустыхъ глиняныхъ построекъ, такъ что селеніе съ перваго взгляда казалось гораздо многолюднѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Упадокъ культуры здѣсь, какъ и во всемъ Бадгисѣ, былъ вызванъ набѣгами туркменъ. Въ средніе вѣка на Герирудѣ, въ разстояніи 1 перехода отъ Герата на пути къ Нишапуру, былъ городъ *Бушенгъ*, родина династіи Тахиридовъ; къ Бушенгу причислялись еще нѣкоторыя селенія. Здѣсь еще могли пользоваться водою Геріруда, который ниже становился, какъ теперь, до такой степени мелководнымъ, что даже не могъ служить для орошенія полей. Члены англійской разграничительной коммиссіи въ 1885 г. переправились черезъ Герирудъ ниже Герата, въ разстояніи не болѣе 40 в. отъ города (Proceedings, 277); рѣка раздѣлялась здѣсь на нѣсколько

протоковъ, изъ которыхъ въ то время года (въ ноябрѣ) ни одинъ не имѣлъ болѣе 2 футовъ глубины. Долина постепенно съуживается; около моста *Тирпуль*, верстахъ въ 75 отъ Герата, ширина ея не доходитъ до 1 англ. мили. Мостъ представлялъ изящную и прочную постройку, требовавшую только небольшихъ поправокъ. За Тирпулемъ долина снова расширяется не доходя до селенія Кухсанъ, находящагося на разстояніи 1 англ. мили отъ праваго берега рѣки. Кухсанъ въ 1885 г. (Іетъ, Afghanistan, 51) былъ послѣднимъ населеннымъ пунктомъ вдоль западной границы Афганистана; крѣпость находилась въ развалинахъ; уже Ферье (I, 271) въ 1845 г. нашелъ въ Кухсанѣ только 400 населенныхъ домовъ, тогда какъ развалины стараго города занимали гораздо болѣе значительное пространство. Граница между Афганистаномъ и Персіей идетъ по Герируду до урочища *Зульфикаръ*, которое едва не вызвало въ 1885 г. прекращенія переговоровъ между Россіей и Англіей и открытія враждебныхъ дѣйствій. Значеніе этого мѣста заключается въ томъ, что здѣсь открывается проходъ въ цѣпи скалистыхъ высотъ праваго берега рѣки; дальше скалы тянутся къ сѣверу безъ перерыва еще на пространство около 40 в. до моста Пул-и-Хатунъ. Іетъ (Afghanistan, 76) признаетъ, что занятіе Зульфикара было необходимо русскимъ для округленія границъ и для того, чтобы имѣть пограничный пунктъ, удовлетворяющій стратегическимъ требованіямъ и устанавливающій прямое сообщеніе между линіями наступленія вдоль Герируда и Кушка. По той-же причинѣ афганцы и англичане не могли оставить этотъ пунктъ за русскими, которымъ въ этомъ случаѣ пришлось уступить, вслѣдствіе чего для нихъ былъ закрытъ доступъ съ востока въ часть долины Герируда къ югу отъ Пул-и-Хатунъ.

Пул-и-Хатунъ представляетъ такое-же сооруженіе, какъ Тирпуль; сходство такъ велико, что англичане считали оба моста произведеніями одного мастера. Герирудъ здѣсь служитъ границей между Россіей и Персіей до города *Серахса;* Старый Серахсъ, вправо отъ Герируда, находится въ предѣлахъ Россіи, Новый Серахсъ — въ предѣлахъ Персіи. Уже въ X в. при Истахри (272) вода Герируда во время мелководія не доходила до Серахса; теперь, по словамъ бывшаго здѣсь въ 1882 г. (Кэрзонъ, Persia, I, 195) Лессара, русло рѣки обыкновенно сухо. При такихъ условіяхъ жители уже въ X в. могли орошать свои поля только дождевой водой или водой колодцевъ. Пашенъ вообще было немного; въ окрестностяхъ города преобладали пастбища; главнымъ богатствомъ жителей были верблюды. По своему положенію на главномъ пути изъ Нишапура въ Мервъ городъ имѣлъ большое торговое значеніе—

по величинѣ онъ равнялся половинѣ Мерва. Теперь, послѣ постройки Закаспійской желѣзной дороги, значеніе Серахса исключительно стратегическое. Русскій Серахсъ заключаетъ въ себѣ только 100 домовъ, персидскій — только крѣпость, построенную въ 1850 г., съ небольшимъ гарнизономъ.

Ниже Серахса Герирудъ (или какъ онъ называется въ нижней части своего теченія, Теджендъ) скоро теряется въ пескахъ; русло рѣки пересѣкается Среднеазіатской желѣзной дорогой у ст. *Теджень*, въ 118 в. отъ Мерва. Отличалась-ли рѣка когда-нибудь большимъ полноводіемъ, трудно сказать: мѣстность рѣдко посѣщалась путешественниками, и потому о рѣкѣ существовали самыя фантастическія представленія. Еще въ 1845 г. Ферье (I, 270) считалъ возможнымъ вѣрить туземному преданію, будто Герирудъ за 80 л. до его путешествія, т. е. въ XVIII в., соединялся съ Мургабомъ.

IV.

Сеистанъ, южная часть Афганистана и Бѣлуджистанъ.

Мы видѣли, что Гератъ уже въ то время, когда находился въ сторонѣ отъ сѣвернаго торговаго пути, былъ центромъ торговли съ Сеистаномъ и съ южными областями Персіи. На Герирудѣ однимъ огнепоклонникомъ былъ выстроенъ мостъ, подобнаго которому, по словамъ Макдиси (330), не было во всемъ Хорасанѣ. Въ эпоху Тимуридовъ, у Исфизари, мостъ упоминается подъ своимъ нынѣшнимъ названіемъ پل مالان, въ англійскихъ книгахъ Pul-i-Malun, у Ферье (II, 29) Peul-Malane. Въ XIX в. мостъ былъ исправленъ Яръ-Мухаммедомъ. По мнѣнію Ферье такой мостъ въ Европѣ былъ-бы очень обыкновеннымъ явленіемъ, но въ Афганистанѣ онъ возбуждалъ всеобщее удивленіе; онъ былъ выстроенъ изъ жженаго кирпича и раздѣлялся на 26 арокъ; была также выстроена дамба изъ песку для предохраненія моста отъ наводненій.

Въ X в. сады тянулись къ югу отъ Герата еще на 1 фарсахъ; въ 3-хъ дняхъ пути отъ города находился причислявшійся къ Гератской области округъ *Исфизаръ*, превосходно обработанный, съ четырьмя небольшими городами, изъ которыхъ названіе одного, *Адрескена*, сохранилось и теперь въ названіи селенія Адрескендъ, въ двухъ переходахъ отъ Герата; то же самое названіе носитъ въ верхней части своего теченія рѣчка Харудъ, орошающая этотъ округъ и текущая на юго-западъ въ оз. Хамунъ. Весь округъ, занимавшій пространство въ 3 перехода, былъ обработанъ, безплодныхъ пространствъ не было вовсе. Городъ Исфизаръ находился на разстояніи 1 перехода къ югу отъ Адрескенда; названіе его встрѣчается также въ сокращенной формѣ Себзеваръ или Себзаръ. При Тимурѣ въ 1383 г. городъ подвергся еще болѣе страшному погрому, чѣмъ Гератъ, такъ какъ жители возстали противъ Тимура и убили его намѣстника. Послѣ взятія города по приказанію Тимура была выстроена башня изъ 2000 живыхъ людей, которыхъ связали, положили другъ на

друга и покрыли землей и кусками кирпича (Шереф-ад-динъ, I, 360). Въ противоположность Герату Исфизаръ не оправился при преемникахъ Тимура, вслѣдствіе продолжавшихся возстаній и вызванныхъ ими военныхъ экзекуцій. Упомянутый историкъ Муин-ад-динъ Исфизари, при описаніи своей родины, говоритъ только о развалинахъ городовъ и обширныхъ крѣпостей. Въ XIX в. мѣстность страдала, по словамъ Ферье (II, 37), отъ войнъ, происходившихъ между гератскими и кандагарскими владѣтелями; только развалины и высохшіе каналы свидѣтельствовали о быломъ процвѣтаніи, эпоха котораго относится, быть можетъ, ко времени царствованія шаха Аббаса, т. е. къ концу XVI и началу XVII вв.; Аббасу, отнявшему Гератъ у узбековъ и возстановившему здѣсь свою власть, приписываютъ постройку ряда каравансараевъ къ югу отъ Герата на пути въ Кандагаръ. Среди развалинъ, описанныхъ у Ферье (II, 363), упоминается большая крѣпость Саба, на разстояніи получаса пути отъ Исфизара, построенная на горѣ; мѣстные жители приписывали ея постройку Александру Македонскому. Тѣ-же развалины описаны у Исфизари (л. 19 b и сл.), который называетъ эту крѣпость Музаффаръ-кухъ. Изъ его описанія, въ которомъ упоминается соборная мечеть, видно, что крѣпость была населена еще въ мусульманское время. Строителемъ ея при Исфизари называли какого-то Алпъ-Гази.

На всемъ пути приходится переходить черезъ горныя цѣпи, не представляющія затрудненія для движенія. Дорога вела въ область Седжестанъ или *Сеистанъ*, занимавшую въ средніе вѣка гораздо болѣе значительное пространство, чѣмъ нынѣшняя область, раздѣленная по договору 1872 г. между Персіей и Афганистаномъ. Географы X в. заставляютъ Седжестанъ непосредственно граничить съ гератской областью, но границы указываются нѣсколько противорѣчиво; Истахри въ одномъ мѣстѣ (282) относитъ с. Дере (въ 2 переходахъ къ югу отъ Исфизара) къ гератской области, а въ другомъ (249) причисляетъ къ Седжестану не только с. Дере, но и находившееся на 1 переходъ сѣвернѣе с. Кустанъ. Во всякомъ случаѣ къ Седжестану уже причислялся въ то время городъ *Фарахъ*, находившійся на одинъ переходъ южнѣе Дере и сохранившій свое названіе до сихъ поръ; жители Фараха, по словамъ Ферье, теперь отказываются причислять свой городъ къ Сеистану. При Тимурѣ въ Фарахѣ былъ особый владѣтель, который въ 1383 г. добровольно подчинился завоевателю. Фарахъ находится на лѣвомъ, южномъ берегу рѣки Фарахъ-рудъ. Въ X в. городъ находился на обоихъ берегахъ рѣки. Самымъ древнимъ Фарахомъ Ферье (II, 278) считаетъ развалины на югъ отъ рѣки, на разстояніи получаса отъ нынѣшняго города, въ ущельѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ горами. Этотъ городъ, по мнѣнію Ферье,

былъ построенъ задолго до похода Александра Великаго, но доказательствъ въ пользу своего мнѣнія онъ не приводитъ. Городъ Фра упоминается у Исидора Харакскаго въ I в. до Р. Хр., но о мѣстоположеніи его онъ не даетъ болѣе точныхъ указаній. Существующій теперь городъ построенъ по тому-же типу какъ Гератъ, которому значительно уступаетъ по величинѣ, и также окруженъ высокой насыпью.

Нынѣшній Сеистанъ раздѣляется на три части, которыя, по описанію Кэрзона (I, 226), въ зависимости отъ времени года и количества воды, обращаются попеременно въ озеро, болото или твердую землю. Рѣки Харудъ-рудъ, Фарахъ-рудъ, Хашъ-рудъ и Хильмендъ образуютъ два озера или болота, Хамун-и-Фарахъ (мѣсто впаденія двухъ первыхъ) и Хамун-и-Севаранъ (мѣсто впаденія двухъ другихъ). Пространство между этими озерами носитъ названіе *Нейзаръ* и покрыто густыми зарослями тростника; во время половодья озера соединяются и затопляютъ Нейзаръ; при дальнѣйшемъ подъемѣ воды она затопляетъ всю равнину Хамунъ, простирающуюся дальше на югъ; рѣдко случается, что весь Хамунъ оказывается затопленнымъ, и вода затопляетъ третью впадину, Зерехъ. Послѣднее, какъ слышали члены англійской разграничительной коммиссіи въ 1885 г., не произошло на памяти современныхъ обитателей, и вообще гораздо чаще можно было видѣть русла всѣхъ рѣкъ высохшими, чѣмъ всѣ водоемы наполненными. Вслѣдствіе такой зависимости характера страны отъ большаго или меньшаго количества дождей область подвергалась частымъ измѣненіямъ: озера то наполнялись водой, то мелѣли или даже исчезали совершенно, рѣки мѣняли направленіе; иногда, какъ это бываетъ и въ другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи, главный рукавъ рѣки направлялся по искусственному каналу, который въ такихъ случаяхъ быстро принималъ видъ естественнаго русла. Илъ, приносимый рѣками, дѣлалъ область необыкновенно плодородной, но частыя наводненія заставляли жителей покидать города и селенія и строить новые; по мнѣнію Кэрзона, нигдѣ нельзя найти на такомъ незначительномъ пространствѣ столько развалинъ городовъ и деревень. Географы X в. говорили только объ одномъ озерѣ Зерехъ (Aria palus классическихъ писателей), которое занимало пространство въ 30 ф. длиной и въ 4—8 ф. (одинъ переходъ, Истахри, 243) шириной. Въ это озеро впадали всѣ четыре вышеупомянутыя рѣки. Величина озера уже тогда подвергалась періодическимъ колебаніямъ.

Самой плодородной частью области теперь является мѣстность между Хамуномъ и лѣвымъ берегомъ Хильменда, гдѣ теперь находятся главные города области, *Секухе* и *Нусретабадъ* (или Насирабадъ). Въ средніе вѣка

Зереджъ, главный городъ Седжестана, находился по правую сторону Хильменда; въ названіи этого города сохранилось названіе области Дрангіаны и названіе народа Σαράγγαι. Развалины Зереджа расположены между городомъ *Надали* и селеніемъ Захиданъ-Джеханабадъ (Томашекъ, Persien, II, 207 и Іетъ, Khurasan. 113). Названіе Седжестанъ, какъ извѣстно, произошло отъ слова Сакистанъ, страна саковъ, у Исидора Харакскаго Σακαστηνή; Исидоръ отожествляетъ эту область не съ Дрангіаной, а съ Паретакеной (между Дрангіаной и Арахосіей или Бѣлой Индіей). Изъ этого видно, что саки первоначально занимали только южную часть нынѣшняго Сеистана. Для обозначенія туземнаго населенія Сеистана, въ отличіе отъ белуджей и другого пришлаго элемента, теперь употребляется терминъ *сеистани*, въ средніе вѣка встрѣчается еще терминъ *секези*. По Ролинсону (Кэрзонъ, I, 232) сеистанцы — „персы чистѣйшаго арійскаго типа“ и даже вмѣстѣ съ гератскими джемшидами могутъ считаться единственными представителями древне-арійской расы въ Персіи; они лучше другихъ сохранили языкъ и типъ періода Ахеменидовъ.

Страна отличается плодородіемъ и теплымъ климатомъ, несмотря на сильные вѣтры, о которыхъ упоминаетъ еще Истахри (242) и которыми въ его время пользовались для устройства вѣтряныхъ мельницъ. По словамъ участника англійской разграничительной коммиссіи Хольдича (Proceedings, 162), с—з. вѣтеръ дуетъ въ Сеистанѣ въ ноябрѣ съ такой силой, что въ сравненіи съ нимъ дующій въ Англіи NO можетъ быть названъ легкимъ зефиромъ. Вѣтеръ поднималъ песокъ, близость котораго представляла постоянную опасность для культурныхъ земель; при Истахри (242) жители противъ распространенія песковъ прибѣгали къ постройкѣ деревянныхъ оградъ. Замѣчательна еще особенность построекъ столицы Седжестана, на которую указываетъ Истахри (241): при постройкѣ не употреблялись, какъ въ другихъ городахъ Средней Азіи, деревянныя рамы или каркасы, но дома строились прямо изъ глины ввидѣ аркообразныхъ сводовъ; дерево не могло употребляться потому, что подтачивалось червями и быстро гнило. По описанію Ферье (II, 317) теперь дома въ Сеистанѣ строятся изъ тростника и вѣтвей тамариска, покрытыхъ густымъ слоемъ глины, т. е. не отличаются отъ обычнаго въ Средней Азіи типа построекъ.

Хильмендъ, главная рѣка области, уже и тогда не отличался многоводностью, хотя Ферье (II, 339) называетъ его настоящей рѣкой, единственной на всемъ пространствѣ между Тигромъ и Индомъ, и увѣренъ въ томъ, что если бы рѣка принадлежала европейцамъ, по ней ходили бы пароходы.

При Истахри (243) суда между Бустомъ (нынѣ Кала-и-Бистъ) и Зереджемъ, къ которому былъ проведенъ каналъ Сенарудъ, могли ходить только въ половодье. Въ разстояніи одного перехода отъ Зереджа, выше города, находилась плотина, гдѣ были проведены каналы изъ Хильменда; можетъ быть это та же плотина, которая часто упоминается въ средніе вѣка подъ названіемъ Бенд-и-Рустемъ и приписывается этому легендарному герою, происходившему, какъ извѣстно, изъ Седжестана; повидимому, это преданіе указываетъ на домусульманское происхожденіе плотины. Плотина въ 1383 г. была разрушена Тимуромъ и впослѣдствіи еще разъ Шахрухомъ; теперь въ урочищѣ Кухекъ есть плотина изъ вѣтвей тамарикса, кольевъ и глины, построенная для отведенія воды въ каналъ, проведенный къ Секухе.

Въ первые вѣка ислама Седжестанъ былъ убѣжищемъ хариджитовъ, откуда производились ихъ возстанія и совершались ихъ набѣги на сосѣдніе хорасанскіе города. Въ борьбѣ съ хариджитами, кромѣ регулярныхъ войскъ, принимали участіе добровольцы, т. наз. борцы за вѣру, الـطوّعة — классъ, который естественно пополнялся людьми, не нашедшими себѣ подходящихъ занятій или неспособными къ трудовой жизни. Изъ среды этого класса вышла династія Саффаридовъ; основатель этой династіи Яʿкубъ выдвинулся, благодаря своимъ достоинствамъ, въ одномъ изъ такихъ отрядовъ, сдѣлался его начальникомъ, побѣдилъ хариджитовъ или привлекъ ихъ на свою сторону, устранилъ туземную династію и сдѣлался полнымъ властителемъ Седжестана. Послѣ этого Яʿкубъ постепенно завоевалъ остальныя области нынѣшняго Афганистана, южныя области Персіи и Хорасанъ. Съ 873 до 900 г. Яʿкубъ и послѣ него братъ его Амръ были самыми могущественными государями въ восточной части мусульманскаго міра, но, какъ видно изъ словъ Истахри (241) о постройкахъ, воздвигнутыхъ въ Зереджѣ Яʿкубомъ и Амромъ, не забывали своей родины. Дѣятельностью Саффаридовъ, можетъ быть, объясняется существованіе тѣхъ мостовъ и другихъ сооруженій, о которыхъ говорятъ географы X в. На Хильмендѣ недалеко отъ Буста (нынѣ Кала-и-Бистъ) былъ мостъ изъ судовъ (Макдиси, 304); мостъ на Хильмендѣ упоминается и на пути изъ Зереджа на сѣверъ, черезъ гор. *Джувейнъ*, сохранившій свое названіе и донынѣ, и Фарахъ (Истахри, 248); наконецъ былъ кирпичный мостъ черезъ Хашъ-рудъ, на пути изъ Зереджа въ Бустъ (Истахри, 249). Изъ развалинъ по обширности выдаются развалины *Пишаверанъ* непосредственно къ сѣв. отъ Нейзара. Замѣчательна еще крѣпость *Такъ*, находившаяся на разстояніи одного перехода къ югу отъ Зереджа и упоминаемая еще у путешественника XIX в. Коноллн. Такъ у географовъ X в. названъ только въ качествѣ небольшого

города, но уже въ XI в. былъ сильною крѣпостью, которую Газневидъ Махмудъ взялъ въ 1003 г. только съ большимъ трудомъ. Крѣпость была окружена семью рядами стѣнъ и глубокимъ рвомъ, черезъ который можно было перейти только по подъемному мосту (Утби, л. 72).

Могущество вышедшей изъ Седжестана династіи Саффаридовъ было непродолжительно, но оставило по себѣ глубокій слѣдъ въ памяти населенія; всѣ послѣдующіе владѣтели, вплоть до новѣйшаго времени, называли себя потомками Я'куба, Амра или ихъ братьевъ и пользовались ихъ именами, чтобы привлечь на свою сторону населеніе. Подъ властью такихъ династій область, за исключеніемъ кратковременныхъ перерывовъ, оставалась во все продолженіе среднихъ вѣковъ и вплоть до сего времени; династія Саффаридовъ въ лицѣ своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ представителей пережила какъ монгольское завоеваніе, такъ и эпоху Тимура. Монголы опустошили область въ 1222 г. и окончательно завоевали ее въ 1229 г., но сохранили мѣстную династію; также поступилъ въ 1383 г. Тимуръ. Подобно Исфизару Седжестанъ, вслѣдствіе частыхъ возстаній мѣстныхъ правителей, опиравшихся на преданное имъ населеніе, не могъ оправиться при преемникахъ Тимура. Съ XVI в. мѣстные правители были вассалами Сефевидовъ, потомъ Надиръ-шаха, во второй половинѣ XVIII в. вассалами Афганистана; въ XIX в. Сеистанъ былъ предметомъ спора между гератскими и кандагарскими владѣтелями. Въ 1846 г., при Ферье, границей между тѣми и другими считался Хашъ-рудъ. Послѣ объединенія Афганистана Достъ-Мухаммедомъ, умершимъ въ 1863 г., изъ-за Сеистана происходили войны между Персіей и Афганистаномъ; разграниченіе произвела въ 1872 г. англійская коммиссія съ ген. Гольдсмидомъ во главѣ, причемъ персы получили лучшую часть области до Хильменда.

Главный путь изъ Герата въ Индію теперь идетъ отъ Фараха черезъ области *Баква* и *Заминдаверъ*; послѣдняя уже въ X в. имѣла значеніе какъ пограничная съ владѣніями гурцевъ и другихъ независимыхъ народовъ, среди которыхъ упоминаются турки-халаджи; чтеніе этого народнаго названія (خلج) основано на этимологіяхъ, приводимыхъ Рашид-ад-диномъ и нѣкоторыми тюркскими авторами (Радловъ, Уйгуры, 26, 35, 51); въ Индіи, гдѣ изъ этого народа вышла одна изъ династій, это этнографическое названіе произносили خِلْج; хильджіи впослѣдствіи приняли афганскій языкъ и слились съ афганцами, среди которыхъ они теперь составляютъ самое многочисленное племя (по мнѣнію Маркварта, 251—253, слѣдуетъ читать خُولَج). Въ Заминдаверѣ содержались посты

противъ набѣговъ гурцевъ; отсюда же предпринималъ свои походы на Гуръ Махмудъ Газневидъ (Бейхаки, 123). До сихъ поръ жители Заминдавера извѣстны своей воинственностью и фанатизмомъ.

Въ X в. главный торговый путь проходилъ южнѣе, черезъ *Бустъ*, который былъ однимъ изъ складочныхъ мѣстъ на пути въ Индію. Менѣе данныхъ мы имѣемъ о среднемъ теченіи Хильменда, между Бустомъ и Зереджемъ. По теченію этой рѣки отъ Ходжа-Али до Хамуна проѣхали въ 1885 г. нѣкоторые члены англійской разграничительной коммиссіи; по ихъ словамъ (Proceedings, 161) все пространство между пунктами *Ланди* и *Кала-и-Фатхъ* покрыто развалинами крѣпостей, селеній и остатками древнихъ ирригаціонныхъ каналовъ. Крѣпость Кала-и-Фатхъ по преданію считается столицей династіи Кеянидовъ, воспѣтыхъ въ Шахнамэ. Только одно селеніе, *Рудбаръ*, упоминается уже въ разсказѣ объ арабскомъ завоеваніи (Белазури, 434) подъ своимъ нынѣшнимъ названіемъ. Мѣстность извѣстна подъ названіемъ *Гармсиръ* (теплая страна). По словамъ Кэрзона, ни одна изъ областей Афганистана не пострадала столько отъ человѣческихъ страстей, какъ Гармсиръ. Кэрзонъ приводитъ слова другого изслѣдователя, Белью, который съ восторгомъ отзывается о плодородіи почвы и обиліи воды и говоритъ, что требуется только установленіе сильной и справедливой власти для того, чтобы вернуть странѣ ея былое процвѣтаніе и обратить въ сплошной садъ весь берегъ рѣки до самаго Сеистана.

Около Буста въ Хильмендъ впадаетъ Аргендабъ. Мѣстность по Аргендабу и его притокамъ, древняя *Арахосія*, всегда имѣла важное торговое и стратегическое значеніе; здѣсь соединяются двѣ дороги изъ западной Азіи въ Индію: дорога на сѣв.-вост. въ сѣв. часть Пенджаба и дорога на юго-вост. въ Мультанъ и къ устью Инда. Въ X в. область носила названіе الرخج (иногда الرخذ), очевидно тожественное съ тѣмъ древнимъ названіемъ (по мнѣнію Маркварта, 37 Harachwat), которое греки передѣлали въ Арахосію. Стратегическое положеніе кр. *Гиришкъ*, защищающей переправу черезъ Хильмендъ на пути изъ Кандагара въ Гератъ, и самого Кандагара заставляетъ думать, что города въ этихъ мѣстахъ существовали съ незапамятныхъ временъ, но самыя названія этихъ городовъ появляются гораздо позже. На мѣстѣ Гиришка въ X в. былъ городъ *Фирузвандъ*, первая станція на пути изъ Буста въ Заминдаверъ и въ Газну (Истахри, 248, 250; ср. Марквартъ, 255, 280); названіе Кандагаръ не встрѣчается у главныхъ географовъ X в., которые понимаютъ подъ Кандагаромъ только обл. Гандхару на Индѣ, около

устья Кабула; только немногіе авторы, какъ Белазури, Я'куби и Мас'уди, упоминаютъ о городѣ Кандагарѣ подъ его нынѣшнимъ названіемъ (Марквартъ, 270, 272). Географы X в. называютъ въ качествѣ главныхъ городовъ Руххаджа Пенджевай и Тегинабадъ, на разстояніи одного перехода отъ Пенджевая на дорогѣ въ Газну. *Тегинабадъ* имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи Газневидовъ, какъ сильная крѣпость, и, по мнѣнію Андерсона, соотвѣтствуетъ по мѣстоположенію Кандагару. *Кандагаръ* до XVIII в. находился на полпути между нынѣшнимъ городомъ и берегомъ Аргендаба, среди высокихъ и крутыхъ скалъ, на трехъ террасахъ, возвышающихся одна надъ другой. Надиръ-шахъ сдѣлалъ попытку перенести городъ на нѣкоторое разстояніе къ западу, но основанный имъ *Надирабадъ* также скоро былъ разрушенъ; новый городъ былъ построенъ основателемъ афганскаго государства, Ахмедъ-шахомъ, и по плану не отличается отъ Герата. Находясь среди равнины и окруженный высотами, городъ по стратегическому значенію не можетъ сравниться со старымъ Кандагаромъ.

Отъ Пенджевая въ X в. шла дорога на с.-в. въ Газну и на ю.-в. въ сѣв.-вост. часть нынѣшняго Белуджистана. Прямая торговая дорога изъ Сеистана въ Белуджистанъ черезъ Гармсиръ, которая, судя по сохранившимся въ Гармсирѣ развалинамъ, существовала нѣкоторое время и которую теперь съ успѣхомъ стараются возстановить англичане, въ X в. не упоминается. Географы X в. знаютъ только дорогу изъ Буста въ Пенджевай и оттуда въ область *Балисъ*, съ городами Исфенджай и Сиви, нынѣ *Сиби* (Истахри, 244, 252). Сѣв.-в. часть Белуджистана въ то время носила названіе *Туранъ*; главнымъ городомъ ея былъ *Кусдаръ*, существующій и теперь подъ тѣмъ же названіемъ. Въ настоящее время Кусдаръ — столица небольшого белуджистанскаго ханства *Джалаванъ*, подчиненнаго главному городу всей страны, Келату; въ X в. Кусдаръ, повидимому, имѣлъ такое же значеніе, какъ теперь Келатъ; владѣтель Кусдара не признавалъ надъ собой никакой власти, кромѣ власти халифа; въ XI в. султану Махмуду приходилось вести съ Кусдаромъ упорныя войны. Значеніе Кусдара, вѣроятно, основывалось на томъ, что здѣсь съ путемъ въ Индію соединялся путь изъ западной Персіи черезъ южную часть Кермана и городъ *Джалкъ*, существующій и теперь, на границѣ между Персіей и Белуджистаномъ; ежегодный доходъ отъ торговыхъ пошлинъ, взимавшихся въ Кусдарѣ, достигалъ милліона диргемовъ (Макдиси, 485). Въ составъ области Туранъ входилъ также г. *Кандабиль* на пути изъ Балиса въ Кусдаръ, нынѣ *Гандава*, центръ самой плодородной мѣстности въ Белуджистанѣ, вообще отличающемся каменистой и песчаной почвой; хан-

ство *Кучъ-Гандава* представляетъ исключеніе и, по словамъ англійскихъ изслѣдователей, если бы было хорошо обработано, могло бы прокормить весь Белуджистанъ. Въ Кандабиль приходили для торговли люди кочевого языческаго народа البدهة (Истахри, 176); подъ этимъ названіемъ, очевидно, слѣдуетъ понимать брахуевъ (можетъ быть, слѣдуетъ читать البرهة). *Брахуи* съ XVII в. отняли господство у белуджей и теперь являются господствующимъ народомъ въ Белуджистанѣ, хотя белуджи раздѣляютъ съ ними свободу отъ податей, взимающихся только съ осѣдлыхъ переселенцевъ изъ Афганистана и Индіи. Въ X в. этотъ народъ занимался преимущественно разведеніемъ верблюдовъ и доставлялъ самцовъ-производителей даже для Хорасана и Фарса. На берегу Белуджистана есть нѣсколько бухтъ, до нѣкоторой степени замѣняющихъ гавани; въ эпоху арабскихъ географовъ эти бухты не имѣли торговаго значенія, и вся торговля направлялась къ гавани *Дейбуль*, находившейся къ западу отъ устья Инда (нынѣ Лар-и-Бендеръ).

Гораздо больше значенія въ исторіи, чѣмъ Белуджистанъ, имѣетъ юго-восточная часть Афганистана, ядро, изъ котораго образовалось современное афганское государство. Изъ Пенджевая шла дорога въ *Газну* и *Кабулъ*; тотъ и другой городъ были складочными мѣстами индійскихъ товаровъ. Политическое положеніе страны въ до-мусульманское время не совсѣмъ ясно; одни и тѣ-же географы въ одномъ мѣстѣ относятъ Газну къ областямъ, зависѣвшимъ отъ Седжестана, въ другомъ къ области, принадлежавшей баміанскому владѣтелю (ср. Истахри, 239 и 280). Во всякомъ случаѣ и въ Кабулѣ, и въ Газнѣ были особые мѣстные правители, причемъ правитель Кабула носилъ титулъ Кабулъ-шаха.

Арабскіе завоеватели никогда не могли завоевать страну за Гиндукушемъ и только взимали дань съ Кабулъ-шаха и другихъ владѣтелей; страна была прочно присоединена къ мусульманскимъ владѣніямъ только въ IX в. основателемъ династіи Саффаридовъ Я'кубомъ; при этомъ упоминается особый мусульманскій правитель въ *Гардизѣ* (Гардизи, л. 84b), въ разстояніи 1 перехода отъ Газны на пути въ Индію (Макдиси, 349). Послѣ паденія Саффаридовъ въ Газнѣ и Кабулѣ снова были мѣстные правители. Въ X в. саманидскій военачальникъ Алпъ-тегинъ, поссорившись со своимъ государемъ, перешелъ за Гиндукушъ, завоевалъ Газну и положилъ начало династіи Газневидовъ. Какъ извѣстно, въ царствованіе Махмуда (998—1030) Газна была столицей обширнаго государства и однимъ изъ центровъ наукъ и искусствъ; развалины этого города находятся верстахъ въ 25 къ сѣверу отъ современной Газны. Благосостояніе города было разрушено цѣлымъ рядомъ погромовъ; первый и самый сильный ударъ

нанесли ему гурцы въ 1148 г. подъ начальствомъ Ала-ад-дина Хусейна, получившаго за разрушеніе Газны прозвище „Джехансузъ“. Чингизъ-ханъ въ 1221 г. подвергъ жителей Газны поголовному избіенію, за исключеніемъ ремесленниковъ, которые были уведены въ плѣнъ (Туркестанъ, 480). Наконецъ, въ 1326 г. городъ былъ разрушенъ персидскими монголами, разбившими войско джагатайскаго хана Тармаширина; при этомъ была разрушена гробница Махмуда, жившіе при гробницѣ уведены въ плѣнъ, рукописи корана и другія книги сожжены или изорваны (продолжатель Рашид-ад-дина, л. 508). Нынѣшняя Газна, хотя насчитываетъ всего около 10000 жителей, сохраняетъ нѣкоторое торговое значеніе, благодаря своему положенію на караванномъ пути въ Индію. Рѣчки, на которыхъ стояли Газна и Гардизъ, впадаютъ въ озеро Аб-и-Истадэ, послѣдній внутренній бассейнъ на пути къ системѣ Инда.

Горная страна между Индомъ и бассейнами Хильменда и Аб-и-Истадэ извѣстна подъ названіемъ Сулеймановыхъ горъ; пограничныя цѣпи этой страны носятъ у англичанъ названіе Восточныхъ и Западныхъ Сулеймановыхъ горъ. Эты горы еще въ до-историческія времена былы населены *афганцами,* народомъ иранскаго племени. Сами афганцы называютъ себя *пухтунъ* или *пуштунъ*, множ. ч. *пуштана* или *пухтана*, *пактіи* Геродота. Происхожденіе названія афганъ неизвѣстно; впервые оно встрѣчается у историка XI в. Утби въ разсказѣ о походѣ на афганцевъ Махмуда Газневидскаго. Въ своей почти недоступной горной странѣ афганцы долго противились какъ политическому господству мусульманскихъ владѣтелей, такъ и культурному вліянію ислама; еще въ концѣ XIV в. въ эпоху походовъ Тимура афганцы были большею частью язычниками. Завоеваніе низовьевъ Инда до Мультана было произведено арабами съ юга, а горная страна между Кабуломъ и Газной съ одной стороны и берегами Инда съ другой оставалась непокоренной. Насколько разбои горцевъ затрудняли торговыя сношенія между этими странами, видно изъ того, что, по разсказу Макдиси (486), путь изъ Газны въ Мультанъ иногда совершался въ три мѣсяца. Махмудъ первый сталъ совершать походы на Индію съ запада и прочно занялъ Пенджабъ; тѣмъ не менѣе афганцы при Газневидахъ и при слѣдующей династіи— Гуридахъ сохраняли свою независимость. Послѣ разрушенія монголами Газны афганцы безпрепятственно могли вторгаться въ сосѣднія культурныя области. Путешественникъ XIV в. Ибнъ-Батута уже говоритъ объ афганцахъ въ Кабулѣ; кромѣ бассейна Кабулъ-дарьи они постепенно стали селиться также въ бассейнѣ Хильменда. Въ XIV в. уже начинаетъ встрѣчаться для обозначенія страны афганцевъ терминъ *Афганистанъ.*

По мѣрѣ разселенія афганцевъ они должны были смѣшиваться съ иноплеменными народами, принявшими потомъ языкъ большинства; къ числу такихъ народовъ принадлежатъ уже упомянутые (см. выше стр. 49) турки—*хильджіи* (Аристовъ, Англо-индійскій Кавказъ, стр. 25). Кандагаръ, Кабулъ и Газна вошли въ составъ государства Тимура и Тимуридовъ; изъ Кабула Бабуръ совершилъ свой походъ на Индію, приведшій къ основанію государства „великихъ моголовъ". Въ XVI в. Кандагаръ вошелъ въ составъ персидскаго государства Сефевидовъ, но иногда переходилъ во власть великихъ моголовъ. Упадкомъ обоихъ государствъ воспользовались въ началѣ XVIII в. афганцы и возвысились такъ-же быстро, какъ горцы Гура въ XII в. Въ 1709 г. предводитель *хильджіевъ* Миръ-Вейсъ овладѣлъ Кандагаромъ; въ 1722 г. его сынъ Махмудъ даже завоевалъ Персію и сдѣлался персидскимъ шахомъ. Уже въ 1729 г. племянникъ Махмуда Ашрафъ былъ изгнанъ изъ Персіи Надиръ-шахомъ, успѣхи котораго на нѣкоторое время остановили возвышеніе афганцевъ. Надиръ-шахъ снова покорилъ Афганистанъ и разгромилъ Индію; предводителями своихъ афганскихъ войскъ онъ, чтобы подорвать значеніе хильджіевъ, назначалъ старшинъ другого афганскаго племени, *абдаліевъ*. Послѣ смерти Надиръ-шаха въ 1747 г. предводитель абдаліевъ Ахмедъ отложился отъ персовъ, овладѣлъ Кандагаромъ и положилъ начало независимому государству. Ахмедъ-шахъ умеръ въ Кандагарѣ въ 1773 г.; его гробница до сихъ поръ остается самымъ великолѣпнымъ сооруженіемъ въ этомъ городѣ. Преемникъ Ахмеда Тимуръ-шахъ (1773—1793) перенесъ столицу въ Кабулъ, остающійся и теперь главнымъ городомъ Афганистана. Границы государства подвергались частымъ измѣненіямъ; нѣкоторое время въ составъ его входили Кашмиръ, часть Пенджаба и Синдъ. Но господство афганцевъ въ Индіи было непродолжительно; въ составъ современнаго Афганистана не входитъ даже родина афганцевъ, страна, въ которой и теперь живетъ бо́льшая часть афганскаго народа. По мнѣнію русскаго изслѣдователя Аристова (Англо-Индійскій Кавказъ, стр. 50), всѣхъ афганцевъ отъ $4^1/_2$ до 5 милліоновъ, изъ нихъ во владѣніяхъ эмира только около 2 милліоновъ. Жители Сулеймановыхъ горъ номинально подчинены „контролю" Англіи; дѣйствительное подчиненіе этихъ горцевъ, къ которому стремятся англичане, обойдется послѣднимъ, по мнѣнію Аристова, еще дороже, чѣмъ обошлось покореніе Кавказа русскимъ.

Горная область, составляющая центральную часть Афганистана, населена преимущественно народами не афганскаго происхожденія. Мы видѣли, что въ средніе вѣка изъ области Гуръ вышла могущественная

династія Гуридовъ, принимавшая выдающееся участіе въ историческихъ событіяхъ. Отъ гурцевъ, можетъ быть, ведутъ свое происхожденіе нѣсколько кочевыхъ народовъ, извѣстныхъ, несмотря на свое арійское происхожденіе и иранскій языкъ, подъ общимъ турецкимъ названіемъ *Аймакъ* (собств. Уймакъ—родъ, племя). Эти кочевники какъ по нравамъ, такъ и по діалекту рѣзко отличаются отъ осѣдлыхъ жителей культурныхъ областей, такъ называемыхъ *парсиванов* (собств. پارسی زبان, говорящій по персидски). Аймаки раздѣляются на цѣлый рядъ отдѣльныхъ народцевъ, названія которыхъ — *джемшиды, теймени* и др. не встрѣчаются въ средневѣковыхъ литературныхъ памятникахъ; исторія Афганистана такъ мало изслѣдована, что сказать, когда эти народы впервые появляются въ исторіи, нѣтъ возможности. По обоимъ склонамъ хребта Тирбенд-и-Туркестанъ и въ долинѣ Геріруда живетъ народъ *фирузкухи*, но это названіе, какъ утверждаютъ, происходитъ не отъ названія средневѣковой столицы Гура, а отъ названія сильной крѣпости Фирузкухъ въ Персіи, на границѣ Мазандерана; крѣпость была взята Тимуромъ въ 1404 г., и весь гарнизонъ ея переселенъ въ Гератъ. Иранцами по языку, но монголами по происхожденію являются т. наз. *хезарейцы*, теперь самый многочисленный и могущественный народъ этой страны, живущій какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ главныхъ хребтовъ. Названіе хезарейцевъ происходитъ отъ персидскаго слова هزاره (тысяча), которое часто употребляется въ арабскомъ множественномъ числѣ هزارجات. Этимъ терминомъ персы обозначали одно изъ главныхъ дѣленій монгольскаго войска, и терминъ, повидимому, былъ принятъ самими монголами. Покореніе горной страны и взятіе сильныхъ гурскихъ крѣпостей стоило монголамъ большихъ трудовъ; послѣ окончательнаго завоеванія въ странѣ были оставлены монгольскіе отряды, постепенно принимавшіе языкъ побѣжденныхъ. Къ нимъ, по всей вѣроятности, присоединились впослѣдствіи другіе монгольскіе отряды, поселившіеся здѣсь и называвшіеся по именамъ своихъ предводителей; изъ нихъ въ исторіи особенно часто упоминаются *никудерійцы*, прибывшіе сюда въ XIII в. и первоначально составлявшіе отрядъ джагатайскаго царевича Никудера; Никудеръ состоялъ на службѣ у Хулагу, завоевателя Персіи, но потомъ измѣнилъ ему. Въ XVI в., при Бабурѣ (161), часть хезарейцевъ и никудерійцевъ, жившихъ въ горахъ къ западу отъ Кабула, говорила по монгольски. Въ мѣстности между Гератомъ и Кандагаромъ, повидимому, и теперь есть племя, сохранившее монгольскій языкъ. Въ 1838 г. лейтенантъ Личъ напечаталъ въ журналѣ Бенгальскаго Азіатскаго общества словарь языка этого племени; что этотъ діалектъ какъ по лексическому составу, такъ

и по грамматическому строю принадлежитъ къ числу монгольскихъ, доказалъ Габеленцъ. Въ верховьяхъ Мургаба также живетъ племя, называющее себя монголами, но говорящее по-персидски; у своихъ сосѣдей представители этого племени, по словамъ Ферье (I, 431), извѣстны подъ названіемъ *сехерахи* (отъ арабскаго صحارا, множ. числа отъ صحراء — степь, пустыня). Уже Тимуру и Тимуридамъ приходилось совершать походы противъ хезарейцевъ. Въ половинѣ XIX в., во время путешествія Ферье, хезарейцы были фактически совершенно независимы и подчинялись только своимъ собственнымъ предводителямъ или сердарамъ, хотя и были попытки со стороны афганскихъ владѣтелей покорить ихъ, особенно со стороны Яръ-Мухаммеда гератскаго.

Совершенно особое положеніе занимаютъ горцы Гиндукуша, еще и до сихъ поръ не вполнѣ подчинившіеся вліянію ислама. Мы видѣли, что въ X в. главные пути черезъ Гиндукушъ вели въ долину Пенджшира, одного изъ притоковъ Кабула; кромѣ того упоминается путь изъ Бадахшана „въ Тибетъ“, т. е. въ населенныя тибетцами верховья Инда, гдѣ теперь находятся подчиненныя англичанамъ владѣнія Гильгитъ, Канджутъ и Ладакъ. По этимъ путямъ постепенно распространялось вліяніе ислама; но обширная горная страна, расположенная между обѣими дорогами, оставалась внѣ сферы этого вліянія. Даже нынѣшнее мусульманское владѣніе Читраръ *(Читраль)*, правители котораго носили иранскій титулъ мехтеровъ и которое въ 1895 г. было завоевано англичанами, окончательно сдѣлалось мусульманскимъ въ сравнительно недавнее время. Еще Бабуръ, писавшій въ началѣ XVI в., причисляетъ *Катуръ*, т. е. Читраль, къ Кафиристану. Названіе چترار встрѣчается въ XVII в. у Махмуда б. Вели (л. 276 b); владѣтель Читраля Шахъ-Бабуръ выразилъ покорность бухарскому хану Имамъ-Кули. Въ Читралѣ, какъ въ средніе вѣка въ Гурѣ, каждая деревня представляла собою небольшое укрѣпленіе; владѣльцы деревень въ то же время были военными начальниками и, въ качествѣ вассаловъ мехтера, выступали въ походъ съ опредѣленнымъ количествомъ людей. Значеніе Читраля заключалось въ томъ, что здѣсь отъ дороги изъ Бадахшана въ Гильгитъ и Кашмиръ отдѣляются двѣ дороги на югъ — одна черезъ *Диръ* и перевалъ Малакандъ въ Пешаверъ, другая черезъ *Кунаръ* (на берегу рѣки того же имени, на которой стоитъ и Читраль) въ Джелалабадъ и Кабулъ. Всѣ эти дороги представляютъ огромныя трудности и зимой считаются непроходимыми. Еще труднѣе доступъ въ страну между Пенджширомъ и Кунаромъ или собственно - *Кафиристанъ*, завоеванный въ послѣдніе годы эмиромъ Абд-ар-рахманомъ. Населеніе, кромѣ названія кафировъ, носитъ также названіе *сіяхпушей* (по чернымъ

одеждамъ); сами себя сіяхпуши, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, называютъ *болорами* — терминъ, встрѣчающійся уже у китайскихъ историковъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Какъ у китайцевъ вплоть до XVIII в., такъ и у мусульманъ, напримѣръ, у писателя половины XVI в. Мухаммедъ-Хайдера (384—386), термины *Болоръ* и *Болористанъ* прилагаются ко всей странѣ отъ Кабульской долины на сѣверо-востокъ до Кашмира, Яркенда и Кашгара. Теперь терминъ Болоръ, повидимому, рѣдко употребляется самими сіяхпушами, которые въ тѣхъ случаяхъ, когда противополагаютъ свой народъ мусульманамъ, по свидѣтельству Биддульфа (128), употребляютъ названіе „Кашпра", очевидно представляющее искаженіе арабскаго كافر. Страна сіяхпушей представляетъ самую недоступную часть южныхъ склоновъ Гиндукуша; по словамъ Мухаммедъ-Хайдера „все пространство покрыто горами, долинами и ущельями; съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ можно сказать, что во всемъ Болористанѣ нѣтъ равнины, хотя бы въ одинъ фарсахъ". По словамъ доктора Робертсона, прожившаго въ Кафиристанѣ 10 мѣсяцевъ, долины Кафиристана, прорѣзанныя быстрыми и многоводными рѣчками, во многихъ мѣстахъ представляютъ непроходимыя тѣснины. Рѣдко встрѣчается сотня-другая саженъ даже умѣренно ровной дороги; большею частью дорога идетъ по каменистымъ тропамъ, вьющимся по скаламъ, обрывамъ и узкимъ карнизамъ. Черезъ рѣки перекинуты иногда мосты, въ лучшемъ случаѣ представляющіе выдолбленные толстые древесные стволы, закраины которыхъ часто усажены длинными шестами съ красиво вырѣзанными головами животныхъ. Чаще мосты состоятъ изъ одного или двухъ бревенъ, перекинутыхъ черезъ потокъ, или для этой цѣли служитъ просто свалившееся дерево. Впродолженіе значительной части года между долинами нѣтъ совсѣмъ никакого сообщенія. При такомъ характерѣ страны, конечно, не можетъ быть и рѣчи ни о національномъ, ни о политическомъ единствѣ ея населенія. Языкъ сіяхпушей, о которомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія Биддульфъ, причисляется къ индійской вѣтви арійскихъ языковъ, но нарѣчія отдѣльныхъ племенъ такъ рѣзко отличаются одно отъ другого, что представители различныхъ племенъ иногда совершенно не понимаютъ другъ друга.

Между племенами сіяхпушей, какъ при Мухаммедъ-Хайдерѣ, такъ и въ концѣ XIX в. происходили нескончаемыя междоусобныя войны, въ сравненіи съ которыми столкновенія кафировъ съ мусульманами представляются ничтожными. Отряды мусульманскихъ завоевателей, состоявшіе преимущественно изъ конницы, не могли имѣть прочнаго успѣха въ странѣ; какъ Тимуръ, такъ и Бабуръ и Мухаммедъ-Хайдеръ могли только

совершать въ страну кафировъ грабительскіе набѣги. Походъ Тимура на сіяхпушей былъ предпринятъ въ 1398 г. на пути въ Индію, вслѣдствіе жалобъ жителей торговаго города Андераба на разбои кафировъ. Тимуръ вторгся въ страну сіяхпушей съ сѣвера, черезъ перевалъ *Хавакъ*, гдѣ возстановилъ старую разрушенную крѣпость. Съ этой стороны послѣ Тимура не проникали въ Кафиристанъ, насколько извѣстно, ни войска, ни путешественники. Кафиры, по словамъ Шереф-ад-дина (II, 22), говорили на своеобразномъ языкѣ, непохожемъ ни на персидскій, ни на турецкій, ни на индійскій, и большею частью ходили безъ всякой одежды; ихъ старшины носили титулъ عدا или عداشو; теперь кафирскіе старшины называются *джаштами* или *джастами*.

Кромѣ этого вторженія съ сѣверо-запада, вторженія въ Кафиристанъ предпринимались съ сѣвера изъ Бадахшана, съ юга изъ Кабульской долины и съ востока изъ Читраля. Доступъ въ страну съ востока, повидимому, сравнительно легче; съ Читралемъ страна сіяхпушей находится въ наиболѣе тѣсной экономической связи; нѣкоторыя племена находились даже въ политической зависимости отъ читральскаго владѣтеля. Мусульманскіе купцы могли проникать въ страну только въ обществѣ какого-нибудь кафира и тогда пользовались безопасностью; съ кафирами, пріѣзжавшими въ Читраль, иногда отправлялись на ихъ родину и любопытные, желавшіе посмотрѣть страну и воспользоваться прославленнымъ гостепріимствомъ дикарей. Европейцы стали проникать въ Кафиристанъ очень недавно. Въ 1885 г. въ Кафиристанъ проникъ изъ Читраля со своей миссіей Локхэртъ, въ 1889 г. уже упомянутый Робертсонъ. Только афганскому эмиру Абд-ар-рахману удалось подчинить Кафиристанъ своей власти. Первое вторженіе въ Кафиристанъ произошло зимою 1895—96 гг. подъ начальствомъ генерала Гуламъ-Хайдера; кафиры, вооруженные большею частью еще лукомъ и стрѣлами (винтовки грубой работы только недавно начали проникать въ страну) не могли противостоять афганской артиллеріи. За войсками послѣдовали также муллы для распространенія ислама; наконецъ Абд-ар-рахманомъ была принята мѣра, къ которой прибѣгали всѣ завоеватели: кафирскія семьи заставили переселиться во внутреннія области Афганистана и поселили на ихъ мѣсто афганскихъ горцевъ. Такимъ образомъ страна, окруженная съ трехъ сторонъ афганскими владѣніями, а съ востока граничащая съ подчиненной Англіи Читральской долиной, скоро окончательно войдетъ въ составъ Афганистана.

V.

Хорасанъ.

О томъ, какъ и когда происходило движеніе арійцевъ изъ восточной части Ирана въ западную, мы не имѣемъ извѣстій. *Мидяне* (Amada, впослѣдствіи Madai) впервые упоминаются въ 835 г., въ надписи ассирійскаго царя Салманасара II, причемъ неизвѣстно, были ли уже эти мидяне арійцами или арійскіе завоеватели приняли имя прежнихъ обитателей страны. Арійскія собственныя имена являются только въ надписяхъ Саргона (721—705 гг.). Мы не знаемъ также, происходило ли движеніе арійцевъ только по сѣверному пути, по которому шли мидяне, или также по южному изъ Сеистана въ Керманъ и оттуда въ Фарсъ. Послѣднее, повидимому, болѣе вѣроятно, такъ какъ къ персамъ, утвердившимся въ Фарсѣ, причисляются у Геродота (I, 125) гедросіи (въ текстѣ Δηρουσιαῖοι) и керманы (Γερμάνιοι), т. е. вся южная часть нынѣшней Персіи была занята одной вѣтвью иранцевъ, называвшею себя персами, Parsa. Такъ какъ мидяне выступили въ исторіи раньше персовъ, то очень вѣроятно, что движеніе по сѣверному пути произошло раньше.

Движеніе арійцевъ въ сѣверной части Персіи произошло, вѣроятно, по тому пути, гдѣ издревле проходила главная дорога изъ западной Азіи въ восточную, именно вдоль южнаго склона горъ, составляющихъ сѣверную границу Иранскаго плоскогорья. Нѣкоторые маршруты могутъ вызвать предположеніе, что часть этого пути въ древности проходила сѣвернѣе; такъ по Исидору Харакскому путь изъ области Κομισηνή (у арабовъ Кумисъ), съ городами Дамганомъ и Семнаномъ, шелъ на сѣверъ въ Гирканію, т. е. къ берегамъ р. Гургенъ, впадающей въ Каспійское море, оттуда въ страну парѳянъ, древнѣйшія столицы которыхъ, именно Ἄσταακα или Ἄρσακα (по другому чтенію), на мѣстѣ арабскаго Хабушана или нынѣшняго Кучана, и Νισαία, арабское ⌊ـسا, нынѣ развалины около Асхабада, находились сѣвернѣе позднѣйшаго главнаго пути. Возможно, что движеніе арійцевъ коснулось береговъ Гургена; названіе Гирканіи (собств.

Wrkâna, страна волковъ), чисто арійское; дальше движеніе шло по южному склону горъ, такъ какъ южный берегъ Каспійскаго моря еще въ эпоху господства персовъ былъ занятъ народами неарійскаго происхожденія. Рядомъ съ путемъ черезъ Гирканію упоминается и нынѣшній главный путь: уже Арріанъ (III, 23, 1) говоритъ, что Гирканія оставалась влѣво отъ пути изъ Мидіи въ Парѳію.

Геродотъ, какъ извѣстно, объединяетъ въ одну сатрапію парѳянъ, хорезмійцевъ, согдійцевъ и аріевъ; но во всѣхъ клинообразныхъ надписяхъ Парѳія при перечисленіи областей названа отдѣльно отъ Хорезміи, Согдіаны и Аріаны. Сатрапомъ Парѳіи, въ началѣ царствованія Дарія, былъ его отецъ Гистаспъ, которому въ 518 г. пришлось усмирить возстаніе парѳянъ и гирканцевъ (Ménant, 114). При Ахеменидахъ страна не имѣла большого значенія; по словамъ Страбона, персидскіе цари, объѣзжая свои владѣнія, старались какъ можно скорѣе миновать Парѳію, такъ какъ область по своей бѣдности не могла прокормить ихъ многочисленную свиту. Но вслѣдствіе этой бѣдности и необходимости защищаться противъ нашествія кочевниковъ парѳяне остались вѣрны простому, воинственному образу жизни восточныхъ иранцевъ и послѣ паденія Ахеменидовъ явились тѣмъ здоровымъ элементомъ, которому удалось снова образовать сильное иранское государство и съ успѣхомъ отразить даже римскіе завоевательные походы.

Естественную границу между Туркестаномъ и бассейномъ Каспійскаго моря образуютъ горы *Балханъ*. Большой и Малый, Кюрень-дагъ, Копетъ-дагъ и Хорасанскія горы, составляющія теперь границу между Персіей и Россіей. По словамъ Кэрзона ничто не можетъ сравниться съ мрачнымъ видомъ этихъ безплодныхъ высотъ изъ сѣраго известняка, орошенныхъ только немногими ключами и лишенныхъ всякой растительности, кромѣ скуднаго можжевельника. Въ древности и въ средніе вѣка оазисы вдоль сѣвернаго склона этихъ горъ тоже были населены иранцами; по своему положенію эти оазисы, конечно, должны были подвергаться особенно частымъ нашествіямъ турецкихъ кочевниковъ и наконецъ перейти въ ихъ власть. Съ этихъ поръ край получилъ турецкое названіе Атекъ или вѣрнѣе *Этекъ* (اتاك) — край, подолъ, подошва горы.

Изъ городовъ этой мѣстности въ средніе вѣка чаще другихъ упоминаются *Несâ* и *Абиверд*ъ. Первый находился недалеко отъ нынѣшняго Асхабада, второй существуетъ и въ настоящее время ввидѣ небольшого селенія верстахъ въ 110 отъ Асхабада. Въ области г. Несâ находился рабатъ Фарава (Афрава), въ 4-хъ дняхъ пути отъ Несâ, выстроенный въ IX вѣкѣ Абдаллахомъ (Тахиридомъ) и состоявшій изъ трехъ сое-

диненныхъ между собою крѣпостей (нынѣ Кызылъ-Арватъ). Отсюда былъ прямой путь черезъ степь въ г. Гурганджъ (около нынѣшняго Куня-Ургенча, въ сѣверной части Хивинскаго ханства). Въ области Абиверда упоминается городъ Мехне или *Мейхене*; селеніе этого имени существуетъ и теперь къ югу отъ желѣзной дороги на самой границѣ между Россіей и Персіей и замѣчательно, какъ родина и мѣсто погребенія извѣстнаго суфія Абу-Сеида Мейхени (XI в.). Изъ Абиверда шелъ прямой путь въ Мервъ. Какъ уже было сказано, Этекъ по своему географическому положенію подвергался набѣгамъ среднеазіатскихъ кочевниковъ; кромѣ того эту область всегда старались захватить ближайшіе къ этой мѣстности среднеазіатскіе владѣтели, именно правители Хорезма. Уже у Геродота (III, 117) мы находимъ извѣстіе, еще не получившее удовлетворительнаго объясненія, о долинѣ, окруженной горами съ пятью проходами, черезъ которую протекала рѣка Ἄχης и которая принадлежала первоначально хорезмійцамъ, находясь между владѣніями хорезмійцевъ, гирканцевъ, парѳянъ, саранговъ и таманейцевъ. Это извѣстіе показываетъ, что уже въ отдаленное время до образованія государства Ахеменидовъ власть хорезмійцевъ распространялась на горныя области къ югу отъ степи.

Въ X в. Саманидъ Нухъ б. Мансуръ пожаловалъ владѣтелю сѣверной части Хорезма Мамуну Несâ, а владѣтелю южной хорезмшаху Абу-Абдаллаху—Абивердъ, причемъ послѣдній не получилъ этого подарка вслѣдствіе сопротивленія хорасанскаго намѣстника Абу-Али Симджури (Туркестанъ, 274). Послѣ объединенія Хорезма въ концѣ X в. подъ властью Мамуна, принявшаго титулъ хорезмшаха, Несâ и Ферава принадлежали хорезмійцамъ до завоеванія Хорезма Газневидомъ Махмудомъ въ 1017 г. Когда въ 1035 г. въ Хорасанъ вторглись туркмены подъ начальствомъ Сельджукидовъ, то султанъ Масʻудъ былъ вынужденъ отдать имъ Несâ и Фераву (Бейхаки, 611). Въ XII в., когда усилилась новая династія хорезмшаховъ, городъ Несâ перешелъ въ ихъ владѣніе раньше другихъ хорасанскихъ городовъ (Туркестанъ, 359). Въ этотъ періодъ упоминается еще городъ *Шахристанъ* на пути изъ Хорезма въ Несâ, на разстояніи фарсаха отъ послѣдняго, на краю песковъ; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, по описанію бывшаго здѣсь въ 1220 г. Якута (III, 343), въ окрестностяхъ города не было садовъ, и пашни находились вдали отъ него.

Послѣ монгольскаго погрома Хорезмъ, если не считать небольшого періода въ XIV в., не имѣлъ самостоятельной династіи до завоеванія страны узбеками въ началѣ XVI в. Въ XVI и XVII вв. города Этека обыкновенно находились во власти хорезмійскихъ узбековъ; Этекъ, по

свидѣтельству Абулгази, обозначался въ то время терминомъ تاغ بویی (сторона горы), въ противоположность سو بویی, какъ назывались берега Аму-дарьи, т. е. Хорезмъ въ собственномъ смыслѣ. Въ то-же время хивинскіе ханы всегда старались подчинить себѣ туркменскія племена, занимавшія уже въ XVI в. весь восточный берегъ Каспійскаго моря до Гургена и потомъ постепенно, по мѣрѣ ослабленія могущества персидскихъ шаховъ и хивинскихъ хановъ, распространявшія свою власть на востокъ до Мерва. Уже Аббасъ Великій (1587 — 1628) фактически отказался отъ Этека, хотя онъ и его преемники номинально считали узбекскихъ владѣтелей Этека своими вассалами. Чтобы обезопасить страну отъ набѣговъ туркменъ и узбековъ, Аббасъ рѣшилъ переселить сюда съ запада воинственныхъ курдовъ. Имъ было образовано пять курдскихъ владѣній на всемъ протяженіи границы, отъ Астрабада до Чинарана; изъ нихъ въ настоящее время существуютъ три, Буджнурдъ, Кучанъ и Дерегезъ, причемъ въ Дерегезѣ теперь правитъ не курдская, а турецкая династія (Іетъ, Khurasan, 165). Самый сильный изъ трехъ владѣтелей, кучанскій, носитъ турецкій титулъ иль-ханы (т. е. хана племени). *Кучанъ* въ средніе вѣка вообще назывался Хабушаномъ, хотя форма خوجان встрѣчается уже у Макдиси (319); въ X в. Кучанъ былъ главнымъ городомъ округа استرا, соотвѣтствующаго Ἀσταβηνή или Ἀσταυηνή Исидора Харакскаго; уже въ XII в., во время возвышенія хорезмшаховъ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ на пути въ центральную часть Хорасана. Кромѣ своего географическаго положенія городъ былъ обязанъ своимъ значеніемъ также выдающемуся плодородію своихъ окрестностей; по словамъ Кэрзона (I, 111) болѣе плодородной и лучше орошенной мѣстности нѣтъ въ сѣверныхъ областяхъ Персіи. Переселеніе курдовъ не остановило туркменскихъ набѣговъ; противники оказались достойными другъ друга; ни та, ни другая сторона не могли одержать окончательной побѣды, и курды могли только мстить туркменамъ за ихъ набѣги, опустошая пашни Этека. Курдскій владѣтель Кучана принималъ участіе въ походѣ Надиръ-шаха на Самаркандъ и Бухару, и, какъ разсказываетъ Фрезеръ (Journey, 574), вывезъ изъ Самарканда экземпляръ корана, лежавшій на гробницѣ Тимура и писанный рукою его внука Байсункара; рукопись была разорвана курдами на отдѣльные листы, потомъ частью собранные сыномъ владѣтеля и положенные на гробницу похороненнаго въ Кучанѣ имама; Фрезеръ еще видѣлъ нѣкоторые изъ нихъ; по его описанію этотъ великолѣпный образчикъ калиграфическаго искусства хранился очень небрежно; говорятъ, что онъ погибъ при послѣднемъ землетрясеніи (1895 г.). На холмѣ около Кучана, который еще теперь носитъ названіе Надиръ-тепе, про-

изошло убіеніе Надиръ-шаха въ 1747 г. Городъ много пострадалъ при усмиреніи возстанія иль-ханы Аббасъ-Мирзою въ 1833 г. и при землетрясеніяхъ 1851 и 1872 гг.; послѣ этого городъ, по описанію Кэрзона (I, 109), не заключалъ въ себѣ и 12000 жителей. Землетрясеніе 1895 г. совершенно разрушило городъ; новый Кучанъ выстроенъ верстахъ въ 12 къ востоку отъ стараго.

Съ именемъ Надира связанъ еще другой пограничный пунктъ, значительная крѣпость *Келатъ*. Неприступная горная крѣпость создана здѣсь самой природой; площадь, вышиной около 2500 ф. надъ уровнемъ моря, занимаетъ пространство въ 20 англ. миль длины и отъ 5 до 7 ширины и окружена со всѣхъ сторонъ природнымъ валомъ изъ голыхъ отвѣсныхъ скалъ отъ 700 до 1000 ф. высоты надъ уровнемъ долины. Этотъ валъ прерывается только двумя узкими проходами, которые легко могли быть укрѣплены, но кромѣ нихъ существуютъ горныя тропинки, по которымъ можно проникнуть въ крѣпость. Главныя ворота, черезъ которыя проходитъ въ крѣпость орошающій долину потокъ, носятъ названіе Дербенд-и-Аргунъ-шахъ, по имени строителя, упоминающаго о своемъ сооруженіи въ надписи на полированной поверхности одной изъ скалъ. Кэрзонъ и другіе отожествляютъ этого Аргунъ-шаха съ Аргуномъ, монгольскимъ ханомъ Персіи (1284—1291). О ханѣ Аргунѣ дѣйствительно говорится, что онъ искалъ спасенія въ Келатѣ, когда, еще до своего вступленія на престолъ, былъ разбитъ своимъ дядей Ахмедомъ; но крѣпость въ то время была въ разрушенномъ состояніи, и при приближеніи войска Ахмеда Аргунъ сдался ему безъ сопротивленія (д'Оссонъ, III, 594—595). Неизвѣстно, видно ли изъ текста надписи, что строителемъ крѣпости былъ именно Аргунъ-ханъ; попытки снять копію съ надписи пока не имѣли успѣха (Іетъ, Khurasan, 156). Естественнѣе предположить, что рѣчь идетъ о мѣстномъ правителѣ Аргунъ-шахѣ, отцѣ Али-бека, съ которымъ воевалъ Тимуръ.

Въ 1382 г. крѣпость была осаждена Тимуромъ; при этомъ упоминается нѣсколько воротъ между прочимъ и دربند ارغون شاه (Шереф-ад-динъ, I, 337). Али-бекъ выразилъ покорность, но потомъ снова измѣнилъ Тимуру, который для противовѣса Келату построилъ крѣпость قهقهه, между Абивердомъ и Келатомъ (тамъ-же, I, 343), очевидно на мѣстѣ нынѣшней желѣзнодорожной станціи Каахка. Въ полной мѣрѣ воспользовался позиціей Келата Надиръ-шахъ, со времени котораго крѣпость получила свое нынѣшнее названіе Келат-и-Надири. По словамъ Кэрзона, Надиръ хотѣлъ создать здѣсь неприступную крѣпость и безопасное хранилище для сокровищъ, вывезенныхъ имъ изъ Индіи. Описаніе Келата есть у совре-

менника Надиръ-шаха, греческаго путешественника Василія Ватаци. По его словамъ (II, 809—814) Надиръ-шахъ хотѣлъ создать городъ, не имѣющій себѣ равнаго, въ которомъ жители могли бы все находить, не нуждаясь въ привозныхъ товарахъ; для покрытія расходовъ по постройкѣ послужила добыча индійскаго похода. Скалы были обтесаны съ внутренней и съ внѣшней стороны, и вездѣ, гдѣ можно было ждать нападенія, были поставлены сторожевыя башни. Послѣ Надиръ-шаха Келатъ до 1885 г. былъ столицей особаго небольшого ханства, номинально подчиненнаго Персіи, въ составъ котораго, до русско-персидскаго разграниченія 1881 г., входили также Абивердъ и нѣкоторые другіе пункты Этека.

Общій характеръ сѣверо-западной, горной части Хорасана описанъ у Кэрзона (I, 142) въ слѣдующихъ словахъ: „Рядъ высокихъ параллельныхъ хребтовъ имѣетъ направленіе отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; сѣверные изъ нихъ отдѣлены одинъ отъ другого глубокими и узкими ущельями, на днѣ которыхъ шумятъ потоки; дальше къ югу ущелья смѣняются долинами, гдѣ протекаютъ горныя рѣчки и расположены селенія, иногда широкими и богатыми равнинами, какъ Кучанская къ сѣверу и Нишапурская къ югу отъ цѣпи Биналудъ-Кухъ. Хребты прорѣзываются продольными ущельями (иногда подъ прямымъ угломъ), которыя служатъ путями сообщенія между отдѣльными долинами. Ущелья часто отличаются живописностью и представляютъ цѣлый рядъ неприступныхъ позицій; едва-ли еще гдѣ-нибудь въ мірѣ горы, не достигающія линіи вѣчнаго снѣга, представляютъ столько живописныхъ картинъ дикой горной природы. На болѣе высокихъ хребтахъ рѣдко встрѣчаются слѣды даже самой скудной растительности. Земледѣліе возможно почти исключительно только на днѣ долинъ и тамъ находится въ зависимости отъ скудныхъ ручьевъ, вода которыхъ проведена на годные для обработки участки; каждая деревня представляетъ какъ-бы оазисъ на темнобуромъ фонѣ пустыни“. Въ окрестностяхъ Нишапура пашни встрѣчаются, однако, и на склонахъ горъ, съ которыхъ текутъ орошающіе долину ручьи, по описанію Ферье (I, 199) даже на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ. Пашни, расположенныя по склонамъ горъ, разбиты по отдѣльнымъ террасамъ. Селеній въ этой долинѣ, благодаря обилію воды, больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; и тутъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Персіи, нѣтъ сплошной растительности, но культурные участки отдѣлены одинъ отъ другого только небольшими пространствами. Рѣчка, протекающая мимо Нишапура, носитъ названіе Шурерудъ, по горько-соленому вкусу воды.

Нишапуръ такъ часто подвергался землетрясеніямъ и опустошительнымъ нашествіямъ и въ своемъ настоящемъ видѣ по пространству и по

количеству населенія настолько отличается отъ средневѣковой столицы Хорасана, что изученіе и выясненіе топографіи послѣдней представляетъ большія трудности. О старомъ, домусульманскомъ Нишапурѣ извѣстно только то, что онъ прежде носилъ названіе Абаршехра (у арабскихъ географовъ Абрашехръ), и свое нынѣшнее названіе получилъ отъ одного изъ сасанидскихъ царей Шапура I (III в.) или Шапура II (IV в.) (Нельдеке, 59). Послѣдній фактъ опровергаетъ часто высказывавшееся мнѣніе о тожествѣ Нишапура съ парѳянскимъ городомъ Νισαία. Какъ при Сасанидахъ, такъ и при первыхъ арабскихъ намѣстникахъ главнымъ городомъ Хорасана былъ Мервъ; Нишапуръ пріобрѣлъ значеніе столицы только при династіи Тахиридовъ въ IX в.

Слава Нишапура тѣсно связана со славой перваго устроителя Хорасана Абдаллаха б. Тахира (830—844). Въ своей диссертаціи „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“ (219) я постарался дать характеристику этого замѣчательнаго правителя, который, по выраженію историка Я'куби, владѣлъ Хорасаномъ такъ, какъ еще не владѣлъ имъ никто, который заботился объ интересахъ крестьянъ, какъ кормильцевъ остального населенія, велѣлъ составить сводъ правилъ о пользованіи водой для искусственнаго орошенія и далеко опередилъ свое время своими взглядами на значеніе науки, къ которой, по его мнѣнію, надо было открыть широкій доступъ всѣмъ желающимъ и предоставить ей самой отличить достойнаго отъ недостойнаго.

Седжестанская династія Саффаридовъ, низложившая Тахиридовъ въ 873 г., также перенесла свою столицу въ Нишапуръ. Въ 900 г. Саффаридъ Амръ б. Ляйсъ былъ разбитъ Саманидомъ Исмаиломъ б. Ахмедомъ, послѣ чего Хорасанъ вошелъ въ составъ государства Саманидовъ. Столицей Саманидовъ, какъ извѣстно, была Бухара; земли къ югу отъ Аму-дарьи находились подъ властью особаго намѣстника, носившаго титулъ сипехсалара и жившаго въ Нишапурѣ (Туркестанъ, 238).

Нишапуръ эпохи Саманидовъ подробно описанъ арабскими географами X в. Городъ былъ расположенъ въ равнинѣ, но непосредственно около горъ; по словамъ Ибнъ-Русте (171), рядомъ съ городомъ съ одной стороны была высокая гора. Пространство города равнялось 1 фарсаху въ длину и въ ширину; онъ состоялъ, какъ другіе большіе города Средней Азіи, изъ кухендиза, т. е. цитадели, шахристана или собственно города и рабада или предмѣстья. Цитадель не входила въ составъ шахристана, но была рядомъ съ нимъ и отдѣлялась отъ него только рвомъ. Въ X в. жизнь города, вѣроятно, вслѣдствіе развитія торговли и промышленности, всецѣло перешла въ рабадъ, повидимому, главнымъ образомъ, въ южную

часть его; описывая базары, Истахри (255) между прочимъ говоритъ, что они доходили на сѣверъ до „головы моста“, а выше (254) называетъ ворота „головы моста“ въ числѣ воротъ шахристана, которыхъ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, было всего четверо. Число воротъ рабада было очень значительно, по Макдиси (316) больше пятидесяти. Центромъ базара была такъ называемая „большая четыреугольная площадь“ (الربعة الكبيرة), откуда шли ряды лавокъ и гостинницъ по всѣмъ четыремъ направленіямъ, на востокъ за соборную мечеть, на сѣверъ до шахристана, на западъ за „малую четыреугольную площадь“ (الربعة الصغيرة), на югъ до „могилъ потомковъ Хусейна“. Въ западной части недалеко отъ малой четыреугольной площади находились: дворецъ, построенный Амромъ б. Ляйсомъ на „площади потомковъ Хусейна“ (ميدان الحسنيين), и рядомъ съ нимъ тюрьма. О соборной мечети говорится, что она находилась въ мѣстѣ العسكر („военный лагерь“). Зданіе подробно описано у Макдиси (316); оно состояло изъ 6 частей; главное зданіе, въ которомъ находилась каѳедра (منبر) имама, было выстроено отчасти еще въ половинѣ VIII в. Абу-Муслимомъ, извѣстнымъ виновникомъ воцаренія Аббасидовъ, отчасти въ концѣ IX в. Амромъ б. Ляйсомъ. Зданіе Абу-Муслима опиралось на деревянные столбы, зданіе Амра на круглыя кирпичныя колонны; по сторонамъ его было три портика, въ серединѣ — „позолоченное зданіе“ (вѣроятно куполъ), съ 11 воротами и съ колоннами изъ разноцвѣтнаго мрамора. Къ соборной мечети, по всей вѣроятности, принадлежалъ и минаретъ, о которомъ упоминаетъ Я'куби (278), какъ о постройкѣ Абдаллаха б. Тахира.

Каналы, доставлявшіе городу воду, большею частью были вырыты подъ землей; число ступеней, по которымъ спускались къ нимъ, иногда доходило до сотни; за городомъ вода выходила на поверхность земли и употреблялась для орошенія полей. Городъ былъ извѣстенъ своими шелковыми и хлопчатобумажными тканями, которыя вывозились, по словамъ Истахри (255), даже за предѣлы мусульманскихъ владѣній. По словамъ Макдиси (315), городъ былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ какъ Фарса, Кермана и Синда, т. е. южныхъ областей, такъ и Рейя, Джурджана и Хорезма. По словамъ Ибнъ-Хаукаля (311), лавки и гостинницы Нишапура были наполнены представителями самыхъ разнообразныхъ ремеслъ. Въ окрестныхъ горахъ добывали мѣдь, желѣзо, серебро, бирюзу и другіе минералы; до настоящаго времени сохранили свое значеніе бирюзовыя копи, находящіяся въ горахъ на разстояніи 36 англ. миль (около 50 верстъ) къ сѣверозападу отъ Нишапура, на дорогѣ въ Ку-

чанъ, и являющіяся единственными бирюзовыми копями въ мірѣ, разработка которыхъ приноситъ доходъ.

Нишапуръ оставался главнымъ городомъ Хорасана и при Газневидахъ и Сельджукидахъ, несмотря на предпочтеніе, оказанное нѣкоторыми представителями послѣдней династіи Мерву. Въ 1153 г. городъ подвергся опустошительному нашествію кочевниковъ-гузовъ, возставшихъ противъ султана Синджара; гузы разграбили городъ и разрушили его до основанія; поэтъ Хакани съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ говоритъ, что когда жители послѣ ухода враговъ вернулись въ городъ, они не могли отыскать своихъ жилищъ. Новый городъ возникъ къ западу отъ стараго, въ мѣстѣ *Шадьяхъ* (иногда встрѣчается названіе Шайканъ, см. Ибнъ-Хаукаль, 312, примѣч.); кварталъ Шадьяхъ существовалъ однако и раньше и былъ выстроенъ Абдаллахомъ б. Тахиромъ (Я'куби, 278). Здѣсь находился высокій холмъ, гдѣ была построена цитадель. Уже въ томъ-же столѣтіи городъ, благодаря своему счастливому географическому положенію, снова достигъ процвѣтанія, и постройки заняли все пространство отъ холма до черты стараго города. По выраженію Якута (IV, 858), Нишапуръ снова сдѣлался „самымъ цвѣтущимъ изъ городовъ Божьихъ“ (اعمر بلاد الله), также самымъ богатымъ и многолюднымъ; быстрое возстановленіе города Якутъ основательно объясняетъ его географическимъ положеніемъ; онъ былъ какъ-бы „заломъ всего востока“ (دهليز المشرق), и караваны не могли обходить его.

Гораздо тяжелѣе по своимъ послѣдствіямъ былъ погромъ 1221 г. За полгода передъ тѣмъ у стѣнъ Нишапура былъ убитъ стрѣлой зять Чингизъ-хана; поэтому, когда сынъ Чингизъ-хана Тулуй осадилъ городъ, всѣ просьбы жителей о помилованіи были рѣшительно отклонены. Городъ былъ взятъ приступомъ, и все населеніе его было перебито, кромѣ 400 ремесленниковъ, уведенныхъ въ плѣнъ; зданія были разрушены до основанія, и мѣсто вспахано; на мѣстѣ развалинъ былъ оставленъ отрядъ въ 400 человѣкъ для истребленія тѣхъ остатковъ населенія, которые могли скрыться во время погрома (Туркестанъ, 483). Монгольскіе отряды Чингизъ-хана не удержались въ Хорасанѣ, и его преемнику пришлось вновь покорять страну; но безполезное сопротивленіе только мѣшало странѣ оправиться отъ нашествія, и города Хорасана оставались въ развалинахъ значительно дольше, чѣмъ города Мавераннагра.

Послѣ уничтоженія династіи хорезмшаховъ Хорасанъ сначала составлялъ особое намѣстничество, считавшееся общей собственностью монгольской династіи; намѣстникъ назначался великимъ ханомъ, но при немъ находились представители отъ прочихъ главныхъ лицъ ханскаго дома. Въ половинѣ

XIII в., когда въ Персіи было образовано особое монгольское владѣніе, Хорасанъ былъ присоединенъ къ нему, но, по словамъ Хамдаллаха Казвини (рукоп. Аз. Муз. 603 bbc, л. 183 b; въ рукоп. Спб. Унив. 171, л. 190 b часть фразы пропущена) имѣлъ особое административное и финансовое управленіе; доходы съ этой области не причислялись къ общимъ доходамъ монгольской династіи въ Персіи, Хулагидовъ. Границей между владѣніями Хулагидовъ и Джагатаидовъ, правившихъ въ Мавераннагрѣ, считалась р. Аму-дарья, но эта граница часто нарушалась, особенно джагатайскими царевичами. Когда Хорасанъ входилъ въ составъ владѣній Хулагидовъ, то имъ управлялъ обыкновенно одинъ изъ представителей династіи, большею частью сынъ хана или наслѣдникъ престола. Монгольскіе правители обыкновенно предпочитали Нишапуру Тусъ и долину Кешефъ-руда (притока Геріруда), расположенную къ сѣв. отъ цѣпи Биналудъ-кухъ. Послѣ паденія династіи персидскихъ монголовъ Нишапуръ въ тридцатыхъ годахъ XIV в. вошелъ въ составъ владѣній образовавшейся въ Себзеварѣ династіи Сербедаровъ, послѣдній представитель которой въ 1381 г. добровольно подчинился Тимуру, вслѣдствіе чего Нишапуръ не испыталъ на себѣ жестокости этого завоевателя. При Тимуридахъ блескъ Герата, при Сефевидахъ религіозное значеніе Мешхеда должны были затмить Нишапуръ, который однако оставался значительнымъ городомъ до половины XVIII в., когда былъ разрушенъ Ахмедъ-шахомъ афганскимъ. По преданію послѣ этого погрома въ городѣ не осталось ни одного обитаемаго жилища. Ахмедъ-шахъ отдалъ городъ тюркскому князю Аббасъ-кули-хану, который принялъ мѣры къ его возстановленію; въ концѣ того-же столѣтія городъ перешелъ во власть нынѣшней персидской династіи Каджаровъ. Заботы Аббасъ-кули-хана и другихъ не вернули городу его прежняго значенія. Въ 1821 г., по словамъ Фрезера (Journey, 404), длина его стѣнъ равнялась 4000 шаговъ въ окружности; если-бы все это пространство было заселено, то число жителей доходило бы до 30 или 40000, но большая часть города еще оставалась въ развалинахъ. Персы насчитывали въ городѣ около 2000 обитаемыхъ домовъ, но Фрезеръ (405), по своему личному впечатлѣнію, полагалъ, что количество населенія не превышало 5000 чел. Ткани приготовлялись въ городѣ исключительно для мѣстнаго потребленія; единственнымъ предметомъ вывоза была бирюза. Приблизительно такое же впечатлѣніе городъ произвелъ и на Ферье въ 1845 г. (I, 201): онъ полагалъ, что число жителей не превышало 8000 чел. Земляныя стѣны находились въ плохомъ состояніи, во рву не было воды, цитадель была въ развалинахъ; базары и соборная мечеть отличались скромными размѣрами. Во

время путешествія Кэрзона (I, 261) въ 1889 г., неизвѣстно съ какой цѣлью, производился ремонтъ совершенно безполезныхъ стѣнъ. Кэрзонъ считаетъ возможнымъ, что къ его времени населеніе города увеличилось до 10000.

Подробнаго изслѣдованія и описанія древностей Нишапура мы не имѣемъ; нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ сообщаютъ Фрезеръ (Journey, 397—401) и въ послѣднее время Іетъ (Khurasan, 410—412). Изъ историческихъ извѣстій и современнаго состоянія развалинъ выясняется только фактъ, что городъ, подобно Мерву и Балху, передвигался постепенно съ востока на западъ. Непосредственно къ востоку отъ нынѣшняго города были развалины, частью изъ глины, частью изъ кирпича; по преданію здѣсь была цитадель прежняго города. Фрезеръ не говоритъ, было ли здѣсь возвышеніе; по описанію Іета этихъ развалинъ теперь уже нѣтъ, и остатки стараго города начинаются на разстояніи англійской мили къ юго-востоку отъ нынѣшняго; въ юго-западномъ углу этихъ развалинъ на высокомъ холмѣ находится цитадель; персы говорили Фрезеру, что здѣсь была цитадель древнѣйшаго Нишапура, построеннаго въ Сасанидскую эпоху, что едва-ли основательно. У юго-восточн. угла цитадели находится гробница извѣстнаго суфія Ферид-ад-дина Аттара, убитаго при взятіи города монголами; памятникъ изъ чернаго мрамора съ персидской надписью окруженъ стѣной изъ кирпича. Эта гробница—единственный памятникъ среднихъ вѣковъ въ Нишапурѣ, время постройки котораго можетъ быть точно опредѣлено: она была построена въ концѣ XV. в., при султанѣ Хусейнѣ, извѣстнымъ въ персидской и особенно въ турецкой литературѣ поэтомъ и везиромъ-меценатомъ Миръ-Али-Широмъ (Исфизари, л. 70 а). Вблизи находится также гробница одного изъ Алидовъ, выстроенная шахомъ Тахмаспомъ въ XVI в.; по преданію здѣсь похороненъ имамзадэ Мухаммедъ Махрукъ, братъ Али б. Мусы ар-Ризы, главнаго святого Персіи, похороненнаго въ Мешхедѣ; гробницы родственниковъ этого имама, конечно едва-ли подлинныя, показываются почти во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Персіи. Рядомъ съ этой святыней помѣщается гробница астронома и поэта-вольнодумца начала XII в. Омара Хайяма, среди запущеннаго и заросшаго сорными травами сада.

Высокая горная цѣпь Биналудъ-кухъ отдѣляетъ Нишапурскую равнину отъ долины Кешефъ-руда и отъ нынѣшней столицы Хорасана Мешхеда, расположеннаго верстахъ въ 25 къ юго-вост. отъ стараго Туса. Арабскіе географы, описывая путь между Нишапуромъ и Тусомъ, судя по разстоянію, имѣютъ въ виду одинъ изъ путей черезъ горный хребетъ, по которымъ проходило большинство новѣйшихъ путешественниковъ; нынѣш-

ній почтовый трактъ идетъ по кружной дорогѣ, обходя главный хребетъ и пересѣкая только сравнительно невысокія гряды. Названіе *Тусъ* носилъ въ X в. цѣлый округъ, съ городами Нуканомъ и Табераномъ и съ деревней Сенабадъ, въ которой были похоронены въ 809 г. халифъ Харунъ ар-Рашидъ и въ 818 алидскій имамъ Али б. Муса ар-Риза; послѣдняго халифъ Мамунъ въ угоду шіитамъ объявилъ наслѣдникомъ престола, но потомъ, какъ утверждали, велѣлъ отравить. Подробнаго описанія средневѣкового Туса мы не имѣемъ; въ эпоху арабскихъ географовъ онъ еще не имѣлъ большого значенія вслѣдствіе процвѣтанія Нишапура. Подобно Нишапуру, Тусъ былъ разрушенъ Тулуемъ, сыномъ Чингизъ-хана, и возстановленъ въ царствованіе преемника Чингизъ-хана Угэдэя, послѣ чего нѣсколько разъ былъ мѣстопребываніемъ монгольскихъ намѣстниковъ. Послѣ паденія персидскихъ монголовъ Тусъ, вмѣстѣ съ Кучаномъ, Келатомъ, Абивердомъ, Несâ и мервскимъ оазисомъ, вошелъ въ составъ небольшого владѣнія, образованнаго эмиромъ Аргунъ-шахомъ, начальникомъ племени جون غربانی; Аргунъ-шаху наслѣдовали его сыновья Мухаммедъ-бекъ и Али-бекъ (Хафизи-Абру, л. 276 а). Али-бекъ въ 1382 г. долженъ былъ подчиниться Тимуру, былъ отправленъ въ Фергану и въ слѣдующемъ году убитъ. Въ 1389 г. послѣ неудачнаго возстанія Тусъ подвергся разгрому, причемъ было убито до 10000 челов.; у воротъ города по обыкновенію были воздвигнуты башни изъ головъ убитыхъ (Шереф-ад-динъ, I, 469). Крѣпость Туса была возстановлена уже послѣ смерти Тимура, въ 1405 г. Въ послѣдующую эпоху Тусъ обыкновенно называютъ рядомъ съ Мешхедомъ, который постепенно, вслѣдствіе своего религіознаго значенія, затмилъ сосѣдній городъ и сдѣлался столицей Хорасана. О постепенномъ переселеніи жителей Туса въ Мешхедъ говоритъ уже современникъ Надиръ-шаха, индійскій путешественникъ, свидѣтельство котораго приводитъ персидскій министръ Сани-ад-дауля (впослѣдствіи носившій титулъ Итимад-ас-салтанэ) въ своемъ трудѣ مطلع الشمس, гдѣ мы находимъ самое подробное описаніе развалинъ Туса въ ихъ нынѣшнемъ состояніи. Никакихъ датированныхъ памятниковъ среди развалинъ нѣтъ; Сани-ад-дауля описываетъ стѣны города, простирающіяся на 1 фарсахъ въ окружности, цитадель, находящуюся въ сѣв.-восточной части, и большое зданіе, вѣроятно мечеть, въ чертѣ города. Вездѣ указывается длина, ширина и высота стѣнъ, башенъ и развалинъ другихъ сооруженій; внутри цитадели была еще небольшая крѣпость на искусственномъ возвышеніи; въ книгѣ помѣщено также изображеніе мечети; зданіе это у персовъ извѣстно подъ названіемъ نقاره خانه. Фрезеръ, описывая Тусъ, говоритъ о небольшомъ минаретѣ (недалеко отъ мечети)

и о небольшомъ куполѣ надъ могилой Фирдоуси, находящейся внѣ черты города, недалеко отъ юго-восточныхъ воротъ; преданіе приписываетъ постройку этого купола бухарскому хану Убейдаллаху, правившему въ XVI вѣкѣ. Купола не существовало уже въ 1858 году во время путешествія Ханыкова (110), и мѣсто надъ могилой поэта было засѣяно пшеницей. Проф. Жуковскій въ 1890 г. посѣтилъ мѣсто и нашелъ здѣсь только разрытый холмъ, состоящій изъ цѣлаго и битаго кирпича и осколковъ изразца, несомнѣнно образовавшійся отъ рухнувшаго и осѣвшаго зданія, можетъ быть того самаго, которое видѣлъ Фрезеръ. Холмъ стоялъ въ четыреугольникѣ, обнесенномъ новой глинобитной стѣной. По разсказамъ крестьянъ, холмъ былъ разрытъ прежнимъ хорасанскимъ губернаторомъ Асыф-ад-дауля, который выложилъ образовавшуюся площадку кирпичемъ, построилъ вокругъ холма стѣнки и хотѣлъ построить вышку, но умеръ, не окончивъ дѣла. Около могилы Фирдоуси нѣкогда находились могилы знаменитыхъ имамовъ Ахмеда и Мухаммеда Газзали, изъ которыхъ послѣдній былъ авторомъ извѣстнаго труда احياء علوم الدين. Могила Мухаммеда Газзали упоминается еще въ XIV в., въ описаніи путешествія Ибнъ-Батуты (III, 77), но теперь исчезла безслѣдно.

Тусъ находился на сѣверной сторонѣ Кешефъ-руда; недалеко отъ юго-восточныхъ воротъ его, по дорогѣ въ Мешхедъ, черезъ рѣчку былъ построенъ мостъ изъ восьми арокъ, теперь находящійся въ полуразрушенномъ состояніи; онъ описанъ у Фрезера и у Сани-ад-дауля, причемъ послѣдній указываетъ и размѣры каждой арки въ отдѣльности. Въ лучшемъ, хотя далеко не вполнѣ исправномъ состояніи находится мостъ черезъ Кешефъ-рудъ нѣсколько ниже по теченію рѣки, на дорогѣ изъ Келата въ Мешхедъ (въ 5 миляхъ отъ послѣдняго), состоящій изъ 11-ти арокъ; мостъ носитъ названіе „царскаго“ (پل شاه); величинѣ его, по словамъ Кэрзона, нисколько не соотвѣтствуетъ ширина рѣчного русла (не болѣе 25 футовъ).

Городъ *Мешхедъ*, какъ мы видѣли, возникъ вокругъ гробницы имама Али б. Мусы ар-Ризы, похороненнаго въ селеніи Сенабадѣ, въ 4-хъ фарсахахъ отъ Туса, рядомъ съ могилой халифа Харуна ар-Рашида. Уже въ X в., при Ибнъ-Хаукалѣ (313), селеніе было окружено крѣпкой стѣной, и гробница считалась святыней. Въ томъ же столѣтіи у Макдиси (352) уже встрѣчается терминъ المشهد. Въ XIV в., при Хамдаллахѣ Казвини, Мешхедъ уже былъ городомъ; путешественникъ того-же столѣтія Ибнъ-Батута (III, 78—79) описываетъ куполообразное зданіе, построенное надъ гробницей и украшенное шелковыми покрывалами и золотыми свѣтильниками. Напротивъ гробницы имама ар-Ризы, подъ тѣмъ-

же куполомъ, находилась гробница халифа Харуна ар-Рашида, надъ которой также горѣли свѣтильники; но шіитскіе паломники, поклонявшіеся могилѣ имама, въ то-же время ударяли ногой гробницу аббасидскаго халифа. Число паломниковъ должно было значительно увеличиться въ XVI в., когда династія Сефевидовъ объявила шіитство господствующей религіей Персіи. Когда другія шіитскія святыни, могила Алія въ Неджефѣ и могила Хусейна въ Кербелѣ, въ XVII в. окончательно отошли къ Турціи, могила имама ар-Ризы сдѣлалась главной шіитской святыней въ Персіи и ежегодно посѣщается сотней тысячъ паломниковъ. Мѣста паломничества всегда становились въ то-же время центрами торговли; мешхедскіе базары, по словамъ путешественниковъ, представляютъ живой калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ восточныхъ народовъ. Вслѣдствіе богатства своего храма и своихъ базаровъ городъ нѣсколько разъ подвергался разграбленію со стороны узбековъ.

Нынѣшній Мешхедъ окруженъ глинобитной стѣной съ башнями; длина стѣнъ въ окружности опредѣляется различно, отъ 4½ до 6 англійск. миль; точное опредѣленіе затрудняется неправильностью плана. Отъ Герата и другихъ городовъ Мешхедъ отличается тѣмъ, что онъ не пересѣкается двумя взаимно перпендикулярными улицами, а прорѣзывается главной улицей по діагонали, съ сѣверо-запада на юго-востокъ; въ серединѣ ея помѣщаются зданія, окружающія могилу имама. Эта главная улица извѣстна подъ названіемъ „хіябана“, т. е. „аллеи, бульвара;“ терминъ „хіябанъ“ не встрѣчается у географовъ X в., но существовалъ въ эпоху Тимура и Тимуридовъ; Исфизари, писавшій въ концѣ XV в. упоминаетъ о хіябанѣ Герата, притомъ уже въ разсказѣ о событіяхъ XIV в. (л. 139 b). Мешхедскій хіябанъ, по словамъ Кэрзона, пользуется у персовъ громкой, хотя едва-ли заслуженной славой: деревья, посаженныя по обѣимъ сторонамъ аллеи, содержатся крайне небрежно; по серединѣ вырытъ каналъ или, вѣрнѣе, грязный ровъ, служащій одновременно для питья, для стирки бѣлья и для выбрасыванія труповъ животныхъ. Вообще вода въ Мешхедѣ совершенно негодна для питья; Кэрзонъ говоритъ, что онъ на одну ночь оставилъ свою бритву въ водѣ и что на другое утро она была черна, какъ ружейный стволъ. Кладбищъ въ Мешхедѣ очень много, даже внутри города, вслѣдствіе желанія шіитовъ быть похороненными какъ можно ближе къ могилѣ святого имама; трупы привозятся сюда за сотни верстъ. Несмотря на это, здоровье жителей здѣсь лучше, чѣмъ въ другихъ персидскихъ городахъ, что объясняется выгоднымъ мѣстоположеніемъ города къ сѣверу отъ хребта, защищающаго его отъ горячихъ вѣтровъ пустыни.

Святыня, находящаяся въ центрѣ города, до сихъ поръ закрыта для невѣрныхъ; европейскіе путешественники проникали туда только въ рѣдкихъ случаяхъ, подвергая себя большой опасности. Весь рядъ построекъ окруженъ валомъ; за входной аркой еще на нѣкоторое разстояніе (около 45 саж.) продолжается главная улица; здѣсь находится центръ базарной торговли. Паломникъ, переступившій ограду, уже находится на священной землѣ и пользуется правомъ убѣжища (بست). За базаромъ другая высокая арка ведетъ въ главный дворъ мечети, такъ называемый „старый дворъ“ (сахн-и-кухне), длиной около 65 саж. и шириною болѣе 30 саж. Подобно дворамъ другихъ большихъ мечетей и медресе, дворъ окруженъ съ 4-хъ сторонъ рядомъ нишъ въ два этажа; нижній этажъ еще при Фрезерѣ отдавался въ наемъ для торговыхъ помѣщеній. Промежутки между нишами и пространство надъ ними выложены разукрашенными черепицами. Въ серединѣ каждой стороны помѣщаются ворота, въ видѣ высокихъ прямоугольныхъ арокъ (ایوان) съ куфическими надписями. Въ серединѣ двора находится восьмиугольный фонтанъ для омовеній съ позолоченной крышей. На западныхъ воротахъ помѣщается рѣшетчатый навѣсъ для муэззиновъ, замѣняющій у шіитовъ минареты; южныя ворота ведутъ къ главной святынѣ, и въ отличіе отъ прочихъ ихъ верхняя половина выложена позолотой; позолота принадлежитъ Надиръ-шаху, который воспользовался для этой цѣли золотомъ, добытымъ во время похода на Индію; ему же приписывается постройка фонтана. Главный дворъ заключаетъ въ себѣ кромѣ того два минарета, одинъ со стороны мавзолея, построенный въ XVI в. и возстановленный въ XIX в. (послѣ 1834 г.), другой у противоположнаго входа, построенный Надиръ-шахомъ. Верхняя часть обоихъ минаретовъ выложена позолоченными мѣдными плитами, издали блестящими, какъ огонь; наверху, согласно стилю персидскихъ мечетей, помѣщена рѣшетчатая галлерея. Вся поверхность двора выложена надгробными плитами похороненныхъ здѣсь богатыхъ людей.

При входѣ въ мавзолей находится обширная комната съ мраморнымъ поломъ, покрытымъ богатыми коврами; по стѣнамъ раскрашенныя черепицы съ арабскими надписями. Надъ всѣмъ зданіемъ высится позолоченный куполъ, видный паломникамъ на большое разстояніе, хотя вышина его, по словамъ Кэрзона, всего 11 сажень. Подъ главнымъ куполомъ кромѣ могилы имама находятся гробницы халифа Харуна ар-Рашида и Аббасъ-Мирзы, сына Фатхъ-Али-шаха, умершаго въ 1834 году.

Къ югу отъ мавзолея помѣщается великолѣпная мечеть, построенная въ 1418 г. женой Шахруха Гаухеръ-Шадъ (گوهر شاد), строитель-

ницей упомянутой выше гератской мечети, и реставрированная въ XVII в. Къ зданію прилегаетъ такой-же дворъ (сахн-и-Гаухеръ-Шадъ), какъ и дворъ мавзолея; зданіе имѣетъ только одинъ куполъ и одну высокую арку, съ минаретомъ по каждую сторону ея. Куполъ выше и шире купола мавзолея; онъ украшенъ черепицами съ синими, зелеными и оранжевыми узорами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти узоры уже уничтожены временемъ. Фрезеръ (447) называетъ мечеть Гаухеръ-Шадъ самымъ великолѣпнымъ зданіемъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ имъ въ Персіи. Третій, „новый дворъ“ (сахн-и-нау) примыкаетъ къ постройкамъ съ восточной стороны и устроенъ Фатхъ-Али-шахомъ въ XIX в. Планъ всѣхъ дворовъ и зданій помѣщенъ въ сочиненіи Сани-ад-дауля и оттуда заимствованъ Іетомъ (Khurasan, къ стр. 332). Кромѣ того упоминаются еще нѣкоторыя медресе и библіотека, описанная въ 1858 г. Ханыковымъ (100—102).

Равнина, въ которой лежитъ Мешхедъ, при Ферье (I, 223) въ 1845 г. была совершенно голой и безплодной, вслѣдствіе набѣговъ узбековъ, афганцевъ и туркменъ; но это извѣстіе вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ еще Фрезеръ (Journey, 517) въ 1822 г. видѣлъ по дорогѣ изъ Мешхеда въ Тусъ много обработанныхъ полей. Теперь, когда опасность туркменскихъ набѣговъ уже устранена вслѣдствіе занятія Этека русскими, долина Кешефъ-руда, конечно, еще лучше обработана. Въ той же долинѣ, выше Туса, по дорогѣ въ Кучанъ, замѣчательно еще селеніе *Радканъ* или Райканъ, упоминаемое уже у географовъ X в. (Истахри, 257); на разстояніи полуфарсаха къ юго-вост. отъ Радкана находится старая кирпичная башня, извѣстная подъ названіемъ ميل رادكان, съ конической вершиной. Башня подробно описана, съ приложеніемъ изображенія, въ книгѣ Сани-ад-дауля. Внутри башня имѣетъ видъ восьмиугольника, извнѣ состоитъ изъ 36 круглыхъ столбовъ; между столбами и конической вершиной видны остатки куфической надписи. По мнѣнію Сани-ад-дауля, эту башню можно считать гробницей одного изъ средневѣковыхъ султановъ или вельможъ и относить приблизительно къ эпохѣ Буидовъ, т. е. къ X или XI в. Были высказаны и другія предположенія; путешественникъ О'Донованъ (Кэрзонъ, I, 120) увѣренъ, что постройка безусловно не могла быть ни жилищемъ, ни гробницей; несмотря на это, мнѣніе Сани-ад-дауля, какъ относительно назначенія, такъ и относительно эпохи постройки, по всей вѣроятности, правильно. Это видно изъ близкаго сходства ея внѣшняго вида съ видомъ десятигранной башни на южномъ берегу р. Гургена; послѣдняя башня, какъ видно изъ надписи и изъ историческихъ извѣстій, несомнѣнно является гробницей мѣстнаго правителя

Кабуса б. Вашмгира, построенной еще при его жизни, въ 397 г. хиджры (см. ниже описаніе развалинъ Джурджана).

Арабскіе географы описываютъ дороги, соединявшія Нишапуръ съ Гератомъ, съ Серахсомъ, съ берегами Каспійскаго моря, съ западной Персіей и черезъ пустыню съ южными областями. Наибольшее значеніе всегда имѣлъ главный путь изъ Хорасана въ западную Персію, проходившій черезъ округъ *Бейхакъ*, съ городами Себзеваромъ и Хосруджирдомъ. Первый существуетъ до настоящаго времени и окруженъ валомъ изъ сырцовыхъ кирпичей; развалины цитадели находятся на холмѣ въ сѣверной части города.

Въ исторіи *Себзеваръ* замѣчателенъ какъ одинъ изъ очаговъ шіитскаго фанатизма и пользовался такой репутаціей еще въ эпоху Сельджукидовъ. Въ Себзеварѣ въ XIV в. возникла уже упомянутая шіитская династія Сербедаровъ, послѣдній представитель которой добровольно подчинился Тимуру въ 1381 г. Нынѣшній городъ построенъ въ началѣ XIX в. мятежнымъ ханомъ Али-Яромъ. Фрезеръ (Journey, 380) ошибочно полагалъ, что нѣкогда, до начала XIII в., Себзеваръ вмѣстѣ съ Хосруджирдомъ составлялъ одинъ городъ; изъ словъ арабскихъ географовъ видно, что уже въ X в. между Хосруджирдомъ и Себзеваромъ было разстояніе въ фарсахъ (такъ у Макдиси, 318; по Истахри, 284 — около 2 фарс.), что вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему разстоянію между Себзеваромъ и сохранившимся минаретомъ Хосруджирда, одной изъ любопытныхъ средневѣковыхъ построекъ. Какъ видно изъ куфической надписи, онъ поставленъ въ Сельджукскую эпоху, въ 505 г. хиджры (1111 — 1112 г. по Р. Хр.). Изображеніе башни помѣщено въ книгѣ Кэрзона (I, 270).

На дальнѣйшемъ пути упоминаются селенія *Михръ*, *Мезинанъ* и *Бехменабадъ*, существующія и теперь. Отъ Бехменабада считали еще 6 фарсаховъ до *Асадабада*, самаго западнаго изъ хорасанскихъ городовъ. Такимъ образомъ западная граница Хорасана проходила близъ нынѣшняго селенія Аббасабада, устроеннаго въ началѣ XVII в. шахомъ Аббасомъ Великимъ для грузинскихъ переселенцевъ, теперь давно принявшихъ исламъ и персидскій языкъ, хотя въ ихъ діалектѣ, какъ говорятъ, еще сохранились слѣды языка ихъ предковъ. Къ селенію Мезинанъ съ востока прилегаютъ обширныя развалины города *Месшедабада*, построеннаго въ началѣ XIX в. вышеупомянутымъ мятежнымъ ханомъ Али-Яромъ и разрушеннаго послѣ усмиренія возстанія.

Описанная часть Хорасана всегда имѣла главное значеніе въ исторіи этой страны; въ X в. къ Нишапуру причислялись даже округа, расположенные за горами, ограничивающими Нишапурскую равнину съ

юга, какъ округъ Пуштъ, съ главнымъ городомъ *Туршизомъ*; послѣднее названіе теперь прилагается ко всему округу; самый городъ упоминается то подъ тѣмъ же названіемъ, то подъ названіемъ Султанабада. Еще въ X в. этотъ округъ былъ извѣстенъ своимъ необыкновеннымъ плодородіемъ; вслѣдствіе теплаго климата плоды созрѣвали здѣсь раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Хорасана (Макдиси, 318).

VI.

Кумисъ и Джурджанъ.

Часть главнаго пути между нынѣшними селеніями Аббасабадомъ и Ласгирдомъ арабскіе географы включали въ составъ особой области *Кумисъ* (قومس), которая подъ названіемъ Κωμισηνή упоминается уже у Исидора Харакскаго. Въ X в. Кумисъ входилъ въ составъ владѣній Буидовъ, которые однако платили Саманидамъ часть доходовъ съ этой области и сосѣдняго Рейя, всего 200000 динаровъ. Эта политическая граница, повидимому, была чисто искусственной и потому подвергалась частымъ ре-
5 ремѣнамъ. Въ эпоху арабскаго завоеванія восточная часть Кумиса входила въ составъ Хорасана; еще Я'куби (276) называетъ Дамганъ первымъ городомъ Хорасана.

Въ восточной части Кумиса, между Аббасабадомъ и Шахрудомъ, повидимому, никогда не было сколько-нибудь значительныхъ поселеній. Здѣсь спускаются къ равнинѣ послѣдніе отроги хорасанскихъ горъ; дорога проходитъ у подножія и отчасти между грядами этихъ холмовъ. Постепенно понижающіяся гряды холмовъ представляли удобный путь для набѣговъ туркменъ, прекратившихся только послѣ завоеванія Этека русскими. До тѣхъ поръ считалось небезопаснымъ проходить это пространство безъ конвоя; изъ Шахруда на востокъ и изъ Мезинана на западъ дважды въ мѣсяцъ отправлялись небольшіе военные отряды, смѣнявшіе другъ друга въ мѣстѣ ихъ встрѣчи въ селеніи Міяндештъ, гдѣ находятся старый караванъ-сарай, построенный Аббасомъ Великимъ, и новый, выстроенный изъ жженаго кирпича на подобіе крѣпости.

Слѣдующей плодородной мѣстностью является мѣстность по р. Шахрудъ, текущей со снѣжныхъ горъ Шахъ-кухъ, вѣтви Эльбурса, отдѣляющаго берегъ Каспійскаго моря отъ Иранской возвышенности и достигающаго здѣсь высоты 13000 футовъ. Самый городъ *Шахрудъ* не имѣлъ большого значенія въ исторіи и не упоминается географами X в., которые

(Ибнъ-Русте, 170; Макдиси, 371) помѣщаютъ почтовую станцію въ Бедешѣ, у Фрезера (Journey, 345) селеніе Бедештъ въ 3½ англ. мил. къ востоку отъ Шахруда. Больше историческаго значенія имѣлъ г. *Бистамъ*, расположенный нѣсколько выше Шахруда, по теченію той же рѣки, въ плодородной долинѣ. Городъ, какъ полагаютъ (Марквартъ, 71), былъ основанъ въ VI в. Бистамомъ, намѣстникомъ Хорасана, Кумиса, Гургана и Табаристана, который во время смутъ сдѣлалъ попытку овладѣть престоломъ. Въ IX в. здѣсь жилъ одинъ изъ первыхъ суфійскихъ шейховъ Баязидъ (собств. Абу-Іезидъ) Бистами; въ X в. при арабскихъ географахъ Бистамъ былъ небольшимъ, но цвѣтущимъ городомъ (Истахри, 211; Макдиси, 356). Славу его до сихъ поръ составляетъ гробница шейха Абу-Іезида, котораго при жизни бистамцы двѣнадцать разъ изгоняли изъ своего города; говорятъ, что шейхъ при этомъ каждый разъ замѣчалъ: „счастливъ городъ, въ которомъ ерѣтикъ — Баязидъ!“ Сани-ад-дауля (78—79) съ горькимъ чувствомъ замѣчаетъ, что теперь всѣ они— почитатели гробницы шейха, оттого что общеніе съ его благородной личностью было для нихъ недоступно, а съ его могилой, состоящей изъ камня и глины, ихъ соединяетъ самая тѣсная родственная связь:

و اکنون همه معتقد قبر و تربت اویند و این از آنست که ایشانرا
با شخص شریف او مجالستی نبود اما با قبر او که سنك وکلوخ است
مناسبت تمام دارند

Нынѣшнее зданіе гробницы шейха, какъ и другія старыя зданія Бистама, относится къ XIV в. Зданіе подробно описано Сани-ад-дауля, который прилагаетъ также изображеніе его (69). Внутри зданія, при входѣ изъ одной части его въ другую, есть арабская надпись, указывающая дату постройки—702 г. хиджры (1302 г.). Ко двору, въ юго-западномъ углу котораго находится гробница, примыкаютъ еще нѣкоторыя зданія, между прочимъ гробница одного изъ Алидовъ, Мухаммеда б. Джа'фара, построенная въ XVI в., и мечеть, которую считаютъ болѣе старой постройкой, чѣмъ гробница Баязида. Къ мечети примыкаетъ минаретъ, замѣчательный тѣмъ, что приходитъ въ движеніе, когда стоятъ на его вершинѣ. Фрезеръ (Journey, 337) объясняетъ это тѣмъ, что башня построена изъ очень тонкаго кирпича и нѣсколько наклонена въ одну сторону; прочности постройки это, по его словамъ, нисколько не вредитъ. Вблизи гробницы находится еще зданіе, въ которомъ хранится высохшая мумія; Фрезеру говорили, что это основатель города Бистамъ-Мирза. Проходъ ведетъ съ этого двора въ медресе;

здѣсь построена красивая арка съ надписью, дающей дату постройки, 713 г. хиджры (1313). Къ числу древностей города принадлежитъ еще соборная мечеть (716 г. х.).

Несмотря на свои святыни, Бистамъ постепенно долженъ былъ уступить свое значеніе Шахруду, расположенному на главной дорогѣ изъ западной Персіи въ восточную, къ тому-же въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ этой главной дорогой соединяются почти всѣ пути съ сѣвера. Отъ Астрабада и юго-восточнаго берега Каспійскаго моря Шахрудъ отдѣленъ горами, черезъ которыя ведутъ высокіе, но не представляющіе особенныхъ трудностей перевалы; изъ Шахруда черезъ Бистамъ идетъ дорога черезъ сѣверную часть Хорасана, черезъ Джаджермъ и долину Исфераинъ, гдѣ въ средніе вѣка былъ городъ того-же имени, разрушенный Тимуромъ въ 1381 и впослѣдствіи афганцами въ 1731 г., нынѣ развалины Шехри-Билькисъ или Шехри-Саба, описанныя Іетомъ (Khurasan, 378 — 380). Въ Исфераинѣ съ этой дорогой соединялась дорога изъ Нишапура къ берегу Гургена, въ г. Гурганъ, столицу древней Гирканіи, также соединенную дорогой съ Бистамомъ. Наконецъ изъ Бистама черезъ Джаджермъ ведетъ еще путь къ сѣверной границѣ Хорасана, къ берегамъ Атрека, въ упомянутыя курдскія ханства Буджнурдъ, Кучанъ и Дерегезъ; еще у Фрезера (249) эти ханства носятъ названіе Курдистана. Такимъ образомъ, если, какъ можно думать, движеніе арійцевъ въ Персію происходило черезъ Этекъ и бассейнъ Гургена, то въ мѣстности около Бистама и Шахруда ихъ путь долженъ былъ соединиться съ нынѣшней главной дорогой. Кэрзонъ (I, 189) справедливо указываетъ на то, что войско, захватившее Астрабадъ, Бистамъ и Шахрудъ, этимъ самымъ совершенно отрѣзываетъ Хорасанъ отъ западной Персіи.

Въ древности къ Гирканіи причислялась и восточная часть нынѣшняго Мазандерана; но уже въ эпоху арабскихъ географовъ граница между *Табаристаномъ*, какъ тогда называли Мазандеранъ, и *Джурджаномъ* или Гурганомъ проходила въ небольшомъ разстояніи къ западу отъ Астрабада. По климатическимъ условіямъ культурная часть области, расположенная между Эльбурсомъ, Гургеномъ и берегомъ Каспійскаго моря, существенно отличается отъ Хорасана; здѣсь, какъ и въ другихъ прикаспійскихъ областяхъ Персіи, выпадаетъ большое количество осадковъ, вслѣдствіе чего страна покрыта цвѣтущими лугами и лѣсами. Фрезеръ, проникшій къ берегу Гургена съ востока, изъ Буджнурда, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ (Journey, 610) описываетъ пережитое имъ впечатлѣніе, когда глиняныя стѣны и плоскія глиняныя крыши хорасанскихъ построекъ, цвѣтъ которыхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ цвѣту почвы, смѣнились построй-

ками, воздвигнутыми главнымъ образомъ изъ деревянныхъ кольевъ, скрѣпленныхъ между собой глиной, съ деревянными полами; изъ дерева были сдѣланы даже предметы домашней утвари. Съ другой стороны сырость, накопляющаяся въ лѣсахъ, дѣлаетъ климатъ страны весьма вреднымъ для здоровья. Съ сѣвера страна совершенно открыта для набѣговъ кочевниковъ, противъ которыхъ еще въ эпоху Сасанидовъ воздвигались крѣпости.

Арабы завоевали Гурганъ гораздо позже чѣмъ Хорасанъ (именно только въ 717 г.) До завоеванія Гургана путь черезъ Кумисъ считался небезопаснымъ, и даже намѣстники Хорасана, назначавшіеся халифомъ, обыкновенно отправлялись черезъ южную Персію и Керманъ; только Кутейба ибнъ Муслимъ въ 705 г. совершилъ путь черезъ Рей и Кумисъ (Табари, II, 1322). Въ эпоху арабскихъ географовъ Гурганъ былъ столицей мѣстной династіи Зіяридовъ, основатель которой Мердавиджъ б. Зіяръ (928—935) завоевалъ часть Персіи и уже мечталъ о возстановленіи престола Сасанидовъ, когда былъ убитъ своими рабами (Ибн-ал-Асиръ, VIII, 226). Его преемники должны были подчиниться болѣе могущественнымъ династіямъ Буидовъ, Газневидовъ и, наконецъ, Сельджукидовъ; во второй половинѣ XI в. династія была уничтожена извѣстной сектой исмаилитовъ или асасиновъ. Такимъ образомъ послѣ Мердавиджа г. Гурганъ не имѣлъ уже политическаго значенія, но оставался, по описанію арабскихъ географовъ, первымъ по величинѣ городомъ въ прикаспійскихъ областяхъ. Истахри (213) съ восторгомъ говоритъ о плодородіи края, гдѣ соединялись культурныя растенія теплыхъ и холодныхъ климатовъ, гдѣ зимой падалъ снѣгъ и гдѣ несмотря на это росли пальмы. Гурганъ, наряду съ Табаристаномъ, славился своимъ шелкомъ.

Г. *Гурганъ* (у арабовъ Джурджанъ) находился на обоихъ берегахъ рѣки, которой дѣлился на двѣ части: Шахристанъ и Бекрабадъ, соединенныя между собою мостомъ. Шахристанъ находился на правомъ берегу, Бекрабадъ на лѣвомъ (Ибнъ-Хаукаль, 273). Уже въ X в. городъ пришелъ въ упадокъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ между Саманидами и Буидами, причемъ Зіяриды подчинялись то тѣмъ, то другимъ, въ зависимости отъ успѣховъ той или другой стороны. Къ эпохѣ Зіяридовъ относится сохранившаяся до настоящаго времени гробница Кабуса б Вашмгира, построенная въ 397 г. (1006—1007 гг. по Р. Хр.); зданіе описано Фрезеромъ (Journey, 612—614), Іетомъ (Khurasan, 240—242) и болѣе подробно Пославскимъ. Еще теперь совершенно отчетливо видна надпись куфическими буквами, которую приводитъ посѣтившій гробницу авторъ XII в. Сам'ани (Туркестанъ, ч. I, стр. 63). Морскимъ портомъ для Гургана

служила гавань *Абескунъ*, находившаяся, вѣроятно, при устьѣ Гургена, на мѣстѣ нынѣшняго селенія Гӱмӱшъ-тепе. Рядомъ съ ней упоминается и *Астрабадъ*, но не въ качествѣ торговаго центра, какимъ онъ является теперь, а въ качествѣ промышленнаго города; жители славились своимъ искусствомъ въ выдѣлкѣ шелковыхъ тканей. Теперь въ Астрабадѣ выдѣлываются только шерстяные ковры, но болѣе извѣстны другія отрасли промышленности, не существовавшія здѣсь въ средніе вѣка, именно мыловареніе и приготовленіе пороха.

Сѣвернѣе Абескуна, по восточному берегу Каспійскаго моря, былъ только одинъ населенный пунктъ, *Дехистанъ*, въ 6 дняхъ пути отъ Абескуна. Здѣсь была граница мусульманскихъ владѣній съ владѣніями кочевниковъ—турковъ изъ племени гузовъ; оттого здѣсь былъ рабатъ, причемъ это слово употребляется здѣсь въ своемъ первоначальномъ значеніи пограничнаго военнаго поста. Основаніе Дехистана приписывалось парѳянамъ; европейскіе ученые обыкновенно сближаютъ слово Дехистанъ съ названіемъ народа даевъ (Dahae), который, по описанію классическихъ географовъ, жилъ на востокъ отъ Каспійскаго моря. По Табари (II, 1323) въ 5 фарс. отъ Дехистана былъ островъ или вѣрнѣе полуостровъ (такъ у персидскаго географа X в.), на которомъ жилъ одинъ турецкій князь. Истахри (219) и Ибнъ-Хаукаль (277) знали Дехистанъ только какъ небольшое селеніе на берегу моря, гдѣ жили рыбаки; съ другой стороны по описанію Макдиси (358 — 359) Дехистанъ въ X в. состоялъ изъ цѣлаго ряда селеній, числомъ до 24; центромъ всего округа или рустака былъ городъ Ахуръ, расположенный по правую сторону дороги къ пограничному рабату; въ немъ былъ минаретъ, видный на большое разстояніе. Рабатъ прежде былъ окруженъ стѣной, но въ то время она уже была разрушена по распоряженію правительства, и прежній пограничный постъ сдѣлался мирнымъ, цвѣтущимъ селеніемъ; въ немъ было много базаровъ и мечетей; изъ послѣднихъ Макдиси отдѣльно называетъ старую мечеть съ деревянными столбами и другую мечеть съ минаретомъ, принадлежавшую, въ отличіе отъ прочихъ, не ханифитамъ, а шафіитамъ. Точно опредѣлить, гдѣ находился этотъ пограничный пунктъ мусульманскихъ владѣній, мы не можемъ, пока не рѣшенъ вопросъ о томъ, насколько за послѣднее тысячелѣтіе измѣнилось очертаніе восточнаго берега Каспійскаго моря. Историческія извѣстія объ этой мѣстности крайне скудны; мы ничего не знаемъ о томъ, когда пересталъ существовать Дехистанъ и когда исчезли здѣсь послѣдніе слѣды персидской культуры и городской жизни. По линіи Атрека есть слѣды большихъ ирригаціонныхъ сооруженій, но современные изслѣдователи, какъ Пославскій, допускаютъ существованіе

здѣсь искусственнаго орошенія только при томъ условіи, что въ Атрекѣ, Сумбарѣ и Чандырѣ когда-то воды было неизмѣримо больше, чѣмъ въ настоящее время, и что вода не имѣла такого горько-соленаго вкуса, какъ теперь. Измѣненіе теченія Атрека предполагаютъ также на основаніи положенія развалинъ города, извѣстныхъ подъ названіемъ *Мешхеди-Мисріянъ*, т. е. „мѣсто мученичества египтянъ“ (на картахъ часто „Месторіанъ)“. Описаніе развалинъ далъ въ началѣ 30-хъ годовъ XIX в. путешественникъ Конолли (I, 76—77); болѣе подробно, съ приложеніемъ плана, описаны развалины Коншинымъ (152—153). Городъ занималъ пространство въ 120 десятинъ, былъ окруженъ стѣной изъ жженаго кирпича, имѣвшей форму пятиугольника, съ бастіонами на южной сторонѣ. Въ серединѣ находились два высокихъ минарета при оштукатуренной мечети, хорошо сохранившейся; съ обѣихъ сторонъ ея были видны слѣды высокихъ воротъ ввидѣ арокъ, съ голубыми изразцами, какія бываютъ теперь у царскихъ дворцовъ въ Персіи. У восточныхъ воротъ стояла еще большая бѣлая мечеть, также хорошо сохранившаяся. Мѣстное преданіе приписывало разрушеніе города калмыкамъ, которые появились въ этихъ мѣстахъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв. Къ городу былъ проведенъ каналъ изъ Атрека, длиной въ 50 верстъ. Развалины находятся такъ далеко отъ нынѣшняго морского берега, что мы не можемъ сказать, имѣютъ ли онѣ какое-нибудь отношеніе къ Дехистану X в., состоявшему, какъ мы видѣли, изъ группы городовъ, причемъ по крайней мѣрѣ главное поселеніе находилось непосредственно на берегу моря. Существующія теперь развалины зданій, какъ видно изъ ихъ описанія, относятся къ сравнительно недавнему времени; когда пересталъ существовать городъ Дехистанъ и былъ ли онъ дѣйствительно разрушенъ калмыками, объ этомъ историческіе источники, насколько намъ извѣстно, не говорятъ.

Въ X в. въ Кумисѣ не было значительныхъ городовъ, хотя выдѣлывавшіяся тамъ хлопчатобумажныя и шерстяныя ткани пользовались большимъ распространеніемъ. Самымъ значительнымъ городомъ области былъ *Дамганъ*, но и онъ названъ у Макдиси (355) небольшимъ городомъ. Между Дамганомъ и другимъ городомъ, *Семнаномъ*, въ средніе вѣка, какъ и теперь, были двѣ дороги; Ибнъ-Русте (169—170) описываетъ прямой путь черезъ перевалъ Ахуанъ, по которому и теперь совершается почтовое движеніе, а Истахри (215—216) и другіе географы X в. — кружный путь черезъ селеніе Фратъ. Въ Дамганѣ и Семнанѣ есть средневѣковые минареты (2 въ Дамганѣ и 1 въ Семнанѣ), похожіе по архитектурѣ на минаретъ Хосруджирда. Мѣстность замѣчательна еще тѣмъ, что здѣсь находилась столица Парѳіи, извѣстная намъ только подъ

ея греческимъ названіемъ Ἑκατόμπυλος, т. е. „стовратный“. Вопросъ о точномъ мѣстоположеніи этого города остается спорнымъ; Томашекъ (Persien, I, 223) принимаетъ мнѣніе одного изъ своихъ предшественниковъ, Шиндлера, по которому городъ находился по серединѣ треугольника, образуемаго Дамганомъ и селеніями Фратъ и Гуше.

VII.

Рей и Хамаданъ.

Западной границей Кумиса считалась станція راس الكلب, въ низкихъ горныхъ отрогахъ къ западу отъ Ласгирда; отъ плодороднаго округа *Хуваръ* (خوار, Χόαρα Птолемея и Χοαρηνή Исидора Харакскаго) эта мѣстность отдѣлена солончаковой степью, въ которой находится селеніе Дих-и-Немекъ или Диз-и-Немекъ, у арабовъ قصر الملح. Главное селеніе округа Хуваръ теперь носитъ турецкое названіе Кышлакъ („зимовка"). Путешественники описываютъ сторожевыя башни въ степи, служившія до послѣдняго времени для защиты отъ набѣговъ туркменъ; изъ описанія Ибнъ-Русте (169) видно, что подобныя башни были здѣсь уже въ началѣ X в. Округъ Хуваръ отдѣленъ отъ Рейя горнымъ проходомъ; проходъ, идущій спиралью по горной цѣпи, то расширяющійся, то снова суживающійся, по мнѣнію большинства ученыхъ, тожественъ съ „Каспійскими воротами" древнихъ, черезъ которыя прошелъ Александръ Македонскій, когда преслѣдовалъ Бесса. Отъ западнаго конца этого прохода Ибнъ-Русте считаетъ еще 3 фарс. до селенія Афридунъ и отъ этого селенія еще 9 фарсаховъ до города Рейя.

Рей, древняя Рага, былъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Ирана; городъ Рага въ Мидіи упоминается уже въ VI в. до Р. Хр. въ надписяхъ Дарія. Вслѣдствіе своей древности онъ носилъ названіе شيخ البلاد или, подобно Балху, ام البلاد. Впослѣдствіи Селевкиды построили у самаго горнаго прохода г. Харакъ, въ средніе вѣка Арази, куда парѳянскій царь Фраатъ I, въ первой половинѣ II в. до Р. Хр., переселилъ народъ мардовъ (Томашекъ, Persien, I, 221). Рей былъ завоеванъ арабами въ VII в. и служилъ иногда мѣстопребываніемъ арабскихъ намѣстниковъ, которымъ была подчинена вся восточная часть Персіи до Хорасана включительно. Однимъ изъ такихъ правителей былъ въ царствованіе сво-

его отца, халифа Мансура, будущій халифъ ал-Мехдій (отецъ Харуна ар-Рашида), который построилъ городъ и назвалъ его по своему имени Мухаммедіей; это названіе часто встрѣчается на монетахъ, чеканенныхъ ал-Мехдіемъ въ бытность его наслѣдникомъ престола. Въ эпоху географовъ X в. Рей былъ значительнымъ городомъ, хотя уступалъ Нишапуру по величинѣ и богатству (Макдиси, 391). Подобно другимъ большимъ городамъ Рей дѣлился на шахристанъ, кухендизъ и рабадъ; соборная мечеть, построенная ал-Мехдіемъ, находилась, какъ въ Самаркандѣ и Бухарѣ, между цитаделью и шахристаномъ; о цитадели Ибнъ-Русте (169) говоритъ, что она стояла на крутой горѣ и что съ вершины этой горы открывался видъ на все пространство города, длина и ширина котораго равнялись, по нѣкоторымъ опредѣленіямъ (Макдиси 391), фарсаху, по другимъ (Истахри, 207) $1^1/_2$ фарс. И крѣпость и шахристанъ въ X в. были покинуты жителями; какъ и въ другихъ крупныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ, жизнь всецѣло перешла въ рабадъ, гдѣ находились многочисленные базары. Главный базаръ носилъ названіе Руде, по имени протекавшей здѣсь рѣчки; кромѣ воды двухъ рѣчекъ, жители пользовались водою колодцевъ. Округъ славился плодородіемъ и теплымъ климатомъ, такъ какъ былъ защищенъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ; но въ то-же время климатъ Рейя, какъ теперь климатъ Тегерана, считался очень вреднымъ для здоровья, особенно лѣтомъ. Отовсюду въ городѣ и еще на большое разстояніе къ югу отъ него былъ виденъ вулканъ Демавендъ, вышиной въ 5900 метровъ. Объ изверженіяхъ вулкана и въ X в. ничего не говорится, но на вершинѣ его постоянно виднѣлся дымъ (Истахри, 210). Какъ извѣстно, въ персидскихъ миѳахъ Демавендъ является мѣстомъ заключенія злого Зохака, побѣжденнаго Феридуномъ.

Городъ Рей пострадалъ въ XI в. отъ нашествія гузовъ, но оправился при Сельджукидахъ; здѣсь былъ похороненъ основатель могущества этой династіи Тогрулъ-бекъ. Рѣшительный ударъ былъ нанесенъ городу монгольскимъ нашествіемъ 1220 г. По разсказу Якута (II, 893—894) городъ еще прежде почти опустѣлъ вслѣдствіе раздоровъ между ханифитами и шафіитами. О соперничествѣ этихъ двухъ толковъ упоминаетъ уже въ X в. Макдиси (391), по словамъ котораго должность имамовъ соборной мечети одинъ день занимали ханифиты, другой шафіиты. Въ XIII в. раздоры приняли характеръ вооруженной борьбы; изъ разсказа Якута можно заключить, что одинъ толкъ преобладалъ среди горожанъ, другой среди сельскихъ жителей; слѣдовательно, по всей вѣроятности, эта вражда была вызвана не столько религіозными, сколько экономическими мотивами.

Послѣ монгольскаго погрома городъ уже не вернулъ своего прежняго значенія. Однимъ изъ девяти округовъ или *туменей* (تومان), на которые былъ раздѣленъ Иракъ Персидскій, т. е. древняя Мидія, при монголахъ былъ Рей съ окрестными городами и селеніями (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 166, 172) но главнымъ городомъ этого туменя былъ не Рей, а *Вераминъ*, теперь также лежащій въ развалинахъ. Въ качествѣ селенія Вераминъ упоминается уже у географовъ X в. (Истахри, 209). Округъ управлялся при монголахъ особыми наслѣдственными правителями. Г. Рей былъ отчасти возстановленъ въ царствованіе ильхана Газана (1295—1304); была построена (или вѣрнѣе возстановлена) крѣпость, носившая названіе Табарекъ, въ сѣверной части города, у подошвы горы, существовавшая уже въ XII в. (Ибн-ал-Асиръ, IX, 268). Жители округа въ то время были большею частью шіитами, а за ханифитами оставалось только нѣсколько деревень. Послѣ распаденія государства Хулагидовъ Рей, какъ въ X в., раздѣлилъ судьбу прикаспійскихъ областей и вошелъ въ составъ владѣній эмира Вели, овладѣвшаго Астрабадомъ и Мазандераномъ. Въ 1384 г. эмиръ Вели былъ разбитъ около Астрабада Тимуромъ, и въ этомъ же году войска Тимура заняли Рей безъ боя. Такимъ образомъ Рей при Тимурѣ не подвергался погрому. При описаніи походовъ Тимура нѣсколько разъ упоминается Рей, причемъ подъ этимъ названіемъ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать мѣстность, а не городъ этого имени. Клавихо (187), проѣзжавшій здѣсь въ 1404 г., нашелъ на мѣстѣ прежняго Рейя однѣ развалины. Предпочтеніе Верамина отчасти объясняется бо́льшимъ количествомъ воды въ этомъ городѣ, пользующемся самой значительной рѣчкой мѣстности, Джаджъ-рудомъ. Но кромѣ Верамина значительнымъ городомъ уже въ XV в. былъ Тегеранъ, нынѣшняя столица Персіи, въ которую, повидимому, постепенно переселились жители Рейя и Верамина.

Развалины Рейя описывались нѣсколько разъ, между прочимъ еще въ 20-хъ годахъ XIX в. Керъ-Портеромъ (I, 358—364); сдѣланный имъ планъ развалинъ никогда не утратитъ своего значенія, такъ какъ остатки стѣнъ и зданій теперь уже не такъ отчетливо видны, какъ прежде; кирпичами старыхъ построекъ пользовались и отчасти пользуются до сихъ поръ жители Тегерана для постройки своихъ домовъ. Самой замѣтной частью развалинъ является, конечно, стоящая на крутой скалѣ цитадель домонгольскаго періода; по словамъ Ферье (I, 107), мѣстные жители называютъ теперь эту гору البرج, башня. У подошвы горы находится еще другая цитадель, очевидно, крѣпость Табарекъ, возстановленная при Газанъ-ханѣ. Вся площадь развалинъ образуетъ треугольникъ,

вершину котораго составляетъ гора съ цитаделью. Изъ отдѣльныхъ зданій замѣчательны двѣ башни съ куфическими надписями, изъ которыхъ одна, подобно зданію въ Тусѣ, носитъ названіе نقارخانه; по словамъ Кэрзона, она въ послѣдніе годы до его путешествія, т. е. въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, подверглась реставраціи, исказившей ее до неузнаваемости. Существуетъ однако изображеніе башни въ ея прежнемъ видѣ, между прочимъ въ книгѣ Дюбэ (Dubeux) „La Perse“ (иллюстрація № 37). Былъ въ Рейѣ прежде барельефъ эпохи Сасанидовъ, съ изображеніемъ царя верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ; но въ XIX в., въ концѣ царствованія Фатхъ-Али-шаха, барельефъ былъ стертъ и замѣненъ изображеніемъ этого шаха, пронзающаго копьемъ льва (Кэрзонъ, I, 352).

Среди развалинъ Верамина также есть нѣсколько красивыхъ средневѣковыхъ построекъ; особенно красива мечеть XIV в., постройка которой приписывается ильхану Абу-Сеиду (1316—1335 гг.). Изображеніе и описаніе этого зданія можно найти въ книгѣ Дьеляфуа.

Замѣнившій эти города *Тегеранъ*—городъ настолько новый, что подробное описаніе его не можетъ входить въ курсъ исторической географіи. Въ своемъ первоначальномъ видѣ городъ мало отличался отъ другихъ персидскихъ городовъ и представлялъ собою четыреугольникъ, съ воротами по серединѣ каждой стороны и еще двумя воротами и цитаделью въ сѣверной части, гдѣ еще до сихъ поръ помѣщается дворецъ шаха. Современный Тегеранъ есть созданіе покойнаго шаха Насир-ад-дина, который въ 1870—72 гг. расширилъ и перестроилъ городъ, взявъ за образецъ переустройство Парижа при Наполеонѣ III. Городъ теперь имѣетъ видъ осьмиугольника, болѣе 15 верстъ въ окружности, съ 12 воротами; укрѣпленія построены по образцу парижскихъ укрѣпленій до франко-прусской войны, но не вооружены пушками и вообще для защиты города совершенно безполезны. Нѣкоторыя изъ воротъ представляютъ монументальныя постройки; внутри города проведены бульвары, устроены площади и воздвигнуто нѣсколько красивыхъ зданій. Кэрзонъ (I, 306—307) находитъ, что, какъ ни много еще остается сдѣлать для благоустройства города, вообще Насир-ад-динъ удачно разрѣшилъ задачу переустройства города на европейскій образецъ, безъ ущерба для своеобразной восточной красоты.

Подобно другимъ большимъ городамъ Персіи, Тегеранъ также имѣетъ свою религіозную святыню—гробницу Шахъ-Абд-ал-Азима, одного изъ потомковъ Алія, бѣжавшаго въ Рей отъ халифа Мутеваккиля и скончавшагося здѣсь въ 861 г. по Р. Хр. امام زاده عبد العظيم упоминается среди похороненныхъ въ Рейѣ лицъ уже у Хамдаллаха Казвини (изд. Ше-

фера, 176), хотя и не на первомъ мѣстѣ. Съ Рейемъ связано еще имя другого Алида, Хамзы, сына имама Мусы и брата Али ар-Ризы; при Хамдаллахѣ Казвини (174) въ окрестностяхъ Тегерана показывали пещеру, гдѣ исчезъ безслѣдно святой, скрываясь отъ своихъ гонителей. Нынѣшнее зданіе надъ гробницей Абд-ал-Азима (Кэрзонъ, I, 346), какъ видно изъ надписи на фронтонѣ, выстроено шахомъ Насир-ад-диномъ и считается святыней (بست), куда невѣрнымъ запрещается входъ и гдѣ мусульманинъ пользуется правомъ убѣжища; внѣшнимъ символомъ этого права служитъ протянутая передъ зданіемъ веревка. Гробница находится въ 9 в. отъ Тегерана, съ которымъ соединена желѣзной дорогой, пока единственной во всей Персіи.

Въ Рейѣ арійцы при своемъ движеніи на западъ уже вступили въ страну, куда проникали ассирійскія войска и которая, слѣдовательно, могла находиться подъ нѣкоторымъ вліяніемъ месопотамской культуры. Ассирійцы при царѣ Ассархадонѣ (681—668) доходили до Эльбурса и Демавенда, но эти походы имѣли характеръ набѣговъ и не помѣшали мидянамъ въ царствованіе слѣдующаго царя Ассурбанипала (668 — 626) воспользоваться временемъ, когда ассирійцы были заняты въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Хузистанѣ, для образованія сильнаго мидійскаго государства. Соединеніе мелкихъ родовыхъ единицъ въ одинъ государственный организмъ было достигнуто мидянами только въ мѣстности, гдѣ находится нынѣшній Хамаданъ, т. е. непосредственно у горныхъ цѣпей, отдѣляющихъ Иранъ отъ Месопотаміи. Здѣсь находилась „страна Дейока“, мѣсто дѣятельности дѣйствительнаго или миѳическаго основателя мидійскаго государства.

По изслѣдованію Томашка (Persien, I, 154) путь между Хамаданомъ и Рейемъ (т. е. между Экбатаной и Рагой) въ древности совпадалъ съ нынѣшнимъ и шелъ черезъ Зерендъ; арабскіе географы описываютъ болѣе кружный путь черезъ г. Саву. По кратчайшему пути между Хамаданомъ и Рейемъ считается 49 фарсаховъ (302½ в.). Хотя этотъ путь проходитъ отчасти по горамъ, но ни одинъ перевалъ не представляетъ серьезнаго затрудненія для вьючнаго движенія, а за исключеніемъ 50-верстнаго участка Кушкекъ-Маздаканъ — даже для колеснаго; кромѣ того, на пространствѣ между Кушкекомъ и Маздаканомъ движеніе иногда пріостанавливается вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ (Туманскій, 29). Кружный путь, по описанію арабскихъ географовъ, равнялся 61 ф. На этомъ пути было замѣчательно селеніе *Мешкуя*, въ 8 ф. отъ Савы и въ 15 ф. отъ Рейя, гдѣ упоминается у Ибнъ-Русте (168) интересный замокъ до мусульманской эпохи, съ фигурами изъ дерева и съ позолоченной крышей; при

замкѣ былъ садъ и въ немъ ключъ, изъ котораго вытекала рѣчка, орошавшая сосѣднія пашни. Между Мешкуей и слѣдующей станціей на пути къ Рейю переправлялись черезъ рѣку, нынѣ Аб-и-Шуръ, по кирпичному арочному мосту, съ котораго уже былъ виденъ Демавендъ.

Такимъ образомъ кружный путь возникъ здѣсь не вслѣдствіе какихъ-либо физико-географическихъ препятствій на главномъ, а вслѣдствіе значенія г. Савы, которому и теперь подчиненъ находящійся на главномъ пути округъ Зерендъ; здѣсь отдѣляется одинъ изъ путей въ южную Персію. Округъ Сава входитъ въ составъ Кумской области, къ которой его причисляетъ уже въ X в. Ибн-ал-Факихъ (265); въ политическомъ отношеніи мѣстность подчинялась Рейю, а не Хамадану; таможенный постъ рейскаго владѣтеля находился, по описанію Ибнъ-Русте (168), еще къ западу отъ мѣста раздѣленія дорогъ изъ Хамадана въ Саву и Зерендъ, немного восточнѣе существовавшаго уже тогда селенія Посты. Городъ *Сава* считался основаннымъ уже въ мусульманскій періодъ; въ домонгольскую эпоху онъ, повидимому, не имѣлъ большого значенія, хотя въ разсказѣ о его завоеваніи монголами говорится о сожженіи богатой библіотеки (Якутъ, III, 24). И здѣсь, какъ въ Рейѣ, происходила борьба между горожанами—суннитами шафіитскаго толка и сельскими жителями—шіитами. Центромъ шіитства и борьбы съ суннитами Савы было селеніе *Ава,* на небольшомъ разстояніи къ югу отъ города. Сава была возстановлена мѣстнымъ правителемъ въ XIV в., повидимому, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде; городъ оставался суннитскимъ, хотя въ немъ находилась одна изъ шіитскихъ святынь, могила брата имама ар-Ризы Исхака. Кромѣ того, въ окрестностяхъ города уже въ XIV в., какъ теперь, показывали могилу пророка Самуила (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 186).

Широкая и плодородная долина, въ которой, по разсказу Геродота, Дейокъ построилъ свою столицу, окруженную семью рядами стѣнъ, образована двумя отрогами горы Эльвендъ или Эрвендъ, у грековъ Оронтъ, и орошена рѣчкой Мурадъ-бекъ-чай и множествомъ колодцевъ. Вслѣдствіе обилія орошенія въ городѣ и его окрестностяхъ всегда было множество садовъ съ плодовыми деревьями и виноградниковъ; были и пашни, но хлѣбъ былъ дурного качества (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 198), вѣроятно вслѣдствіе холоднаго климата: долина расположена на высотѣ 6000 ф. надъ уровнемъ моря. Нынѣшнее названіе *Хамаданъ* есть только измѣненная форма древне-персидскаго Hagmatâna, греч. Ἀγβάτανα.

Экбатана оставалась царской резиденціей и послѣ паденія мидійскаго государства, при Ахеменидахъ; персидскіе цари проводили здѣсь

лѣто, вслѣдствіе высокаго мѣстоположенія и прохладнаго климата долины. Къ эпохѣ Ахеменидовъ относятъ нѣсколько колоннъ, сохранившихся въ городѣ, и изображеніе льва, о которомъ говоритъ еще Ибн-ал-Факихъ (241), приводящій стихи воспѣвшаго этого льва арабскаго поэта; уже на этого поэта левъ, лежавшій тогда у воротъ города, произвелъ впечатлѣніе такой глубокой древности, что онъ обращается къ нему съ вопросомъ, былъ ли онъ раньше времени или время раньше его:

أقبلك كان الدهر ام كنت قبله

Какъ при мидійскихъ царяхъ, такъ и при Ахеменидахъ экбатанская цитадель считалась самой сильной крѣпостью государства и самымъ безопаснымъ мѣстомъ для храненія царскихъ сокровищъ; здѣсь же сложилъ добычу своихъ походовъ Александръ Македонскій. Ту же роль городъ игралъ при парѳянахъ; по описанію Полибія (II в. до Р. Хр.), у подножія цитадели находился дворецъ, обильно выложенный золотыми и серебряными плитами; рядомъ былъ храмъ съ позолоченными колоннами. Исидоръ Харакскій помѣщаетъ въ Экбатанѣ сокровищницу (θησαυροφυλάκιον) и храмъ Анаиты, иранской богини плодородія. Цитадель Экбатаны обыкновенно помѣщаютъ на мѣстѣ нынѣшняго холма Мусалля, послѣдняго отрога Эльвенда, къ юго-востоку отъ города, съ остатками старой крѣпости. Однако, въ средніе вѣка, какъ мы знаемъ изъ словъ Якута (IV, 981), указывали на развалины древняго замка въ селеніи Синджабадѣ, въ 2 ф. отъ мусульманскаго города. По преданію цари унесли свои сокровища отсюда вслѣдствіе дурного и вѣроломнаго характера жителей, на который, наравнѣ съ дурнымъ климатомъ, жалуются арабскіе географы (Макдиси, 392). Въ эпоху Сасанидовъ Хамаданъ, повидимому, не имѣлъ большого значенія и не принадлежалъ къ числу мѣстопребываній царя. Ибн-ал-Факихъ (229) отмѣчаетъ фактъ, что постройки Сасанидовъ находятся на всемъ протяженіи между ихъ столицей المدائن и переваломъ, раздѣляющимъ города Асадабадъ и Хамаданъ, на пути изъ Багдада въ Хорасанъ, тогда какъ за этимъ переваломъ, между прочимъ и въ Хамаданѣ, не было никакихъ подобныхъ построекъ.

Арабы взяли городъ черезъ полгода послѣ убіенія халифа Омара, весной 645 г. Въ новомъ городѣ было такъ мало остатковъ прежнихъ временъ, что Ибнъ-Хаукаль (260) могъ назвать существовавшій въ его время (въ X в.) городъ „новымъ, возникшимъ уже при исламѣ“. Длина и ширина города равнялись фарсаху; существовало преданіе, что онъ нѣкогда былъ гораздо обширнѣе и занималъ огромное пространство въ 4 фарсаха въ длину и въ ширину (Ибн-ал-Факихъ, 218). Описывая городъ, арабскіе гео-

графы не упоминаютъ о цитадели и говорятъ только о шахристанѣ съ 4 желѣзными воротами, занимавшемъ середину города и пришедшемъ уже въ разрушеніе (Макдиси, 392); базары и соборная мечеть помѣщались въ рабадѣ, окружавшемъ шахристанъ со всѣхъ сторонъ. По количеству населенія и богатству городъ уступалъ Рейю. Въ X и XI вв. городъ былъ столицей нѣкоторыхъ мѣстныхъ правителей, особенно изъ династіи Буидовъ, но вообще не имѣлъ выдающагося политическаго или военнаго значенія; за то онъ до настоящаго времени, несмотря на пережитые имъ періоды временнаго упадка, сохранилъ значеніе крупнаго торгово-промышленнаго центра. Какъ самый значительный городъ юго-западной Персіи, Хамаданъ былъ складочнымъ мѣстомъ для торговли этихъ областей съ западными странами; сюда свозились товары для перевозки въ Тебризъ и оттуда къ Черному морю въ Трапезунтъ; сюда-же, послѣ развитія англо-индійской торговли черезъ Басру и Багдадъ, стали свозиться изъ этихъ городовъ товары, предназначенные для юго-западныхъ провинцій Персіи. По словамъ Туманскаго (30), „обширный и оживленный хамаданскій базаръ переполненъ англо-индійскими товарами". Изъ Хамадана караваны съ этими товарами отправляются также въ Тегеранъ и по другому пути въ Рештъ, черезъ Аву. По Кэрзону (I, 566), въ его время (1889 г.) въ Хамаданѣ было не болѣе 20000 жит., но Туманскій, путешествовавшій всего пятью годами позже, опредѣлилъ это число уже въ 40 — 50000; по его словамъ, городъ разросся въ послѣднія 20 лѣтъ, вслѣдствіе развитія британо-багдадской торговли. Въ связи съ торговымъ значеніемъ города находится также присутствіе въ немъ значительнаго числа (по Кэрзону 1500 — 2000) евреевъ, мѣстныхъ и багдадскихъ; послѣдніе, по словамъ Туманскаго, являются преобладающимъ элементомъ на хамаданскомъ рынкѣ. Мѣстное населеніе крайне враждебно относится къ евреямъ, хотя наравнѣ съ евреями поклоняется еврейскимъ святынямъ города—мнимымъ могиламъ Эсѳири и Мардохея. Куполъ надъ зданіемъ носитъ, по словамъ Кэрзона, характеръ несомнѣнно новой постройки; тѣла покоятся въ деревянныхъ гробахъ, покрытыхъ еврейскими письменами. Керъ-Портеръ (II, 108) слышалъ, что нынѣшнее зданіе гробницы было выстроено уже послѣ Тимура и реставрировано въ XVII в. Вблизи этого зданія находится могила знаменитаго философа XI в. Авицены (собств. Абу-Али ибнъ Сина).

VIII.

Кухистанъ, Керманъ и Мекранъ.

Независимо отъ этого движенія мидянъ произошло, по всей вѣроятности, заселеніе арійцами южныхъ областей Персіи. Иранцы южныхъ областей объединены у Геродота (I, 125), въ противоположность мидянамъ, подъ общимъ названіемъ персовъ; къ персамъ причисляются также племена Δηρουσιαῖοι и Γερμάνιοι, отъ которыхъ получили свое названіе юго-восточныя области Гедросія, нынѣ Мекранъ, и Керманъ. И это движеніе происходило, вѣроятно, съ востока на западъ; отъ сѣверной вѣтви иранцевъ эти арійцы отдѣлились, можетъ быть, въ Хорасанѣ, заняли Сеистанъ, гдѣ осталось племя, упоминаемое у Геродота подъ названіемъ саранговъ; впослѣдствіи чаще употребляются названія народа Ζαράγγοι (Арріанъ), Zarangae (Плиній) и Δράγγαι (Арріанъ, Страбонъ), Drangae (Плиній) и названіе области Δραγγιανή, Drangiana; какъ мы видѣли, это названіе сохранилось въ средніе вѣка въ названіи столицы области, Зереджъ. Отдѣльное движеніе арійцевъ къ югу черезъ Сеистанъ предполагаетъ также Киперт (§ 67, № 2).

Двигаясь изъ Сеистана, арійцы прежде всего должны были пройти черезъ пустыню въ сѣверо-восточную часть нынѣшней области *Керманъ*, къ горнымъ отрогамъ, принадлежащимъ, по своему геологическому строенію и направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, къ системѣ Загроша, составляющей западную границу Ирана и прорѣзающей отдѣльными горными цѣпями самое плоскогоріе. Въ историческое время главное значеніе имѣла дорога изъ Сеистана въ Бамъ. Культурная полоса здѣсь отдѣлена отъ Сеистана обширнымъ степнымъ пространствомъ, но менѣе значительнымъ, чѣмъ простирающаяся къ сѣверу большая степь. Невысокая гряда холмовъ, идущая къ городу Хабису, дѣлитъ эту степь на двѣ части, Дешт-и-Кевиръ и Дешт-и-Лутъ; арабскіе географы объединяли обѣ части подъ однимъ названіемъ Хора-

санской степи (مفازة خراسان). Происхожденіе слова *кевиръ* еще не выяснено; Томашекъ (II, 582) видитъ въ немъ древне-иранское слово gawêr (كوير) отъ gaw (cavitas); но болѣе вѣроятно, что этотъ терминъ происходитъ отъ арабскаго корня قفر; قَفْر, мн. ч. قِفار или قِفور, значитъ „пустыня безъ воды и растительности“. Отличительные внѣшніе признаки кевировъ—совершенно ровное пространство, черная глинистая почва, зеленыя лужи воды и значительное количество соли, то лежащей въ степи отдѣльными бѣлыми пятнами, то покрывающей болѣе обширныя пространства ввидѣ тонкой бѣлой коры, которая хруститъ подъ ногами и издали походитъ на ледъ. Въ дождливое время кевиръ принимаетъ видъ грязнаго болота или даже обширнаго озера. „Хорасанская степь“ и на арабовъ произвела впечатлѣніе крайняго безплодія, даже въ сравненіи съ хорошо знакомыми имъ степями Аравіи и сѣверной Африки. Истахри (227—228) говоритъ, что въ Аравіи и сѣверной Африкѣ всѣ степи, за исключеніемъ отдѣльныхъ небольшихъ пространствъ, представляютъ хорошія пастбища и потому подѣлены между различными кочевыми племенами, тогда какъ Хорасанская степь почти вовсе не населена; глазъ видитъ только дорогу и почтовыя станціи по сторонамъ ея. Изъ словъ того же географа, однако, видно, что и здѣсь проходили кочевники, такъ какъ караваны подвергались опасности не только вслѣдствіе природныхъ условій пустыни, но и вслѣдствіе нападеній разбойниковъ; смѣлости послѣднихъ способствовало то обстоятельство, что пограничныя съ пустыней мѣстности находились подъ властью различныхъ правительствъ, и разбойники отъ преслѣдованія одного правительства могли спасаться во владѣніяхъ другого. Разбои, повидимому, производились жившими въ южной части Кермана белуджами и куфичами (القفص см. ниже). По словамъ Макдиси (489), Буидъ Адуд-ад-дауля (949—983) побѣдилъ эти народы и взялъ съ нихъ 80 юношей въ качествѣ заложниковъ; эти заложники постоянно находились въ заключеніи въ Ширазѣ и отпускались только въ обмѣнъ на соотвѣтствующее число другихъ. Послѣ этого разбойники не трогали каравановъ, имѣвшихъ проводника отъ султана Фарса, т. е. Адуд-ад-дауля; предметомъ грабежей разбойниковъ были только владѣнія и караваны Саманидовъ.

Нѣсколько дорогъ соединяютъ Керманъ съ *Кухистаномъ*, горной областью въ южной части Хорасана; особенно часто упоминается путь черезъ Раверъ и оазисъ Нейбендъ на Хуръ и путь черезъ Хабисъ на Хуспъ. Область Кухистанъ въ исторіи Персіи не имѣла большого значенія; уже въ X в. селенія были отдѣлены одно отъ другого обширными

пространствами, гдѣ могли жить только кочевники; рѣкъ въ области не было, а были только колодцы и подземные каналы (Истахри, 274—275). Въ южной части Кухистана росли пальмы; остальная часть области причислялась къ „холоднымъ“ мѣстностямъ. Томашекъ (Persien, II, 572) замѣчаетъ, что по Кухистану можно себѣ составить представленіе о томъ, какой видъ приметъ Персія послѣ многихъ тысячелѣтій, подъ вліяніемъ процесса высыханія и вывѣтриванія горныхъ породъ. Изъ городовъ главное значеніе имѣли *Каинъ* и *Тунъ*, вслѣдствіе чего у Марко Поло (45 — 46, 56—57) вся область носитъ названіе Тунокаинъ. Торговое значеніе имѣлъ только Каинъ, который названъ у Макдиси (321) „складочнымъ мѣстомъ товаровъ Хорасана и сокровищницей Кермана“ (فرضة خراسان وخزانة كرمان). Кромѣ того въ области было много горныхъ замковъ, вслѣдствіе чего Кухистанъ въ XI в. сдѣлался однимъ изъ центровъ могущества секты исмаилитовъ.

Пустыни Кермана, Мекрана и Синда считались менѣе безплодными, чѣмъ Хорасанская пустыня, и были населены кочевыми племенами. Мѣстности около горъ вполнѣ удобны для земледѣлія и садоводства, и здѣсь жители рано перешли къ осѣдлости; уже Геродотъ причисляетъ керманцевъ къ осѣдлымъ племенамъ Персіи. Арабы дѣлили культурныя мѣстности по виду воздѣлываемыхъ растеній на صرود и جروم, холодныя и теплыя, отъ персидскихъ словъ سرد и گرم. Въ Керманѣ только сѣверные округа, занимавшіе приблизительно четвертую часть всей области, причислялись къ صرود, всѣ остальные къ جروم, причемъ растенія земель первой категоріи безусловно не могли воздѣлываться въ южныхъ областяхъ, тогда какъ обратное явленіе иногда встрѣчалось (Истахри, 159). Самое характерное растеніе юга, финиковая пальма, въ настоящее время, по словамъ Туманскаго (129), перестаетъ расти значительно южнѣе города Кермана; но нѣсколько низкорослыхъ пальмъ Туманскій неожиданно увидѣлъ значительно сѣвернѣе, на пути изъ Іезда въ Тегеранъ, въ сел. Акде. Культурныя земли въ Керманѣ были расположены отдѣльными полосами и не представляли такого сплошного пространства, какъ въ Фарсѣ.

Города Кермана, упоминаемые арабскими географами, отчасти носятъ и теперь свои прежнія названія, какъ *Бамъ*, *Хабисъ*, *Зерендъ* и нѣсколько менѣе значительныхъ пунктовъ, напр. *Маханъ*, замѣчательный тѣмъ, что здѣсь находится единственный въ Керманѣ памятникъ временъ Ахеменидовъ; въ надгробномъ зданіи жившаго въ XV в. святого Ни'метуллаха Вели, основателя ордена дервишей Ни'метуллахи,

есть небольшая пирамида съ четыреугольнымъ основаніемъ, съ надписью на трехъ языкахъ (персидскомъ, ассирійскомъ и на языкѣ Сузіаны): „Я — Дарій, великій царь, царь царей, царь провинцій, царь этой земли, сынъ Гистаспа, Ахеменидъ". Откуда привезенъ сюда этотъ памятникъ, неизвѣстно. Названія нѣкоторыхъ городовъ, упомянутыхъ у географовъ X в., теперь употребляются преимущественно ввидѣ названій соотвѣтствующихъ округовъ, какъ Нармеширъ, Бардасиръ, Джируфтъ и др. Главнымъ городомъ Кермана арабы называютъ *Сирджанъ*; вѣроятно онъ находился не на мѣстѣ Сеидабада, нынѣшняго главнаго города округа Сирджана, а къ сѣверо-востоку отъ него, въ нынѣшнемъ округѣ Рафсинджанѣ, съ главнымъ городомъ Бехрамабадомъ, такъ какъ арабскіе географы считаютъ всего 2 дня пути отъ Сирджана до Зеренда (Le Strange).

По мнѣнію Томашка (Persien, I, 176) Сирджанъ сдѣлался столицей области при арабахъ; до этого столицей былъ г. Керманъ, построенный Ардаширомъ, основателемъ династіи Сасанидовъ, и получившій отъ него названіе Вехъ-Ардаширъ; это названіе арабами было передѣлано въ Бардасиръ. Городъ Бардасиръ подробно описанъ у Макдиси (461) и въ концѣ X в. былъ административнымъ и военнымъ центромъ области. Но Сирджанъ, какъ видно изъ исторіи арабскаго завоеванія, былъ столицей Кермана еще въ домусульманское время; городъ, основанный Ардаширомъ, повидимому, былъ только военнымъ лагеремъ; только во второй половинѣ X в., при Буидахъ, онъ сдѣлался главнымъ городомъ области и сохранилъ это значеніе при Сельджукской династіи, правившей здѣсь въ XI и XII вв. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этой династіи даетъ Мухаммедъ бенъ Ибрагимъ, писавшій въ XVII в., но на основаніи болѣе раннихъ, названныхъ имъ источниковъ. Сельджукскіе правители проводили семь мѣсяцевъ года въ Бардасирѣ, остальные пять — на югѣ, въ Джируфтѣ. Основателемъ этой вѣтви Сельджукидовъ былъ Кавардъ, братъ султана Алпъ-Арслана. Кромѣ Каварда, заботившагося преимущественно о постройкѣ каравансараевъ и другихъ сооруженій, облегчавшихъ путешествіе черезъ пустыню, цѣлый рядъ построекъ приписывается Мугисад-дину Мухаммеду I (1141—1156), кровожадному тирану, который, однако, былъ покровителемъ духовенства и пользовался его расположеніемъ. Онъ построилъ рядъ медресе, рабатовъ, мечетей и больницъ въ Бардасирѣ и Джируфтѣ; въ первомъ при соборной мечети имъ была устроена библіотека въ 5000 томовъ по разнымъ наукамъ (Мухаммедъ бенъ Ибрагимъ, 32—33).

Мѣстныя преданія и развалины стараго города доказываютъ, что г. *Бардасиръ* или Гуваширъ, носившій это названіе еще въ XIV в.,

стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго г. *Кермана*. Планъ города приложенъ къ книгѣ Ханыкова. Изъ зданій наиболѣе древнимъ считается мечеть Меликъ; мѣстное преданіе приписываетъ ея основаніе Меликъ-шаху (1072—1092); по историческимъ извѣстіямъ (Мухаммедъ б. Ибрагимъ, 20—21) она была построена мѣстнымъ правителемъ Тураншахомъ (1085—1097) въ рабадѣ, возникшемъ только въ эту эпоху. Соборная мечеть выстроена въ XIV в., при династіи Музаффаридовъ; сохранилась надпись съ датой постройки (1 шавв. 750 = 13 дек. 1349 г.). Въ X в. по Макдиси (462) отъ Бардасира до Махана былъ непрерывный рядъ садовъ; теперь это пространство, по словамъ Ханыкова (199), представляетъ пустыню почти столь же безплодную, какъ Дешт-и-Лутъ.

Въ X в. города Кермана мало отличались отъ другихъ городовъ Персіи и Средней Азіи и большею частью были окружены стѣной съ 4-мя воротами; только о главномъ городѣ Сирджанѣ говорится (Макдиси, 464), что онъ имѣлъ 8 воротъ. Изъ приводимыхъ арабскими географами свѣдѣній о Сирджанѣ можно упомянуть еще о словахъ Истахри (167), что вслѣдствіе недостатка дерева дома жителей имѣли видъ куполообразныхъ построекъ. Подобный типъ построекъ существуетъ въ Керманѣ и теперь; Туманскій (126), бывшій здѣсь въ 1894 г., говоритъ о селеніи Негаръ: „Большая часть дворовъ имѣетъ куполообразныя крыши, что показываетъ недостатокъ строевого лѣса“. Послѣ Сирджана самымъ значительнымъ городомъ былъ *Бамъ*, промышленный центръ края; выдѣлывавшіяся здѣсь хлопчатобумажныя ткани расходились по всему мусульманскому міру до Египта; ткани эти отличались необыкновенной прочностью; одежда изъ нихъ носилась отъ пяти до двадцати лѣтъ. Въ Бамѣ въ то время сосредоточивалось производство керманскихъ шалей, славящихся до сихъ поръ; въ то время, по словамъ Ибнъ-Хаукаля (223), цѣна одной шали доходила до 30 динаровъ, т. е. 150 руб. Въ настоящее время кромѣ керманскихъ шалей особенной извѣстностью пользуются керманскіе ковры; географы X в. о нихъ не говорятъ, но этотъ видъ ткацкаго искусства существовалъ уже въ XIV в., при Тимурѣ; мастера Фарса и Кермана доставили шелковые ковры для соборной мечети, выстроенной Тимуромъ въ Самаркандѣ и теперь извѣстной подъ названіемъ Биби-Ханымъ (Абдар-Реззакъ Самарканди, л. 18а). Въ сѣверной части Кермана, въ Кубенанѣ, по свидѣтельству Якута (IV, 316) и Марко Поло (56), сосредоточивалось приготовленіе окиси цинка или туціи; туція вывозилась изъ Кермана въ другія страны, какъ средство противъ глазныхъ болѣзней.

Въ южную часть Кермана, въ такъ называемыя „теплыя страны“ (гармсиръ), иранцы, конечно, проникли позже, чѣмъ въ сѣверную, и

здѣсь коренное населеніе до сихъ поръ отчасти сохранило свою обособленность отъ иранскихъ завоевателей. Въ географическомъ отношеніи эти мѣстности еще недостаточно изслѣдованы; не вполнѣ рѣшенъ даже вопросъ, гдѣ кончаются внутренніе бассейны Ирана и гдѣ начинается бассейнъ Индійскаго океана. Округъ Джируфтъ орошается рѣчкой Халильрудъ (у нѣкоторыхъ путешественниковъ Халири); Томашекъ (Persien, I, 183) отвергаетъ мнѣніе Floyer, путешественника начала XIX в., по которому эта рѣка изливается въ море, и полагаетъ, что она теряется въ пескахъ; но еще въ 1894 г. Туманскій (124) слышалъ, что она впадаетъ въ море.

Отъ сѣв.-восточныхъ округовъ Кермана Джируфтъ былъ отдѣленъ горами *Баризъ*, теперь Джамаль-Баризъ. Населеніе этихъ горъ приняло исламъ только при Аббасидахъ и только при Саффаридахъ, въ концѣ IX в., фактически подчинилось мусульманскимъ правителямъ (Истахри, 164). Г. *Джируфтъ*, развалины котораго находятся недалеко отъ селенія Керимабада, въ домонгольскій періодъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ городовъ мусульманскаго міра. Здѣсь съ дорогой, шедшей отъ Персидскаго залива, изъ гавани Ормузъ (близъ нынѣшняго Бендеръ-Аббаса), соединялась дорога изъ Индіи черезъ Джалкъ (Истахри, 169; Макдиси, 486); отсюда товары, привозившіеся изъ Индіи, распространялись по другимъ персидскимъ областямъ. Въ X в. городъ по величинѣ уступалъ Сирджану и Баму (Истахри, 167), но благосостояніе его, повидимому, увеличилось при сельджукскихъ правителяхъ Кермана, при которыхъ онъ былъ одной изъ двухъ столицъ государства, рядомъ съ Бардасиромъ. Иностранные купцы жили главнымъ образомъ въ предмѣстьѣ *Камадинъ*, которое, по словамъ Мухаммеда б. Ибрагима (49), было „казной богачей и сокровищницей владѣльцевъ товаровъ востока и запада“:

خزينهٔ متموّلان وگنجخانهٔ ارباب بضايع شرق وغرب

Подъ названіемъ Камади Джируфтъ упоминается у Марко Поло (49), при которомъ городъ былъ уже совершенно разоренъ.

Дорога изъ Джируфта къ морю шла черезъ округъ *Рудбаръ*, также упоминаемый у Марко Поло. Между Рудбаромъ и берегомъ моря, въ горахъ, преимущественно къ востоку отъ дороги, жилъ народъ *кухичи* (قفص, у персовъ كوج или كوفچ), говорившій на особомъ языкѣ; по Истахри (164) онъ приписывалъ себѣ арабское происхожденіе. Въ странѣ было семь горныхъ цѣпей и надъ каждой особый начальникъ; всего считалось въ горахъ народа до 10000 мужчинъ. Эти горцы не

имѣли лошадей и производили свои набѣги пѣшими; тѣмъ не менѣе ихъ набѣги наводили страхъ на весь Керманъ и на пограничные округи Фарса и Седжестана. Въ религіозномъ отношеніи они придерживались шіитства и признавали надъ собой власть фатимидскихъ халифовъ (Ибнъ-Хаукаль, 221). Могущество Буида Адуд-ад-дауля положило конецъ ихъ набѣгамъ, но они возобновились въ началѣ XI в., при ослабленіи династіи Буидовъ; горцы овладѣли всей южной частью Кермана и г. Джируфтомъ, и только посредствомъ вѣроломства основатель династіи керманскихъ Сельджукидовъ Кавардъ отнялъ у нихъ эти области и подчинилъ ихъ своей власти (Мухаммедъ б. Ибрагимъ, 5—8). Томашекъ (Persien, I, 190) отожествляетъ страну народа قفص съ нынѣшней областью *Бешакирдъ*, которая раздѣляется на шесть округовъ; начальники подчиняются султану, живущему въ городѣ Ангуранѣ; власть персидскаго правительства фактически не признается. Доступъ въ страну крайне затруднителенъ; для вьюковъ пользуются только ослами мѣстной породы. Всего населенія считается не болѣе 2000 человѣкъ; кромѣ господствующаго народа персидскаго и белуджскаго происхожденія, тамъ живутъ порабощенные туземцы дравидскаго племени, въ которыхъ Томашекъ видитъ потомковъ народа قفص. Несмотря на близость къ морю, страна мало изслѣдована, и туземцы находятся на самой низкой ступени культуры.

Вообще изъ всего морского берега Персіи значеніе въ исторіи имѣлъ только берегъ Персидскаго залива, хотя удобныя бухты и якорныя стоянки встрѣчаются и дальше къ востоку. Ормузскій проливъ, отдѣляющій заливъ отъ океана, получилъ свое названіе отъ знаменитой гавани, которая до XIV в. находилась на материкѣ, нѣсколько восточнѣе нынѣшняго порта Бендеръ-Аббаса. Считали одинъ день пути между Ормузомъ и селеніемъ Суру, гдѣ жили рыбаки и гдѣ проходила дорога изъ Фарса въ Ормузъ (Истахри, 167 и 170). Въ X вѣкѣ *Ормузъ* былъ гаванью Кермана, хотя не отличался многолюдствомъ (Истахри, 166). Впослѣдствіи морская торговля съ Индіей сосредоточивалась главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ, Ормузѣ и Кишѣ, на островѣ того же имени въ Персидскомъ заливѣ (нынѣ Кейсъ). Вслѣдствіе торговаго соперничества владѣтель Киша всегда враждовалъ съ владѣтелемъ Ормуза; каждый старался вредить своему сопернику и останавливать его суда, вслѣдствіе чего торговля терпѣла большой ущербъ (Туркестанъ, 425). Въ концѣ XII в., когда Керманомъ овладѣли гузы подъ начальствомъ Динара, владѣтель Киша просилъ Динара уступить ему Ормузъ, обѣщая платить за это ежегодно 100000 динаровъ и присылать 50 арабскихъ коней (Мухаммедъ б. Ибрагимъ, 160—161).

Торговое значеніе Ормуза и Киша сохранялось и при монголахъ. По словамъ Марко Поло (261), главнымъ предметомъ вывоза изъ Ормуза, Киша и другихъ пунктовъ въ Индію, въ обмѣнъ на индійскіе товары, были лошади. Изъ словъ Марко Поло (308) мы кромѣ того узнаемъ, что владѣтель Ормуза считался вассаломъ владѣтеля Кермана, но часто не платилъ условленной дани и воевалъ со своимъ сюзереномъ. Онъ владѣлъ также арабскимъ берегомъ и гаванью *Кальхатомъ*, къ ю.-вост. отъ Маската; туда онъ удалялся, когда керманскій владѣтель посылалъ на него войско, и захватывалъ суда, шедшія въ Персидскій заливъ; владѣтель Кермана терпѣлъ такой убытокъ, что долженъ былъ соглашаться на миръ. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь династію арабскаго происхожденія, такъ какъ имя основателя династіи было Махмудъ Кальхати (Юль, Марко Поло, I, 113). Среднеазіатскіе арійцы вообще никогда не могли преодолѣть страха передъ моремъ, тогда какъ жители арабской береговой области, Омана, всегда были смѣлыми морскими разбойниками. Только самые сильные правители Персіи, какъ въ домонгольскій періодъ Буиды, особенно Адуд-ад-дауля, и Сельджукиды могли подчинить своей власти Оманъ.

Въ началѣ XIV в. грабежи, производившіеся монголами въ Керманѣ, заставили ормузскаго владѣтеля перенести городъ на островъ Зераунъ или Джераунъ (теперь Ормузъ). Здѣсь возникъ Новый Ормузъ въ 3 фарсахахъ отъ Стараго. Городъ оставался въ рукахъ арабовъ; въ началѣ XVI в. владѣтель долженъ былъ покориться португальцамъ, которые заняли и островъ Кишмъ; португальцы въ 1622 г. были вытѣснены изъ обоихъ пунктовъ шахомъ Аббасомъ. Послѣ шаха Аббаса островъ потерялъ значеніе, и торговою гаванью сдѣлался *Гомбрунъ* (нынѣ *Бендеръ-Аббасъ*). Климатическія условія какъ на островѣ, такъ и на материкѣ крайне неблагопріятны для европейцевъ; изнурительный зной усугубляется сыростью и пылью, хотя не достигаетъ такой степени, какъ на арабскомъ берегу. Морская торговля здѣсь и по берегу Мекрана находится въ рукахъ арабовъ; персы составляютъ только земледѣльческое населеніе. Со времени царствованія Надиръ-шаха до Насир-ад-дина Бендеръ-Аббасъ и нѣкоторые другіе прибрежные пункты и въ политическомъ отношеніи подчинялись арабскому султану Маската; но при Насир-ад-динѣ персидскому правительству удалось возстановить здѣсь свою власть. Теперь султану или имаму Маската принадлежатъ на сѣверномъ берегу моря только гавань и округъ *Гвадуръ* въ предѣлахъ Белуджистана.

Береговую полосу арійцы, очевидно, заняли уже послѣ Кермана. Свое греческое названіе, *Гедросія*, область, повидимому, получила

отъ той вѣтви персидскаго народа, которая у Геродота носитъ названіе Δηρουσιαῖοι. Нынѣшнее названіе, *Мекранъ*, дано странѣ не какимъ-нибудь арійскимъ племенемъ, а, по мнѣнію ученыхъ, происходитъ отъ названія народа дравидскаго происхожденія, который у грековъ носитъ названіе Μάκαι или Μύκαι, въ клинообразныхъ надписяхъ *Мака* или *Масійя*. У одного греческаго географа, Стефана Византійскаго, встрѣчается названіе области Μακαρηνή; у мусульманскихъ авторовъ, рядомъ съ формой Мекранъ, встрѣчается форма Макуранъ (Марквартъ, 31). Населеніе и теперь въ культурномъ отношеніи мало отличается отъ тѣхъ „ихтіофаговъ", которыхъ видѣлъ здѣсь Неархъ. О рыбахъ, какъ о главной пищѣ населенія, говорятъ также арабскіе географы. Вслѣдствіе бѣдности страны и дурныхъ климатическихъ условій берегъ Мекрана представлялъ мало привлекательнаго для мореплавателей, и на исторіи этой области почти совсѣмъ не отразилась оживленная морская торговля, всегда существовавшая между устьемъ Шатт-ал-араба и устьемъ Инда. На всемъ пространствѣ между Ормузомъ и гаванью *Дейбуль*, находившейся немного западнѣе устьевъ Инда (см. выше стр. 52), арабскіе географы называютъ только одну стоянку, островъ *Тизъ* у берега Мекрана; гавань Тизъ существуетъ и теперь на берегу той же бухты, какъ гавань *Чахбаръ*. Арабы упоминаютъ о жившемъ въ Мекранѣ народѣ الزُّطّ или الجت, вѣроятно, индійскаго происхожденія. Главные города Мекрана всегда находились внутри страны, гдѣ возможно земледѣліе, хотя вся страна, по словамъ Ибнъ-Хаукаля (235), страдала отъ недостатка воды; поэтому здѣсь преобладало кочевое населеніе. Число рѣкъ довольно велико, но русло ихъ впродолженіе значительной части года остается сухимъ. Главнымъ городомъ Мекрана до арабовъ былъ городъ *Пенджпуръ*, нынѣ, какъ полагаетъ Марквартъ, *Дизъ* въ округѣ Пенджгурѣ, въ Белуджистанѣ, недалеко отъ границы съ Персіей. При арабахъ возвысился *Кеджъ*, у арабскихъ географовъ كيز или كيج, оставшійся главнымъ городомъ области въ средніе вѣка; писатели XIII, XIV и XV вв. часто употребляли для обозначенія всей области терминъ كيج ومكران, вслѣдствіе чего Марко Поло (290) называетъ эту область, причисляемую имъ къ Индіи, Кесмакоранъ. Кеджъ теперь также находится въ предѣлахъ Белуджистана; главнымъ городомъ Мекрана и персидскаго Белуджистана теперь является *Бампуръ*; живущій здѣсь намѣстникъ подчиненъ намѣстнику Кермана.

IX.

Фарсъ.

Послѣ Кермана арійцы должны были занять *Фарсъ*, область, которая, какъ показываетъ уже ея названіе, сдѣлалась средоточіемъ персидскаго народа. Здѣсь представители южной вѣтви иранцевъ достигли политическаго объединенія и образовали сильное государство; и впослѣдствіи, когда персидскіе цари перенесли свое мѣстопребываніе въ болѣе богатыя области, Фарсъ не утратилъ для нихъ своего значенія, о чемъ свидѣтельствуютъ и теперь развалины построекъ, воздвигнутыхъ здѣсь Ахеменидами и Сасанидами. Изъ Фарса не только вышли основатели персидскаго государства въ VI в. до Р. Хр., но также династія, возстановившая въ III в. по Р. Хр. могущество персидской національности и религіи и съ успѣхомъ остановившая успѣхи римской имперіи, когда представители римской культуры, не ожидая національнаго возрожденія Персіи, считали окончательное торжество Рима надъ ослабѣвшимъ парѳянскимъ государствомъ только вопросомъ времени (Страбонъ, lib. VI, cap. 4). И въ мусульманскій періодъ Фарсъ сохранилъ свое значеніе для персидской національности; языкъ Фарса (زبان فارسی) остался литературнымъ языкомъ для всѣхъ персовъ.

Какъ Страбонъ, такъ и арабскіе географы дѣлятъ Фарсъ на три климатическихъ пояса, холодный, умѣренный и жаркій. Въ средней, наиболѣе плодородной полосѣ соединялись плоды холодныхъ и плоды теплыхъ странъ. Къ холодному поясу причислялись бассейнъ большого соленаго озера Бахтеганъ и всѣ округи къ сѣверу отъ него; къ Фарсу причислялся даже Іездъ съ его областью, географически тѣснѣе связанный съ Керманомъ. При своемъ движеніи изъ Кермана въ Фарсъ арійцы сначала заняли сѣверную часть Фарса и проникли въ эту страну по одному изъ трехъ путей, соединявшихъ, по описанію арабскихъ географовъ, Сирджанъ съ Фарсомъ. Одинъ изъ этихъ путей приводилъ въ го-

родъ *Истахръ*, расположенный, какъ извѣстно, около развалинъ древняго *Персеполя*. Долины рѣки Куръ и ея притока Парваба, Пульвара или Мургаба оставались центромъ Фарса до начала династіи Сасанидовъ. Долина Пульвара дѣлится ущельемъ, гдѣ находится деревня Сивендъ, на двѣ части, сѣверную и южную; въ сѣверной части находятся развалины Тахт-и-Мадер-и-Сулейманъ, въ которыхъ теперь большая часть ученыхъ видитъ развалины *Пасаргадъ*, древней столицы Персіи.

Среди этихъ развалинъ самое замѣчательное зданіе — такъ называемая гробница Кира, которую туземцы считаютъ „гробницей матери Соломона“, قبر مادر سليمان. Преданія о Соломонѣ, очевидно, были принесены сюда арабами; изъ словъ Истахри (123) мы знаемъ, что персы отожествляли Соломона со своимъ миѳическимъ царемъ Джемшидомъ. Уже въ то время въ окрестностяхъ Истахра показывалась мечеть Соломона; о развалинахъ Персеполя, теперь извѣстныхъ подъ названіемъ تخت جمشيد, разсказывали, что онѣ были выстроены для Соломона подчиненными ему джиннами. Что касается гробницы матери Соломона, то до сихъ поръ не всѣми признается принадлежность Киру этого зданія, котораго внутреннее устройство напоминаетъ гробницы Ликіи и Памфиліи; во внѣшности зданія видятъ слѣды египетской и даже греческой архитектуры. Трудно сказать, насколько нынѣшній видъ зданія соотвѣтствуетъ его первоначальному виду; по разсказу Арріана, Александръ Македонскій нашелъ гробницу разоренной и поручилъ Аристовулу реставрировать ее. Въ способѣ погребенія Кира, сильно отличающемся отъ способа погребенія другихъ царей персидскихъ, видны слѣды египетскаго вліянія, что объясняли тѣмъ, что Киръ былъ женатъ на египетской царевнѣ. Персидская и греческая надписи на гробницѣ, о которыхъ говорятъ Арріанъ и другіе писатели, теперь не сохранились. Вблизи видны остатки дворца Кира, теперь извѣстные подъ названіемъ „двора дивовъ“; на одной стѣнѣ сохранилась надпись, по обыкновенію на трехъ языкахъ: „Я царь, Киръ, Ахеменидъ“. Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшую персидскую клинообразную надпись, если только она дѣйствительно сдѣлана Киромъ. Барельефъ съ изображеніемъ крылатаго генія, въ подражаніе ассирійскимъ статуямъ, нѣкоторые принимали, въ виду находившейся надъ нимъ надписи упомянутаго содержанія, за изображеніе Кира, другіе, какъ Юсти (376), возражали, что такое изображеніе при жизни Кира было бы невозможно и что надпись только означаетъ, что Киръ — строитель зданія.

Миновавъ ущелье Сивенда, Пульваръ черезъ долину Хаджи-абадъ выходитъ на плодородную равнину Мервдештъ. По отзыву современныхъ

путешественниковъ (Туманскій, 71), эта равнина, простирающаяся до мѣста впаденія Пульвара въ Куръ, и теперь могла бы быть прекрасно орошенной и обработанной; но въ настоящее время подъ посѣвами находится только небольшая часть ея. Здѣсь находился возникшій при Даріи городъ, который намъ извѣстенъ только подъ его греческимъ названіемъ—Персеполь; о томъ, какъ назывался городъ у самихъ персовъ, существуютъ различныя предположенія. Дворцы Дарія и его преемниковъ выстроены на возвышенной террасѣ, на переднемъ выступѣ горы изъ сѣраго мрамора, спускающейся въ долину съ востока и доходящей почти до берега Пульвара. Эти великолѣпныя развалины изображались и описывались много разъ. Отъ построекъ ассирійскихъ царей дворцы Персеполя болѣе всего отличаются своими колоннами; послѣднія приписываются греческимъ мастерамъ, объ участіи которыхъ говорятъ также древніе писатели; имъ, можетъ быть, принадлежатъ и нѣкоторыя другія изваянія, причемъ, однако, эти мастера пользовались азіатскими мотивами. Нѣсколько сѣвернѣе этихъ развалинъ въ скалѣ изъ бѣлаго мрамора вырублены гробницы царей династіи Ахеменидовъ, извѣстныя теперь подъ названіемъ Накш-и-Рустемъ نقش رستم.

Городъ, носившій въ средніе вѣка названіе Истахръ, простирался по обоимъ берегамъ Пульвара. Въ X в. городъ занималъ небольшое пространство, около мили (т. е. около 2 в.) въ ширину, преимущественно по западную сторону рѣки; внѣ стѣнъ города находился такъ называемый „Хорасанскій мостъ“ (قنطرة خراسان), за которымъ были только нѣкоторыя новыя постройки (Истахри, 123). Соборная мечеть была окружена рядомъ колоннъ. Любопытны слова Макдиси (436), что на вершинѣ каждой колонны было изображеніе коровы; мечеть первоначально была храмомъ огнепоклонниковъ.

Истахръ оставался главнымъ городомъ Фарса при Сасанидахъ. Ардаширъ воздвигъ свои главныя постройки въ южной части страны, но барельефъ съ изображеніемъ его побѣды надъ Артабаномъ парѳянскимъ, сдѣлавшей его царемъ царей, помѣщенъ имъ въ Накш-и-Рустемѣ, надъ гробницами Ахеменидовъ.

Съ этого времени города средней и южной полосы начали затмѣвать Истахръ; въ X в. въ Фарсѣ было четыре города, превосходившихъ по величинѣ Истахръ: Ширазъ, Фесâ, Сирафъ и Арраджанъ (Истахри, 128); изъ нихъ двое первыхъ причислялись къ средней, двое послѣднихъ—къ южной полосѣ. Вся область дѣлилась при арабахъ, вѣроятно также при Сасанидахъ, на пять округовъ, كورة; по мнѣнію *Нельдеке* (Tabari, 3) это слово, черезъ посредство сирійскаго, происходитъ отъ греческаго

χώρα. Въ персидскомъ языкѣ этому слову соотвѣтствовалъ, по всей вѣроятности, терминъ شهر, древнеперс. хшатра; только въ новоперсидскомъ языкѣ слово شهر получило значеніе „городъ“. Эти пять округовъ были Истахръ, Ардаширъ-Хурра, Дарабджирдъ, Сабуръ и Арраджанъ. Самыми обширными округами были Истахръ, простиравшійся на сѣверъ до Іезда и Наина, и Ардаширъ-Хурра, заключавшій въ себѣ область отъ Шираза на югъ до моря и даже острова Персидскаго залива отъ Харака до Кишма включительно. Къ востоку отъ этого округа находился округъ Дарабджирдъ съ городами Дарабджирдомъ, теперь Дарабъ, и Фесâ, сохранившимъ свое названіе до сихъ поръ; западную часть Фарса составляли округи Сабуръ (Шапуръ), самый незначительный по размѣрамъ, съ городами Сабуромъ и Казеруномъ (тотъ и другой существуютъ и теперь), и Арраджанъ, съ главнымъ городомъ того же имени, теперь развалины около селенія Бехбехана, причисляемаго къ Хузистану; въ этомъ округѣ находилась между прочимъ гавань Дженнабе, нынѣ Дженава.

Долина, въ которой расположенъ *Ширазъ*, начинается за переваломъ Обарекъ и ущельемъ Аллахъ-Акбаръ или Тенг-и-коранъ (Туманскій, 72). Основаніе Шираза большинство арабскихъ географовъ приписываетъ арабамъ, причемъ городъ, подобно Куфѣ и Васиту въ Месопотаміи, возникъ изъ военнаго лагеря. Подобно Багдаду и здѣсь городъ, построенный арабами, получилъ иранское названіе; по толкованію Истахри (124) Ширазъ значитъ „брюхо льва“, جوف الاسد; такъ городъ былъ названъ потому, что туда свозились и тамъ истреблялись съѣстные припасы со всѣхъ окрестностей. Очень возможно, что здѣсь еще до арабовъ было небольшое поселеніе; по нѣкоторымъ легендамъ основатель его Ширазъ былъ сыномъ Фарса, сына Тахмураса; при арабахъ произошло только возвышеніе города (Ибн-ал-Факихъ, 196). Преданіе о героѣ-эпонимѣ, конечно, не имѣетъ значенія; важнѣе найденныя въ окрестностяхъ города скульптурныя изображенія Ахеменидовъ и Сасанидовъ и крѣпость Сасанидскаго происхожденія قلعهٔ بندر или فاهندر, на горѣ у гробницы поэта Са'ди, на разстояніи около мили къ сѣв.-востоку отъ нынѣшняго города. Повидимому, это та-же самая цитадель, которая у арабовъ носила названіе قلعهٔ شهوبذ (Истахри, 116); послѣднее названіе доказываетъ, что она была выстроена въ домусульманскій періодъ. Мусульмане относили крѣпости فاهندر къ эпохѣ Сасанидовъ; названіе это встрѣчается уже въ XIV в. Крѣпость была разрушена арабами и возобновлена при Имад-ад-дауля (932—949) и вторично при Абу-Ганимѣ, сынѣ Адуд-ад-дауля, который для этого разрушилъ дворецъ, выстроенный его отцомъ. При арабахъ былъ разрушенъ также бывшій здѣсь монастырь, دير,

построенный при Іездегердѣ III (см. отрывки изъ شيراز نامه у Аузли, II, 473—474). Въ первой половинѣ X в. городъ еще не имѣлъ стѣнъ; въ концѣ того же столѣтія Макдиси (430) говоритъ о восьми воротахъ города, что предполагаетъ существованіе стѣны. Адуд-ад-дауля построилъ для себя въ Ширазѣ великолѣпный дворецъ и вообще заботился о расширеніи и украшеніи города, который послѣ него сталъ снова приходить въ упадокъ.

Династія Буидовъ при Адуд-ад-дауля достигла высшей степени могущества; ему подчинялась вся Персія до Синда, кромѣ принадлежавшаго Саманидамъ Хорасана, а въ Аравіи его власть признавалась не только въ Оманѣ, но даже въ отдаленномъ Іеменѣ (Макдиси, 449). Имъ содержалась многочисленная армія, и для обезпеченія ея интересовъ онъ не стѣснялся религіозными предписаніями; такъ, по словамъ Бируни (India, II, 157), онъ въ широкихъ размѣрахъ организовалъ проституцію, чтобы удовлетворить своихъ солдатъ и обезпечить отъ ихъ посягательствъ женъ мирныхъ жителей. Онъ заботился объ украшеніи своей столицы Шираза, гдѣ построилъ для себя великолѣпный дворецъ, заключавшій въ себѣ, по словамъ Макдиси (449), 360 комнатъ. Одинъ большой залъ былъ занятъ библіотекой, которая, повидимому, могла соперничать съ библіотекой Саманидовъ въ Бухарѣ, описанной въ автобіографіи Авицены (Туркестанъ, 10). По словамъ Макдиси, Адуд-ад-дауля собралъ всѣ существующія книги по всѣмъ отраслямъ науки; книги хранились не въ сундукахъ, какъ въ бухарской библіотекѣ, а въ особыхъ нишахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ зала и представлявшихъ комнатки изъ дерева съ отдѣльными дверьми для каждой, длиной, по описанію Макдиси, въ человѣческій ростъ, шириной въ три аршина. Книги были сложены на доскахъ, повидимому по полкамъ (و الدفاتر منضدة على الرفوف); въ каждой подобной комнаткѣ были книги по какой-нибудь одной отрасли науки; иногда для одной науки было нѣсколько комнатокъ. Самъ Макдиси въ своемъ сочиненіи довольно часто ссылается на рукописи, которыми онъ пользовался въ библіотекѣ Адуд-ад-дауля. Несмотря на свое арабское происхожденіе, городъ не имѣлъ исключительно арабскаго характера; у гебровъ было два храма внутри города и одинъ у воротъ его; Макдиси (429) даже дѣлаетъ городу упрекъ за то, что его базары украшались въ дни праздниковъ невѣрныхъ. Городъ занималъ пространство около фарсаха въ ширину. Я'куби (362) объясняетъ его обширность множествомъ садовъ; садъ былъ у каждаго жилища. Садами Ширазъ славится и до сихъ поръ. Городъ и его окрестности орошаются двумя рѣчками, Аб-и-Мири и Аб-и-рукни или Рукнабадъ, и множествомъ источниковъ. Изъ

зданій, о которыхъ говорятъ арабскіе географы, теперь существуетъ, по преданію, только соборная мечеть, постройка которой приписывается Саффариду Амру ибнъ Ляйсу (Кэрзонъ, II, 101). Зданіе, по описанію Макдиси (430), стояло среди базаровъ и было украшено колоннами на подобіе іерусалимской мечети. Теперь оно разрушено временемъ и землетрясеніями; но въ серединѣ двора осталось небольшое каменное квадратное зданіе съ круглыми башнями по угламъ и съ куфической надписью XV в., представляющее подражаніе Каабѣ. Другая мечеть, носящая названіе „новой“ (مسجد نو), считается постройкой атабековъ XIII в., т. е. Салгуридовъ; по Хамдаллаху Казвини (л. 222 а) строителемъ ея былъ атабегъ Са'дъ б. Зенги (1195—1226). Блескъ города, упавшій послѣ Буидовъ, снова возвысился при двухъ мѣстныхъ династіяхъ Салгуридовъ (1148—1287 гг.) и Музаффаридовъ (1313—1393 гг.); послѣдніе овладѣли Ширазомъ въ 1353 г. Въ концѣ XIV в., передъ нашествіемъ Тимура, занявшаго городъ въ первый разъ въ 1387, вторично въ 1393 г., Ширазъ былъ однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ мусульманскихъ странъ; Тимуръ впослѣдствіи построилъ селенія вокругъ своей столицы Самарканда и, чтобы наглядно выразить подчиненіе Самарканду всѣхъ прочихъ городовъ, далъ этимъ селеніямъ названія по самымъ большимъ городамъ западной Азіи; наряду съ селеніями Мисръ, Димешкъ, Багдадъ и Султанія возникло также селеніе Ширазъ, къ сѣверу отъ Самарканда (Ибнъ-Арабшахъ, II, 856—858). Среди уничтоженныхъ Тимуромъ увеселительныхъ мѣстъ въ крупныхъ центрахъ, прежде приносившихъ большой доходъ казнѣ, упоминается также بيت اللطف Шираза (Абд-ар-Реззакъ, л. 19а). Эпохѣ Салгуридовъ принадлежитъ поэтъ Са'ди, эпохѣ Музаффаридовъ — поэтъ Хафизъ; гробницы обоихъ поэтовъ расположены въ окрестностяхъ города и до сихъ поръ составляютъ его славу, хотя въ своемъ настоящемъ видѣ гробница Хафиза относится къ XVIII в., гробница Са'ди—къ XIX в.

Послѣ Музаффаридовъ Ширазъ уже не былъ столицей мѣстной династіи, но еще при Тимуридахъ оставался такимъ же крупнымъ торговымъ центромъ и однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ Персіи. Только послѣ объединенія Персіи при Сефевидахъ Ширазъ окончательно сдѣлался провинціальнымъ городомъ и оставался имъ, за исключеніемъ небольшого періода въ XVIII в., когда его избралъ своей столицей Керимъ-ханъ Зенди, почти 30 лѣтъ (1750—1779) владѣвшій всей Персіей кромѣ Хорасана. Керимъ-ханъ не принялъ титула шаха, но съ титуломъ векиля былъ вполнѣ самостоятельнымъ правителемъ. Послѣ шаха Аббаса Великаго ни одинъ правитель не сдѣлалъ въ странѣ такъ много для возстановленія порядка и безопасности и для возвышенія ея благосостоянія;

предметомъ его особенныхъ заботъ была его столица, Ширазъ, который при немъ снова былъ окруженъ стѣной, на этотъ разъ изъ камня, и украшенъ различными постройками. Керимъ-хану, по словамъ Кэрзона (II, 102), принадлежатъ всѣ старыя зданія города, находящіяся въ сколько-нибудь исправномъ состояніи.

Въ настоящее время Ширазъ по красотѣ зданій значительно уступаетъ сѣвернымъ столицамъ, Тегерану и Исфахану, но остается однимъ изъ культурныхъ центровъ; на монетахъ конца XVIII и начала XIX вв., т. е. до сосредоточенія чеканки монетъ въ Тегеранѣ, Ширазу придается эпитетъ دار العلم. Жители Фарса, по словамъ Кэрзона, гордятся чистотой своего происхожденія, правильностью своего языка и остроуміемъ своего разговора; теплый климатъ Шираза дѣлаетъ возможной оживленную уличную жизнь. Въ торговомъ отношеніи Ширазъ является рынкомъ всей провинціи Фарсъ; нѣкоторые мѣстные купцы, по словамъ Туманскаго (74), имѣютъ прямыя сношенія съ купцами Манчестера. Ввозятся, главнымъ образомъ, индійскіе товары; главная статья вывоза — мѣстный опій; вывозится также, хотя и въ небольшомъ количествѣ, мѣстный табакъ. Относительно количества населенія города существуютъ самыя разнообразныя опредѣленія—отъ 32000 до 60000.

До мусульманскаго завоеванія главнымъ городомъ округа Ардаширъ-Хурра былъ городъ того же имени, у арабовъ *Джуръ* (по мнѣнію Нельдеке, Tabari, 11, мѣстное произношеніе было Горъ), нынѣ *Фирузабадъ*. Городъ, построенный Ардаширомъ, въ X в. по величинѣ не превосходилъ Истахра и уступалъ главнымъ городамъ провинціи; повидимому, онъ лучше всего сохранилъ черты архитектуры эпохи Сасанидовъ и состоялъ только изъ шахристана съ четырьмя воротами по странамъ свѣта, безъ рабада. Въ серединѣ города возвышалась терраса, носившая у арабовъ названіе الطربال (башня или выдающееся зданіе), у персовъ—названіе ايوان или كياخره; съ вершины ея открывался видъ на весь городъ и его окрестности; на этой вершинѣ былъ храмъ огнепоклонниковъ. Напротивъ террасы съ горы былъ проведенъ ручей, вода котораго падала на террасу въ видѣ водопада и оттуда текла внизъ по другому направленію. Вся постройка была воздвигнута изъ камня, которымъ потомъ пользовались жители города, такъ что уже при Истахри (124) отъ этой постройки были только незначительные остатки. Двѣ террасы сасанидской архитектуры, подъ названіемъ آتشكاه, существуютъ и теперь; на одной стоитъ башня около 90 футовъ вышиной. У воротъ города, на берегу пруда, былъ храмъ огнепоклонниковъ подъ названіемъ Баринъ, съ пехлевійской надписью, гдѣ было сказано, что на постройку его истрачено 30000 дир-

хемовъ (Истахри, 118). На разстояніи фарсаха отъ каждыхъ воротъ города тянулись сады и замки. Къ востоку отъ города на горѣ сохранился дворецъ сасанидской постройки съ куполообразной крышей; по мнѣнію Юсти (457), этотъ дворецъ построенъ уже въ V в. по Р. Хр. на мѣстѣ построеннаго Ардаширомъ. Предметомъ вывоза изъ Джура, какъ теперь изъ Фирузабада, служила розовая вода, считавшаяся лучшей въ свѣтѣ. По словамъ Макдиси (432), городъ получилъ прозваніе Фирузабадъ отъ Буида Адуд-ад-дауля въ X в.: послѣ пріѣзда Адуд-ад-дауля въ Джуръ или Горъ (персидское произношеніе) жители стали говорить ملك بكور رفت; Адуд-ад-дауля счелъ это дурнымъ предзнаменованіемъ и далъ городу новое, болѣе громкое названіе.

Черезъ Джуръ или Фирузабадъ вела дорога изъ Шираза въ гавань *Сирафъ*, теперь незначительное селеніе; въ X в. сюда свозились всѣ предназначенные для Фарса товары Индіи: алой, чёрное дерево, сандалъ, амбра, камфора, драгоцѣнные камни и т. п.; городъ по величинѣ былъ, какъ мы видѣли, третьимъ въ Фарсѣ, но по богатству жителей занималъ первое мѣсто. Цѣна отдѣльнаго дома иногда превышала, по словамъ Макдиси (426), 100,000 дирхемовъ; въ рукахъ нѣкоторыхъ купцовъ сосредоточивались, благодаря торговлѣ съ Индіей, огромные капиталы. По Истахри (154) эти капиталы иногда достигали 60 милліоновъ дирхемовъ. Городъ отчасти сохранялъ свое значеніе еще въ XII в., когда жилъ богачъ Рамештъ, считавшійся самымъ богатымъ купцомъ своего времени. По словамъ продолжателя Ибнъ-Хаукаля (198), секретарь Рамешта вывезъ изъ Китая, гдѣ онъ пробылъ 20 лѣтъ, товаровъ на 500000 динаровъ; изъ этого можно заключить, какова была цѣнность товаровъ, вывезенныхъ самимъ Рамештомъ, который на свой счетъ замѣнилъ серебряный бассейнъ для омовенія въ Каабѣ золотымъ и пожертвовалъ для храма покрывало изъ драгоцѣнныхъ китайскихъ тканей.

Къ востоку отъ Шираза на большой дорогѣ черезъ Фарсъ въ Ормузъ и въ южную часть Кермана былъ расположенъ округъ *Дарабджирдъ*, въ климатическомъ отношеніи принадлежавшій къ той же средней полосѣ; здѣсь также соединялись произведенія холодныхъ и теплыхъ странъ. Главный городъ округа, *Фесâ*, былъ вторымъ по величинѣ городомъ Фарса (Истахри, 128), но въ нынѣшнемъ городѣ уже не сохранилось никакихъ остатковъ древности. Столь же мало замѣчательны теперь города или, скорѣе, селенія *Дарабджирдъ*, основаніе котораго приписывалось Дарію I, и *Форджъ*, у арабовъ *Борджъ*, также расположенныя вдоль главной дороги изъ Фарса въ Керманъ. Въ X в. здѣсь были укрѣпленные торгово-промышленные города съ главнымъ базаромъ въ Фесâ.

Около Дарабджирда добывался, какъ и теперь, минералъ مومیا — мумія, родъ асфальта, считавшійся цѣлебнымъ средствомъ противъ ранъ и переломовъ; مومیا вывозилась во всѣ страны и добываніе ея, какъ и теперь, было регаліей правительства (Истахри, 155). То же вещество употреблялось въ древности для бальзамированія труповъ, откуда и названіе египетскихъ мумій. Пограничнымъ городомъ Фарса былъ Таримъ, нынѣ Тарунъ; дорога оттуда въ Ормузъ вела по всей, вѣроятности, черезъ горную тѣснину Тенг-и-Загъ, знаменитую, по словамъ Туманскаго (96), на всемъ югѣ Персіи. Впослѣдствіи округъ Дарабджирдъ носилъ также названіе *Шебангаре* (شبانکاره) и находился подъ властью особой мѣстной династіи Фазлуидовъ. Происхожденіе владѣльческихъ правъ этой династіи преданіе относило еще къ домусульманскимъ временамъ, но подробныя извѣстія о ея представителяхъ, носившихъ, подобно другимъ мѣстнымъ владѣтелямъ, турецкій титулъ атабековъ, мы имѣемъ только для монгольскаго періода (Лэнъ-Пуль, перев. В. Бартольда, 298). Столица Фазлуидовъ, крѣпость Икъ (около города Зеркана), находилась къ сѣверо-западу отъ Дарабджирда (Хамдаллахъ Казвини, л. 230 a и 245 b); въ половинѣ XIV в. эта династія была низложена Музаффаридами. Арабскіе географы не даютъ почти никакихъ свѣдѣній о нынѣшней области *Ларистанъ* съ главнымъ городомъ *Ларомъ* и съ важной гаванью *Лингахомъ*.

Къ западу отъ Шираза находился округъ *Сабуръ*, самый незначительный по размѣрамъ, съ главными городами *Наубенджаномъ* и *Казеруномъ*. Свое названіе округъ получилъ отъ своей прежней столицы, города Шапура или, какъ его называетъ Макдиси (432), Шахристана. Какъ показываетъ его названіе, *Шапуръ* былъ построенъ при Сасанидахъ; въ X в. онъ уже утратилъ свое прежнее значеніе благодаря возвышенію Казеруна. Недалеко отъ развалинъ города, въ горахъ, и теперь видно нѣсколько барельефовъ, изъ которыхъ одинъ изображаетъ побѣду Шапура I (249—272) надъ римскимъ императоромъ Валеріаномъ; тамъ же находится статуя Шапура I, единственная сохранившаяся статуя сасанидскаго періода. Описанная арабами дорога изъ Шираза въ Казерунъ совпадала съ первою частью нынѣшняго магистральнаго пути изъ Шираза въ Буширъ.

Въ *Казерунѣ* и въ небольшомъ городѣ *Тавваджѣ* или Таввазѣ, на полъ-пути между Казеруномъ и гаванью Дженнабой, выдѣлывались льняныя ткани *таввадж* или таввази, пользовавшіяся широкою извѣстностью во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Въ XIV в. при Хамдаллахѣ Казвини (л. 222 b) городъ Тавваджъ уже лежалъ въ развалинахъ. Не менѣе славились также ткани селенія *Синиджъ* или Синизъ, расположеннаго

недалеко отъ устья рѣки Табъ, на границѣ между Фарсомъ и Хузистаномъ; названіе *синизи* носили даже ткани, выдѣлывавшіяся въ Самаркандѣ, изъ чего видно, что промышленность Фарса оказала вліяніе на промышленность Мавераннагра. Въ свою очередь промышленность Фарса возникла, повидимому, подъ вліяніемъ египетской; для ткани синизи ленъ сначала привозился изъ Египта, потомъ сталъ воздѣлываться на мѣстѣ. Одна изъ тканей, выдѣлывавшихся въ Казерунѣ, носила названіе *дебики*, отъ египетскаго города Дебика (Туркестанъ, 526).

Буширъ, собственно Абушехръ, нынѣ главная гавань въ Персидскомъ заливѣ, получилъ это значеніе только въ XVIII в., при Надиръ-шахѣ. Населенный пунктъ былъ здѣсь, судя по археологическимъ находкамъ, еще въ домусульманское время; найдены даже надписи древняго населенія Сузіаны, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ VIII в. до Р. Хр.; но, повидимому, въ X в. по Р. Хр. здѣсь не было гавани, которая имѣла бы значеніе рядомъ съ Дженнабой, не говоря уже о Сирафѣ и Ормузѣ. Мѣстность была извѣстна подъ названіемъ ساحل (морской берегъ). Хамдаллахъ Казвини (л. 222 b) въ XIV в. различаетъ ساحل ابى رشير и ساحل عمارة; какъ и въ другихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ, главную часть населенія составляли арабы. Въ XVI в. здѣсь была португальская крѣпость *Реширъ*. Верстахъ въ 10 къ сѣверу отъ этой крѣпости находится гавань, избранная Надиръ-шахомъ для постройки флота на Персидскомъ заливѣ. Условія якорной стоянки и особенно выгрузки товаровъ крайне неблагопріятны; гавань не защищена отъ вѣтровъ и въ дурную погоду недоступна; вслѣдствіе незначительной глубины приходится перегружать всѣ товары на туземныя барки. Тѣмъ не менѣе въ городѣ, который сравнительно удобными дорогами соединенъ съ центромъ государства, сосредоточена значительная торговля съ Китаемъ, Индіей и европейскими государствами, находящаяся почти всецѣло въ рукахъ англичанъ (Риттихъ, 190—191).

Прибрежная полоса съ городомъ Дженнабой причислялась обыкновенно къ округу *Арраджанъ*, хотя точнаго опредѣленія границъ отдѣльныхъ округовъ арабскіе географы намъ не даютъ, и относительно пріуроченія отдѣльныхъ городовъ къ тѣмъ или другимъ округамъ мы у различныхъ географовъ находимъ неодинаковыя свѣдѣнія. Самый городъ *Арраджанъ* отожествляется обыкновенно съ развалинами около селенія *Бехбехана*; въ X в. городъ находился нѣсколько южнѣе, у рѣки Табъ, т. е. у того протока ея, который носитъ теперь названіе Хайрабадъ; здѣсь на рѣкѣ былъ великолѣпный мостъ, построенный на средства одного изъ богачей Фарса (Ибнъ-Хаукаль, 191) и считавшійся границей между

Фарсомъ и Хузистаномъ. Основаніе Арраджана приписывали сасанидскому царю Каваду, правившему въ концѣ V и въ началѣ VI в.; въ X в. Арраджанъ былъ однимъ изъ крупныхъ городовъ Фарса, но, повидимому, имѣлъ не столько промышленное, сколько торговое значеніе; послѣднее опредѣлялось плодородіемъ окрестностей, близостью моря и положеніемъ города на главной дорогѣ изъ Фарса въ Хузистанъ и оттуда въ Месопотамію. Дорога изъ Шираза въ Арраджанъ шла на сѣверо-западъ черезъ селеніе Джоюмъ; дальнѣйшее направленіе пути не совсѣмъ ясно, такъ какъ названія селеній, упомянутыхъ въ арабскомъ дорожникѣ, теперь не сохранились; городъ Наубенджанъ находился на этомъ пути, но городъ Шапуръ оставался въ сторонѣ отъ него (Истахри, 133).

Рядомъ съ торгово-промышленными городами, получившими значеніе въ мусульманскій періодъ, въ X в. сохранялись также остатки прежнихъ феодальныхъ порядковъ въ видѣ многочисленныхъ горныхъ замковъ, число которыхъ, по свѣдѣніямъ арабскихъ географовъ, доходило до 5000; среди нихъ были такіе, которые никогда не были взяты приступомъ (Истахри, 116). Часть этихъ замковъ находилась въ рукахъ огнепоклонниковъ, которыхъ въ X в. было еще много; почти въ каждомъ городѣ и въ каждой группѣ селеній у нихъ были свои храмы (Истахри, 118), и число ихъ превосходило число христіанъ и евреевъ (Макдиси, 439). По словамъ Хамдаллаха Казвини (л. 227) разореніе торгово-промышленныхъ городовъ Фарса было дѣломъ жителей замковъ; о городѣ Арраджанѣ говорится, что онъ былъ разоренъ исмаилитами, асасинами.

Кромѣ осѣдлаго населенія въ Фарсѣ всегда, какъ и въ настоящее время, было значительное число кочевниковъ. Западную границу иранскаго плоскогорія составляетъ такой же рядъ параллельныхъ горныхъ цѣпей со скудной растительностью, какой мы видѣли на сѣверо-восточной границѣ; горныя цѣпи отдѣлены одна отъ другой долинами и плоскостями, иногда плодородными и хорошо орошенными, но чаще, по своему высокому положенію, удобными только для кочевой жизни. Въ настоящее время кочевые народы Фарса и Хузистана носятъ различныя названія; по типу кочевники, говорящіе на иранскихъ нарѣчіяхъ, довольно рѣзко отличаются отъ персовъ и, вѣроятно, представляютъ смѣсь прежнихъ жителей страны съ арійскими завоевателями; кромѣ того въ тѣхъ же мѣстностяхъ кочуетъ много племенъ турецкаго и арабскаго происхожденія. Географы X в. объединяютъ всѣхъ иранскихъ кочевниковъ подъ названіемъ *курдовъ*, по имени самаго многочисленнаго племени. Подобно пяти округамъ осѣдлаго населенія, въ Фарсѣ различали пять округовъ кочевниковъ, хотя границы тѣхъ и другихъ округовъ не совпадали; мѣ-

ста кочеванія каждаго племени должны были охватывать довольно обширный районъ, такъ какъ почти всѣ племена проводили лѣто въ горахъ, зиму на берегу моря. Для обозначенія округа кочевниковъ употреблялся терминъ *зумма* (زم, во множ. числѣ زوم); де-Гуе (Ибнъ-Хордадбехъ, 33), производитъ этотъ терминъ отъ курдскаго слова *зуме*. Всего въ Фарсѣ считалось до 500000 кибитокъ кочевниковъ; во главѣ каждаго зумма находился особый начальникъ, обязанный собирать подать и охранять безопасность дорогъ (Истахри, 113—115).

Курдскій терминъ замѣненъ въ настоящее время турецкимъ словомъ *иль* (ايل). Относительно кочевниковъ персидское правительство и въ настоящее время придерживается той же политики; по словамъ Кэрзона (I, 436; II, 271), оно на опытѣ убѣдилось, что держать кочевниковъ въ нѣкоторомъ подчиненіи можно только при томъ условіи, что имъ будутъ оставлены ихъ туземные начальники; появленіе среди кочевниковъ персидскихъ сборщиковъ податей не приносило никакой пользы казнѣ, а среди народа всегда вызывало волненіе. Въ настоящее время кочевники-иранцы выдѣлены изъ племенъ турецкаго и арабскаго происхожденія, объединенныхъ въ искусственную группу ايلات خمسه, подобно пяти зуммамъ X в. Кочевниковъ въ Фарсѣ оффиціально считается только 60000 шатровъ, но по мнѣнію Туманскаго (75) это число ниже дѣйствительнаго. И теперь кочевники проводятъ лѣто на высокихъ нагоріяхъ, а на зиму спускаются частью на террасы склоновъ, обращенныхъ къ Персидскому заливу (гармсиратъ) частью въ Арабистанскую низменность, т. е. въ южную часть Хузистана. Въ употребленіи кочевниковъ персидскіе термины *гармсиръ* и *сердсиръ* приблизительно соотвѣтствуютъ турецкимъ терминамъ *кышлакъ* и *яйлакъ*.

Мы видѣли, что къ Фарсу принадлежалъ также округъ Іезда. Дорога изъ Шираза въ Іездъ шла, какъ и теперь, черезъ Истахръ, Дехбидъ и Абаркухъ. Городъ *Іездъ* носилъ также названіе كث; какъ въ Керманѣ, такъ и здѣсь и въ Абаркухѣ преобладали зданія изъ глины съ куполообразной крышей, т. е. безъ употребленія дерева, вслѣдствіе недостатка лѣса. Городъ славился плодородіемъ своихъ окрестностей и всегда былъ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ транзитной торговли. За исключеніемъ эпохи династіи атабеговъ Іезда, правившей съ половины XI до конца XIII в. (Лэнъ-Пуль, перев. В. Бартольда, 298), городъ не имѣлъ политическаго значенія; свое торговое значеніе онъ сохранилъ до сихъ поръ; по нѣкоторымъ вычисленіямъ число жителей доходитъ до 80000; число промышленныхъ заведеній, особенно прядиленъ и ткацкихъ мастерскихъ, также довольно велико. Въ Іездѣ религія Заратустры имѣетъ еще значительное число послѣдователей; мусульманское населеніе

по Ханыкову (202) отличается фанатизмомъ; по другимъ извѣстіямъ оно, наоборотъ, сравнительно вѣротерпимо и сдержанно, можетъ быть вслѣдствіе близости къ гебрамъ, и взрывъ фанатизма, жертвою котораго въ 1891 г. сдѣлались бабиды, былъ намѣренно вызванъ правительствомъ (статья проф. Жуковскаго). Нынѣшній городъ окруженъ развалинами: изъ существующихъ построекъ самая старая такъ называемая мечеть эмира Чакмака, построенная, какъ показываетъ надпись на стѣнѣ зданія, въ 699 г. хиджры (1299—1300 г. по Р. Хр.) эмиромъ Сункаромъ. Планъ Іезда приложенъ къ книгѣ Ханыкова.

X.

Исфаханъ, Кашанъ и Кумъ.

Центръ Фарса соединяется нѣсколькими дорогами съ большими городами сѣверной Персіи. Дорога изъ Шираза въ Исфаханъ въ средніе вѣка не проходила, какъ теперь, черезъ Истахръ; главной дорогой считался болѣе близкій путь черезъ селеніе *Маинъ*. Съ нынѣшнимъ трактомъ этотъ путь соединялся, повидимому, около селенія *Іездихаста*, расположеннаго на скалѣ среди долины, но это селеніе, не смотря на его старинное названіе, въ маршрутахъ X в. не упоминается. Въ маршрутахъ Хамдаллаха Казвини (л. 245 а) въ XIV в. уже упомянуты главныя селенія этого пути, Кумише и Іездихастъ; путь изъ Іездихаста въ Ширазъ черезъ Маинъ названъ „лѣтнимъ“ (راه تابستانی), нынѣшній кружный путь — зимнимъ.

Городъ *Исфаханъ* упоминается у классическихъ географовъ подъ названіемъ Ἀσπαδάνα, но въ то время не имѣлъ значенія. Въ сасанидское время здѣсь былъ городъ *Джей*, основаніе котораго приписывалось Александру Македонскому; названіе этого города часто встрѣчается еще на монетахъ арабскаго періода. Объ Исфаханѣ есть трудъ мѣстнаго историка XIV в. Хусейна б. Мухаммеда ал-Алеви, подъ названіемъ تاريخ احوال اصفهان; этому сочиненію посвящено изслѣдованіе англійскаго оріенталиста Брауна. По этому источнику (Браунъ, 7—8), городъ Джей сасанидскаго періода былъ построенъ по типу всѣхъ сасанидскихъ городовъ съ четырьмя воротами, среди которыхъ были „ворота евреевъ“ — دروازهٔ جهودان; очевидно, здѣсь возникла еврейская колонія, впослѣдствіи давшая главной части города названіе *Іехудійя*. Въ X в. старый городъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ Шахристана и по величинѣ и количеству населенія уступалъ Іехудійѣ; евреевъ и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, считали потомками плѣнниковъ Навуходоносора (Макдиси, 388); разстояніе между Шахристаномъ и Іехудійей было

2 мили, т. е. около 4 верстъ. Около Шахристана былъ большой мостъ черезъ Зенде-рудъ (Макдиси, 389). Шахристанъ упоминается еще у Шардена (II, 93—94) въ качествѣ большого селенія къ востоку отъ Исфахана, со многими развалинами старыхъ построекъ. По Хамдаллаху Казвини (изд. Шефера, 170) Шахристанъ былъ построенъ Александромъ Македонскимъ и возобновленъ при Сасанидахъ. Изъ арабскихъ географовъ наиболѣе подробное описаніе Джейя или Шахристана даетъ Ибнъ-Русте (160—163), самъ происходившій изъ этого города. Изъ отдѣльныхъ зданій Іехудійи Макдиси (388—389) описываетъ соборную мечеть съ круглыми колоннами и къ юго-западу отъ нея минаретъ въ 70 аршинъ вышины; все это зданіе было построено изъ глины. По словамъ исфаханскаго историка (Браунъ, 27—28), соборная мечеть была построена арабами изъ племени Бену-Темимъ и расширена при халифѣ Муктадирѣ въ X в.; при ней впослѣдствіи была библіотека, одинъ каталогъ которой составлялъ три тома. Эту соборную мечеть показываютъ и теперь; она сохранила названіе „соборной мечети“ (مسجد جمعه), но послѣ постройки мечети Аббаса I утратила свое религіозное значеніе и вслѣдствіе многочисленныхъ перестроекъ, которымъ она подвергалась, не представляетъ и архитектурнаго интереса.

Равнина, въ которой расположенъ Исфаханъ, окружена горами со всѣхъ сторонъ (кромѣ юго-востока, гдѣ она непосредственно примыкаетъ къ степи), отличается теплымъ климатомъ и обильнымъ орошеніемъ; по словамъ Хамдаллаха Казвини (168), здѣсь могутъ произрастать всѣ растенія, кромѣ гранаты, но и послѣднее обстоятельство также указываетъ на благопріятныя климатическія условія, такъ какъ гранатовыя деревья ростутъ только въ мѣстностяхъ съ вреднымъ климатомъ. Почва требуетъ обильнаго удобренія, для чего въ особыхъ башняхъ собирается голубиный пометъ и кромѣ того утилизируются городскіе отбросы. Пашни орошаются рѣчкой Зенде-рудъ и ея каналами, которые здѣсь обозначаются терминомъ *мади*; кромѣ того есть и ключевая вода. Рѣчка вытекаетъ изъ горъ Зерде-кухъ и къ юго-востоку отъ Исфахана теряется въ солончакахъ; у мѣстныхъ жителей существовало и до сихъ поръ существуетъ (Туманскій, 54) представленіе, будто она въ Керманѣ снова выходитъ на поверхность земли и впадаетъ въ море. Не смотря на прославленіе Зенде-руда исфаханскими поэтами, вода рѣчки въ концѣ X в., по словамъ Макдиси, была до такой степени загрязнена отбросами города, что ее перестали употреблять для питья.

Въ X в. Исфаханъ былъ самымъ значительнымъ послѣ Рейя горо-

домъ между Иракомъ Арабскимъ и Хорасаномъ (Истахри, 199); изъ правителей династіи Буидовъ нѣкоторые избрали его своей столицей. Послѣ Буидовъ въ Исфаханѣ жили нѣкоторые сельджукскіе султаны; одинъ изъ нихъ, Мухаммедъ, умершій въ 1118 г., былъ похороненъ въ Исфаханѣ въ построенной имъ медресе, существовавшей еще въ XIV в.; у порога зданія, какъ у порога мечети Махмуда въ Газнѣ, лежало каменное изваяніе индійскаго идола, захваченное мусульманами во время одного изъ походовъ (Хамдаллахъ Казвини, 168). Благодаря своему выгодному положенію, городъ могъ быстро оправиться не только послѣ монгольскаго нашествія, но и послѣ болѣе страшнаго погрома Тимура въ 1387 г. Исфаханъ, принадлежавшій въ то время, подобно Ширазу и Іезду, династіи Музаффаридовъ, подчинился Тимуру и согласился заплатить контрибуцію, но вслѣдствіе поборовъ лицъ, которымъ было поручено собрать ее, произошло народное возстаніе; послѣ этого былъ отданъ приказъ начать поголовное избіеніе жителей; при этомъ, по разсказу историковъ (Шереф-ад-динъ, I, 434; Абу-ар-Реззакъ, л. 86 b), было собрано до 70000 головъ, изъ которыхъ въ разныхъ мѣстахъ были воздвигнуты башни. Не смотря на это, Исфаханъ еще при жизни Тимура, въ 1403 г., былъ избранъ столицей одного изъ его внуковъ, Рустема, при назначеніи ему удѣла. Жители въ XIV в. большею частью еще не были шіитами, какъ теперь, а суннитами шафіитскаго толка. Въ концѣ X в. исфаханцы, по словамъ Макдиси (399), были даже проникнуты суннитскимъ фанатизмомъ, ставили Муавію наравнѣ съ первыми четырьмя халифами и всѣхъ ихъ называли посланниками — مُرسَل.

Наибольшаго блеска Исфаханъ достигъ въ концѣ XVI в., при династіи Сефевидовъ, когда его избралъ своей столицей самый знаменитый государь этой династіи, Аббасъ Великій (1587 — 1628 гг.). Имъ былъ устроенъ огромный городъ, до 35 верстъ въ окружности, хотя воротъ, какъ и въ X в., было только 12; изъ нихъ по Тавернье (I, 435) были открыты только 10, по Шардену (II, 5) только 8.

Центромъ города была и остается до сихъ поръ такъ называемая „царская площадь“ — مَيدان شاه, гдѣ находились царскій дворецъ, главная мечеть и главные базары. Какъ и другія большія площади въ персидскихъ столицахъ, она была окружена рядомъ построекъ съ нишами въ два этажа; въ нижнихъ этажахъ помѣщались лавки; передъ зданіями тянулась сплошная аллея деревьевъ и протекалъ каналъ; то и другое впослѣдствіи пришло въ упадокъ и только отчасти было возстановлено въ XIX в. Соборная мечеть, построенная Аббасомъ въ 1612 и 13 гг., находится на южномъ концѣ площади; въ XVIII в. она нѣсколько разъ была ре-

ставрирована. На сѣверномъ концѣ находился портикъ نقاره خانه, назначеніе котораго видно изъ его названія, выходившій на большой базаръ قیصریه. На восточной сторонѣ находится мечеть Лутфаллаха; въ серединѣ площади возвышался шестъ съ яблокомъ, въ торжественныхъ случаяхъ съ золотой чашей на верхушкѣ, служившей цѣлью для стрѣльбы. Впослѣдствіи здѣсь же стояла висѣлица. На площади стояли также двѣ мраморныя колонны, указывавшія границы ристалища при игрѣ въ поло (چوگان), нѣкогда очень любимой, но теперь забытой. Царскій дворецъ выходилъ на юго-западную сторону площади великолѣпнымъ портикомъ Али-Капы, съ двѣнадцатью деревянными колоннами и съ мраморнымъ бассейномъ посрединѣ; здѣсь шахъ принималъ посланниковъ въ день праздника نوروز. Главнымъ фасадомъ дворца былъ портикъ چهل ستون, выходившій въ садъ и поддерживавшійся, несмотря на свое названіе, только 20 деревянными колоннами съ каменными изваяніями львовъ у основанія; стѣны портика были выложены мраморомъ и стекломъ. Дворецъ раздѣлялся на нѣсколько большихъ залъ, среди которыхъ между прочимъ сохранился до сихъ поръ залъ со стѣнной живописью. Шесть большихъ картинъ изображаютъ сцены изъ жизни шаховъ Исмаила (2 картины), Тахмаспа, Аббаса Великаго, Аббаса II и Надира; между двумя старыми картинами выставленъ портретъ шаха Насир-ад-дина. Въ царствованіе шаха Хусейна (1694—1722 гг.) портикъ пострадалъ отъ пожара и былъ реставрированъ. Съ западной стороны дворца находится садъ Хештъ-бихиштъ (هشت بهشت), и оттуда же начиналась аллея Чарбагъ (چهار باغ), шедшая на югъ до Зенде-руда и дальше; отъ нея теперь сохранились только жалкіе остатки. Около этой аллеи находилась медресе шаха Хусейна, одно изъ лучшихъ зданій Исфахана. Цитадель города помѣщается къ юго-востоку отъ царской площади. Въ самомъ городѣ при Сефевидахъ упоминается не существующая теперь башня Келле-минаръ (کله منار), построенная изъ череповъ животныхъ, убитыхъ государемъ на охотѣ, хотя нѣкоторые путешественники увѣряютъ, что среди костей были и человѣческія (Кэрзонъ, II, 23).

На аллеѣ Чарбагъ находится мость Аллахъ-верди-хана, названный такъ по имени одного изъ полководцевъ Аббаса Великаго и ведшій въ предмѣстье Джульфу, гдѣ жили, какъ извѣстно, насильно выселенные Аббасомъ армяне. При низкомъ уровнѣ воды можно было переходить черезъ рѣку по особому крытому переходу подъ арками моста. Аллея оканчивалась на югѣ садомъ Хезаръ-Джерибъ (هزار جریب), теперь исчезнувшимъ безслѣдно. Изъ всѣхъ предмѣстій города *Джульфа* больше

всего пострадала при афганскомъ нашествіи 1722 года; кромѣ того многіе армяне выселились изъ Персіи послѣ смерти Надиръ-шаха. При Шарденѣ въ Джульфѣ считалось до 30000 жителей; Кэрзону (II, 53) говорили, что все населеніе предмѣстья состоитъ изъ 2500 душъ, изъ которыхъ 80% армянъ.

Другіе мосты, ниже моста Аллахъ-верди, ведутъ къ другимъ предмѣстьямъ города; изъ нихъ наиболѣе замѣчателенъ великолѣпный мостъ Пул-и-Хаджу или Пул-и-Баба-Рукнъ, по имени дервиша Рукн-ад-дина, ведущій въ предмѣстье, которое прежде носило названіе گبرستان и было населено гебрами, а въ XVII в., при шахѣ Аббасѣ II (1642—1667), построившемъ здѣсь для себя дворецъ, получило названіе Сеадетабадъ (سعادتآباد). Дворецъ носитъ названіе Хефтъ-Дестъ (هفت دست); при немъ находится портикъ Аина-ханэ (آینه خانه), представляющій подражаніе портику Чихиль-сутунъ. Фатхъ-Али-шахъ въ 1834 г. умеръ въ этомъ дворцѣ, который послѣ него пришелъ въ упадокъ.

Въ окрестностяхъ города замѣчательны такъ называемые „движущіеся минареты“ (منار جنبان); движеніе по обыкновенію объясняется чудомъ похороненнаго здѣсь шейха; башни находятся верстахъ въ 8 къ западу отъ города, въ селеніи Гуладанѣ. Недалеко оттуда на скалѣ есть развалины Атешгахъ آتشگاه. У Хамдаллаха Казвини (изд. Шефера, 170) آتشگاه упоминается въ качествѣ крѣпости, построенной миѳическимъ третьимъ царемъ Персіи, Тахмурасомъ; храмъ огнепоклонниковъ будто бы построилъ здѣсь другой миѳическій царь Бехменъ, сынъ Исфендіара, котораго сближаютъ съ Артаксерксомъ I (اردشیر درازدست). Въ такихъ же словахъ говоритъ о происхожденіи храма Ибнъ-Русте (153), при которомъ здѣсь еще горѣлъ священный огонь. Наконецъ, къ югу отъ Исфахана, у подножія горы Кух-и-Суффа, находился *Ферахабадъ*, загородный дворецъ шаха Хусейна, особенно знаменитый своими садами, разрушенный въ XVIII в. афганцами. На самой горѣ былъ лѣтній дворецъ предшественника Хусейна, шаха Сулеймана (1667—1694), подъ названіемъ Тахт-и-Сулейманъ.

Число жителей Исфахана при Сефевидахъ, по самому меньшему счету, доходило до 500000; однако и въ эту эпоху городъ, за исключеніемъ центральной площади и нѣсколькихъ базаровъ, походилъ, по отзыву путешественника Таверньe (I, 440), скорѣе на огромную деревню. Въ нынѣшнемъ городѣ сохранились только жалкіе остатки прежняго величія; только незначительная часть пространства прежняго города населена, и это пространство не окружено стѣной, а непо-

средственно прилегаетъ къ селеніямъ и садамъ. По отзыву Туманскаго (54—55), „дома большею частью изъ сырцоваго квадратнаго кирпича, улицы узкія и зловонныя, благодаря отвратительному обычаю устраивать отверстія для очистки отхожихъ мѣстъ на улицахъ, прикрывая ихъ лишь плоскимъ камнемъ, а иногда и оставляя совсѣмъ открытыми". Число жителей Исфахана, какъ и другихъ большихъ городовъ Персіи, опредѣляется очень различно, но не свыше 90,000. Городъ и теперь имѣетъ большое торгово-промышленное значеніе; главные предметы вывоза — опіумъ, табакъ, хлопокъ и миндаль; главные предметы ввоза — бумажныя матеріи, сахаръ, красная мѣдь и чай.

Дорога изъ Исфахана въ Рей, т. е. въ окрестности Тегерана, всегда проходила, какъ и теперь, черезъ Кашанъ и Кумъ. Дорога проходитъ по довольно ровной мѣстности, кромѣ небольшого пространства къ югу отъ Кашана, гдѣ она пересѣкаетъ горную цѣпь. Здѣсь находится горное селеніе *Кухрудъ*, жители котораго, какъ и жители окрестныхъ деревень, говорятъ на особомъ діалектѣ, сохранившемъ много архаическихъ словъ; діалекты Кухруда и нѣкоторыхъ другихъ селеній были предметомъ спеціальнаго лингвистическаго изслѣдованія проф. Жуковскаго.

Кашанъ въ X в. былъ небольшимъ, но богатымъ городомъ; основаніе его приписывалось Зубейдѣ, женѣ Харуна ар-Рашида; городъ уже тогда имѣлъ выдающееся промышленное значеніе и особенно славился выдѣлкой кубковъ. И теперь извѣстны мѣдные сосуды, приготовляемые въ Кашанѣ; кромѣ того славятся глиняныя издѣлія города; отъ слова كاشان или сокращеннаго كاش производятъ также персидскія слова كاش — глазурь, كاشى —фаянсъ и отсюда كاشيكر. Благодаря горамъ, расположеннымъ къ югу отъ города, лѣтній зной достигаетъ здѣсь крайней степени; кромѣ того всѣ путешественники, начиная съ географовъ X в. (Макдиси, 390), говорятъ о множествѣ скорпіоновъ въ окрестностяхъ города. Жители Кашана уже въ XIV в. были шіитами, хотя въ окрестныхъ деревняхъ еще преобладалъ суннизмъ. Жители *Кума* уже въ X в. были шіитами, хотя въ городѣ арабское населеніе было многочисленнѣе персидскаго (Истахри, 201); въ XIV в. городъ уже былъ однимъ изъ очаговъ шіитскаго фанатизма (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 191). Теперь въ немъ немного постоянныхъ жителей (около 7000), но по религіозному значенію онъ является вторымъ городомъ Персіи и посѣщается значительнымъ числомъ паломниковъ. Здѣсь находится гробница Фатимы, сестры похороненнаго въ Мешхедѣ имама Али б. Мусы ар-Ризы; нынѣшнее зданіе гробницы выстроено въ XIX в. Фатхъ-Али-шахомъ. Въ Кумѣ похоронены многіе изъ персидскихъ шаховъ, начиная съ XVII в., и много другихъ

знатныхъ лицъ и шейховъ. Дорога изъ Кума въ Рей прежде шла отъ моста Пул-и-Деллакъ непосредственно на сѣверъ къ селенію Кинарегирду; большое озеро Хауз-и-Султанъ-Кавиръ образовалось только въ 1883 г., вслѣдствіе разрушенія плотины на рѣчкѣ Кара-чай. Кэрзону (II, 4) говорили, что министръ Амин-ас-султанъ намѣренно разрушилъ плотину, чтобы уничтожить прежнюю караванную дорогу и направить путь караванъ по устроенной имъ новой дорогѣ черезъ селенія Аліябадъ и Манзаріе. Въ XIV в., когда главнымъ городомъ Ирана была Султанія, упоминается дорога изъ Султаніи черезъ Саву и Аву въ Кумъ, оттуда въ Кашанъ и Исфаханъ (Хамдаллахъ Казвини, л. 245 а).

XI.

Луристанъ и Хузистанъ.

Непосредственно къ западу отъ Исфахана начинается рядъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, составляющихъ западную границу Иранскаго плоскогорья. Арабскіе географы описываютъ двѣ дороги изъ Хамадана въ Исфаханъ, но обѣ проходили черезъ городъ Буруджирдъ и развѣтвлялись въ 10 фарсахахъ южнѣе этого города, около города *Кереджа*, теперь не существующаго; восточный путь проходилъ черезъ городъ *Джербадеканъ*, нынѣ *Гюльпаиганъ*. Кромѣ того упоминается путь изъ Хамадана на югъ въ Хузистанъ черезъ Нихавендъ до города *Джундишапура*, нынѣ развалинъ къ юго-востоку отъ Дизфуля. Наконецъ въ XIV в. (Хамд. Казвини, л. 241 b) упоминается путь изъ Багдада въ Исфаханъ черезъ Нихавендъ и Буруджирдъ.

Горы къ югу отъ Буруджирда до Хузистанской приморской равнины населены двумя полукочевыми народами арійскаго происхожденія *лурами* и *бахтіярами*; въ древности здѣсь жилъ не-арійскій горный народъ *коссейцы* (Κοσσαῖοι, Cossaei). Область Луристанъ всегда дѣлилась на двѣ главныя части, сѣверо-западную или *Малый Луръ* (لر كچوك) и юго-восточную или *Большой Луръ* (لر بزرك). Границей между ними служитъ, по словамъ Кэрзона (II, 273), рѣчка Аб-и-Дизъ, притокъ Каруна, по словамъ Туманскаго (38) снѣжный хребетъ Кух-и-Герру, у подошвы котораго расположенъ Буруджирдъ. Малый Луръ въ свою очередь дѣлится на двѣ части главнымъ хребтомъ Кух-и-Кебиръ, на *Пишъ-Кухъ* и *Пушт-и-Кухъ*. Съ XII в. до XVI въ Маломъ Луристанѣ была особая династія атабековъ (Лэнъ-Пуль, перев. В. Бартольда, 147), при которой, повидимому, возникъ городъ *Хурремабадъ*, являющійся теперь центромъ управленія Луристаномъ. Торговымъ рынкомъ, на которомъ луры въ мирное время сбываютъ произведенія своихъ стадъ и закупаютъ необходимое для себя, является *Буруджирдъ*. По отзыву Туманскаго (40) „луры и бах-

тіяры представляютъ всѣ степени осѣдлости, начиная отъ вполнѣ осѣдлыхъ, воспринявшихъ всецѣло мусульманско-персидскую культуру, и кончая бродячими, даже не имѣющими организаціи обыкновенныхъ кочевниковъ". Осѣдлые луры живутъ преимущественно въ сѣверныхъ округахъ, около Хамадана, Буруджирда и Нихавенда. Кочевники раздѣляются на множество племенъ (*кейтуль*), имѣющихъ своихъ предводителей (*тушмаль* или *каидъ*). Первобытныя черты своего племени больше всего сохранило населеніе Пушт-и-Кухъ, такъ называемые луры-фейли; главный предводитель ихъ носитъ арабскій титулъ валія, имѣетъ военное званіе эмир-и-туманъ, располагаетъ значительными силами и фактически почти совершенно независимъ отъ персидскаго правительства, даже не платитъ никакой дани; его мѣстопребываніе защищено съ востока трудно доступными горами, которыя считаются самыми высокими въ Персіи.

Вопросъ о происхожденіи луровъ и бахтіяровъ еще остается спорнымъ; ихъ языкъ, судя по имѣющимся о немъ свѣдѣніямъ, ближе всего къ курдскому; физическій типъ луровъ, по отзыву Туманскаго (42), сохранилъ черты арійскаго типа въ большей чистотѣ, чѣмъ типъ персовъ. Какъ у всѣхъ кочевниковъ, положеніе женщинъ у нихъ лучше, чѣмъ у осѣдлыхъ мусульманъ; даже у перешедшихъ къ осѣдлости луровъ женщины ходятъ съ открытыми лицами. Проф. Жуковскій, собиравшій во время своего пребыванія въ Персіи между прочимъ колыбельныя пѣсни и потомъ напечатавшій о нихъ статью, отмѣчаетъ рѣзкую разницу между пѣснями персовъ и бахтіяровъ и между отношеніемъ того и другого народа къ своимъ пѣснямъ. Тогда какъ персы крайне неохотно говорили о своихъ пѣсняхъ, бахтіяры явно гордились ими и не дѣлали никакого различія между пѣснями мужчинъ и женщинъ, такъ какъ женщина бахтіяру — вѣрная, преданная подруга и усердная помощница. „Мы, говорятъ бахтіяры, волнующееся море, и пѣснямъ нашимъ нѣтъ конца; если бы собрать все живущее нынѣ, доставшееся намъ отъ предковъ и постоянно вновь нарождающееся въ устахъ народа, то составится не одно и не два Шахнамэ какого-то Абу-л-Касима Фирдоуси".

Бахтіяры составляютъ населеніе Большого Лура и занимаютъ страну, ограниченную съ сѣвера дорогой изъ Буруджирда въ Исфаханъ, съ юга дорогой изъ Дизфуля въ Рамъ-Хурмузъ. По образу жизни и языку они близко подходятъ къ лурамъ, хотя считаются болѣе цивилизованными и миролюбивыми и въ большей степени подчинились вліянію культуры; значительная часть ихъ перешла къ осѣдлости. Они раздѣляются на двѣ главныя вѣтви — Чехарленгъ и Хефтленгъ, а въ административномъ отно-

шеніи на буруджирдскихъ и исфаханскихъ, хотя управляются своими собственными ханами. Оффиціальныя главы народа, ильхани и ильбеги, по словамъ Туманскаго (45), не пользуются большимъ вліяніемъ, причемъ вліяніе ильбеги сравнительно больше. На обязанности ильхани лежитъ, по словамъ проф. Жуковскаго, внесеніе дани персидскому правительству, чѣмъ и ограничивается зависимость бахтіяровъ отъ послѣдняго. Большой Луристанъ также имѣлъ въ средніе вѣка свою мѣстную династію атабеговъ; съ XII до XV вв. здѣсь правила династія Хазараспидовъ, столицей которыхъ былъ городъ Идаджъ, нынѣ селеніе Маль-Эмиръ съ обширными развалинами, большею частью сасанидскаго періода. Здѣсь же, какъ полагаютъ, былъ главный городъ древнихъ горцевъ—коссейцевъ. На зиму кочевники обыкновенно спускаются съ горъ въ равнину Арабистанъ или древнюю Сузіану.

Сузіана или *Хузистанъ* географически принадлежитъ всецѣло къ бассейну Персидскаго залива; главная рѣка области, *Карунъ*, теперь впадаетъ въ Шатт-ал-Арабъ, но полагаютъ, что еще въ историческое время Евфратъ, Тигръ и рѣки Сузіаны имѣли каждая свое особое устье въ заливѣ. Семитическое названіе Сузіаны—*Элам*ъ, какъ извѣстно, встрѣчается въ библіи; какъ показываютъ надписи и развалины, страна достигла значительнаго культурнаго развитія задолго до появленія арійцевъ. Языкъ народа, населявшаго Сузіану въ древности, одинаково далекъ отъ языковъ семитическихъ и арійскихъ. Другой діалектъ того же самаго языка представляетъ одинъ изъ трехъ языковъ, на которыхъ составлены надписи Ахеменидовъ, именно тотъ, который прежде считали мидійскимъ. Винклеръ (114) старается доказать, что мы имѣемъ здѣсь языкъ области Анзанъ, царемъ которой, какъ видно изъ вавилонскихъ надписей, былъ Киръ. Анзанъ, по мнѣнію Винклера, не тожественъ съ Сузіаной, какъ иногда полагали; въ ассирійскихъ надписяхъ Анзанъ упоминается отдѣльно отъ Элама; Винклеръ помѣщаетъ эту область въ персидскомъ Курдистанѣ, около горы Бисутунъ. Отсюда совершались вторженія въ сѣверную часть Вавилоніи.

Термины *Хузистанъ* и *Арабистанъ*, по словамъ Кэрзона (II, 320), вполнѣ тожественны по своему значенію, причемъ первый терминъ теперь почти не употребляется. Уже въ эпоху географовъ X в. подъ Хузистаномъ, какъ теперь подъ Арабистаномъ, понимали главнымъ образомъ аллувіальную равнину низовьевъ рѣкъ, впадающихъ въ море, включая въ нее только Идаджъ и расположенныя около него горныя цѣпи (Истахри, 89—90). Защищенная съ сѣвера горами, страна отличалась теплымъ климатомъ; по словамъ нѣкоторыхъ географовъ, нигдѣ въ Хузистанѣ не

выпадалъ снѣгъ (Истахри, 90—91); Макдиси (414) дѣлаетъ исключеніе для Идаджа и прибавляетъ, что отсюда снѣгъ вывозился въ другіе города Хузистана. Вездѣ росли пальмы и воздѣлывался сахарный тростникъ. По словамъ Макдиси (416), весь сахаръ въ Персіи, въ Ираклѣ и въ Іеменѣ происходилъ изъ Хузистана. Изъ рѣкъ Сузіаны самая западная Керха, древній Choaspes; на ней находятся развалины Айван-и-Керха, повидимому домусульманскаго происхожденія, хотя городъ Керха упоминается еще въ концѣ X в., у Макдиси (408), въ качествѣ небольшого базарнаго селенія. На низовьяхъ той же рѣки, на берегу стараго русла, былъ городъ *Хувейза*, теперь лежащій въ развалинахъ, но часто упоминаемый еще на монетахъ Сефевидовъ; еще въ новѣйшее время онъ былъ столицей арабскаго шейха, управлявшаго областью съ титуломъ валія Арабистана и только номинально подчинявшагося персидскому правительству.

Между рѣкой Керхой и слѣдующей большой рѣкой, Аб-и-Дизъ, протекаетъ притокъ послѣдняго, Аб-и-Шауръ (Кэрзонъ, II, 309, считаетъ послѣднее слово сокращеніемъ имени Шапуръ). На берегу этой рѣки находятся развалины древнихъ *Сузъ*, изслѣдованіе которыхъ не закончено и до настоящаго времени. Археологическія изысканія были начаты въ половинѣ XIX в. Лофтусомъ и Вилліамсомъ, продолжены въ 80-хъ годахъ Діеляфуа и въ 90-хъ годахъ двумя экспедиціями Моргана. Какъ извѣстно, Сузы считались главнымъ городомъ Персіи и средоточіемъ блеска и могущества персидскаго царя въ эпоху Ахеменидовъ. При Сасанидахъ городъ, повидимому, уже уступалъ нѣкоторымъ другимъ городамъ Хузистана; при арабскомъ завоеваніи онъ былъ разрушенъ войсками Омара, но впослѣдствіи возстановленъ и упоминается у географовъ X в. подъ названіемъ السوس, хотя въ эту эпоху въ немъ было населено только предмѣстье, рабадъ (Макдиси, 407). Около города, на днѣ рѣки, находилась, по мнѣнію арабовъ, могила пророка Даніила; противъ того же мѣста на берегу стояла красивая мечеть (Макдиси, 407—408). Теперь гробницу Даніила показываютъ въ зданіи на берегу рѣки, нѣсколько ниже главныхъ развалинъ.

На рѣкѣ Аб-и-Дизъ, на границѣ области бахтіяровъ, находится городъ *Дизбулъ*, получившій свое названіе отъ великолѣпнаго моста сасанидской постройки. Болѣе древняя часть моста построена изъ камня, верхняя изъ кирпича. Постройку моста приписываютъ Шапуру II (309—379 гг.); подробное описаніе моста даетъ для XIV в. Шереф-ад-динъ Іезди (I, 589—590), историкъ Тимура, проходившаго здѣсь въ 1393 г. По нѣкоторымъ извѣстіямъ тому же Шапуру, а по другимъ, болѣе досто-

вѣрнымъ, Шапуру I, правившему уже въ III в., принадлежитъ основаніе города *Джундишапура*, развалины котораго находятся къ юго-востоку отъ Дизфуля. По словамъ персидскихъ историковъ Шапуръ I переселилъ сюда плѣнниковъ изъ взятаго имъ города Антіохіи въ Сиріи; новый городъ получилъ сирійское названіе Бет-Лапатъ, изъ котораго персы, повидимому, образовали слово Белабадъ и сочинили легенду объ участіи какого-то старика Бела при основаніи города. Сирійское значеніе слова „Лапатъ", повидимому, также сомнительно; слово „бетъ", конечно, значитъ „домъ, жилище". Названіе Джундишапуръ персы объясняли изъ „Бих-аз-Андев-и-Шапуръ" („лучше Антіохіи Шапура"). Нельдеке (Tabari, 42) отвергаетъ эту этимологію, но полагаетъ, что городъ при Сасанидахъ первоначально носилъ названіе Вандевъ-Шапуръ; Марквартъ (145) предполагаетъ форму Ванди-Шапуръ и считаетъ ее сокращеніемъ названія Weh-Antijok-i-Schahpuhr, т. е. „(новая), лучшая Антіохія Шапура". Арабы всегда пишутъ جندیشابور, причемъ дифтонгъ *ай* передаетъ персидское долгое *э*; присутствіе этого звука, а не یای اضافت, и нѣкоторыя другія лингвистическія соображенія заставляютъ Нельдеке отвергнуть этимологію Джунд-и-Шапуръ, т. е. „войско" или „лагерь Шапура", казавшуюся съ перваго взгляда почти несомнѣнной. При Сасанидахъ Джундишапуръ былъ главнымъ городомъ Хузистана; несторіане имѣли здѣсь каѳедру митрополита и главную медицинскую школу. Въ IX в. Я'кубъ ибнъ Ляйсъ, покорившій, какъ извѣстно, почти всю Персію, хотѣлъ избрать Джундишапуръ своей столицей; здѣсь онъ умеръ и былъ похороненъ. Макдиси (408) говоритъ о Джундишапурѣ, что онъ много пострадалъ отъ „курдовъ", т. е. арійскихъ кочевниковъ, но городъ и въ его время славился плодородіемъ своихъ окрестностей; весь сахаръ, которымъ пользовались въ Хорасанѣ и въ Джибалѣ, т. е. въ горной области къ сѣверу отъ Хузистана, вывозился отсюда. Развалины теперь носятъ названіе Шахабадъ. Городъ впослѣдствіи уступилъ свое значеніе Дизфулю, который еще въ XIX в. былъ административнымъ центромъ Хузистана и еще теперь имѣетъ 16,000 жителей, т. е. вдвое многолюднѣе Шустера.

Аб-и-Дизъ впадаетъ въ Карунъ, главную рѣку Хузистана, на которой стоитъ какъ городъ, бывшій столицей области въ эпоху географовъ X вѣка, *Ахвазъ*, такъ и нынѣшній главный городъ Хузистана, *Шустеръ*, у арабовъ *Тустеръ*. Городъ расположенъ на скалѣ; какъ въ Дизфулѣ, дома здѣсь состоятъ изъ двухъ этажей, каменнаго и кирпичнаго. Шустеръ и теперь сохранилъ часть своего промышленнаго значенія; и теперь здѣсь выдѣлываются шелковыя и хлопчатобумажныя ткани; въ

X в. въ Шустерѣ приготовлялось покрывало изъ парчи для Каабы (Истахри, 92). Число жителей города въ настоящее время, по словамъ Кэрзона, не превышаетъ 8000. Рѣка Карунъ поворачиваетъ здѣсь на западъ; нѣсколько ниже города находится знаменитая плотина и надъ ней мостъ на 41 аркѣ; все сооруженіе было воздвигнуто уже въ III в. Шапуромъ I, но съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ реставрировалось. По преданію, оно было выстроено римскими плѣнниками, при участіи самого плѣннаго императора Валеріана, вслѣдствіе чего плотина и мостъ носили названіе Бенд-и-Кайсаръ и Пул-и-Кайсаръ; у географовъ X в. плотина обозначается персидскимъ терминомъ *шадреванъ* (Истахри, 89). Цѣль этого сооруженія и другихъ на той же рѣкѣ заключалась въ томъ, чтобы поднять уровень воды и такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ проведеніе ея на болѣе высоко расположенныя поля; кромѣ того рѣка, запруженная плотинами, приводила въ движеніе, какъ и теперь, множество водяныхъ мельницъ.

Плотина Валеріана носитъ, по Кэрзону (II, 372—374), названіе Бенд-и-Мизанъ; названіе Бенд-и-Кайсаръ прилагалось къ другой плотинѣ, расположенной немного выше города, для отведенія канала Аб-и-Гергеръ. Эта плотина также исправлялась нѣсколько разъ; нынѣшнее каменное сооруженіе воздвигнуто уже въ XIX в. Наконецъ островъ, образуемый рѣкой и каналомъ Аб-и-Гергеръ, орошенъ еще каналомъ Минау; по Кэрзону (II, 376) это слово сокращено изъ ميان آب; Ролинсонъ описываетъ каналъ подъ названіемъ Аб-и-Міяндабъ, т. е. آبی میان دو آب. На этомъ каналѣ нѣсколько плотинъ, среди нихъ мостъ Пул-и-Лешкеръ. У арабскихъ географовъ Аб-и-Гергеръ носитъ названіе Машруканъ; повидимому, каналъ тогда доходилъ нѣсколько дальше на югъ, чѣмъ теперь, именно до города Ахваза. На разстояніи одного перехода отъ Шустера, тамъ, гдѣ къ каналу подходила дорога изъ Фарса черезъ Рамъ-Хурмузъ, находился городъ Аскер-и-Мукрамъ عسکر مکرم, названный такъ по имени одного военачальника Хаджаджа, имѣвшаго здѣсь свой станъ. По Хамдаллаху Казвини (л. 221 а) здѣсь былъ уже сасанидскій городъ, носившій названіе برج شاپور. Здѣсь былъ на каналѣ пловучій мостъ изъ 18 судовъ. Оттуда до Ахваза было 8 фарсаховъ; изъ нихъ, по словамъ Истахри (89—90), лично совершившаго этотъ переходъ, 6 фарсаховъ плыли по каналу; дальше въ немъ не было воды, и остальной путь проходили на лошадяхъ по серединѣ русла канала. Развалины города عسکر مکرم находятся, какъ полагаютъ, около плотины Бенд-и-Киръ, также выстроенной изъ камня; около этой плотины теперь соединяются съ Каруномъ Аб-и-Дизъ и Аб-и-Гергеръ. Никакихъ слѣдовъ того русла, о которомъ

говоритъ Истахри, въ настоящее время, по словамъ Кэрзона (II, 358), не видно.

Ахвазъ теперь—небольшое селеніе на лѣвомъ берегу рѣки, въ которомъ всего около 700 жителей арабскаго происхожденія. Въ X в. это былъ самый значительный городъ Хузистана, расположенный на обоихъ берегахъ сухого русла Машрукана. Главная часть города съ базарами находилась на лѣвомъ, восточномъ берегу; часть города, расположенная на другомъ берегу, находилась какъ бы на островѣ между каналомъ и главнымъ русломъ, къ которому примыкала съ запада. Обѣ части города были соединены между собой кирпичнымъ мостомъ — قنطرة هندوان; въ X в. Адуд-ад-дауля разрушилъ мостъ и выстроилъ новый, но жители сохранили за нимъ прежнее названіе. Въ городѣ сосредоточивалась обширная торговля сухимъ путемъ и на судахъ; отсюда отправлялись суда въ Басру (Макдиси, 411—412). Городъ Ахвазъ первоначально носилъ названіе سوق الاهواز, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ географическихъ сочиненіяхъ и особенно на монетахъ. اهواز — арабское множ. число для обозначенія народа, который у классическихъ писателей носитъ названіе Οὔξιοι, Uxii (Андреасъ). Вслѣдствіе развитія торговли число базарныхъ селеній въ этой части Хузистана вообще было очень велико; въ каждомъ изъ нихъ базаръ былъ одинъ день въ недѣлю, и въ ихъ названіяхъ названія этихъ дней прибавлялись къ слову سوق. Наибольшею извѣстностью пользовалось селеніе سوق الاربعاء, отмѣчаемое и теперь на нѣкоторыхъ картахъ; по географамъ X в. оно находилось на полпути между Ахвазомъ и селеніемъ حصن مهدى, расположеннымъ у мѣста впаденія водъ Хузистана въ море (Макдиси, 419).

Въ настоящее время Карунъ, какъ извѣстно, впадаетъ въ Шатт-ал-Арабъ, т. е. въ соединенныя низовья Тигра и Евфрата. Извѣстія классическихъ писателей заставляютъ думать, что въ эпоху Александра Македонскаго Тигръ, Хоаспъ, т. е. Аб-и-Керха, и Паситигръ, т. е. Карунъ, можетъ быть также и Евфратъ, впадали въ обширный лиманъ, отдѣленный отъ моря береговою насыпью. Лиманъ постепенно былъ заполненъ рѣчными осадками, послѣ чего образовалась нынѣшняя дельта рѣкъ (Андреасъ). Еще въ арабскую эпоху Карунъ имѣлъ свое особенное устье. Между селеніями حصن مهدى на Карунѣ и بيان на Тигрѣ было солончаковое пространство; корабли, отправлявшіеся изъ Ахваза и изъ حصن مهدى, выходили въ море и съ моря въ устье Тигра; только при Адуд-ад-дауля, т. е. во второй половинѣ X в., былъ прорытъ каналъ изъ Каруна въ Тигръ, длиной въ 4 фарсаха, и этимъ каналомъ

стали пользоваться суда (Макдиси, 419). По всей вѣроятности, тотъ же каналъ впослѣдствіи обратился въ главное русло рѣки; такое происхожденіе этого русла признается всѣми, но, по словамъ Кэрзона (II, 336), „никто не знаетъ, когда былъ прорытъ этотъ каналъ“. Повидимому, другой каналъ, болѣе длинный, былъ вырытъ еще до Адуд-ад-дауля, въ первой половинѣ X в., такъ какъ о немъ упоминаетъ Кудама, писавшій немного послѣ 928 г. и умершій въ 948—949 г. (337 г. хиджры), до вступленія на престолъ Адуд-ад-дауля (338 г. хиджры). Кудама (152) называетъ этотъ каналъ „новымъ“ (نهر الجديد) и говоритъ, что отъ Хиснъ-Мехди до Беяна было по каналу 8 ф., тогда какъ сухимъ путемъ 6 ф. Кэрзонъ считаетъ Бахмеширъ „первоначальнымъ и естественнымъ устьемъ Каруна“, но въ X в. устье было, повидимому, нѣсколько дальше на востокъ, такъ какъ Макдиси, какъ мы видѣли, опредѣляетъ длину канала въ 4 ф., а каналъ, соединяющій теперь Бахмеширъ съ Шатт-ал-Арабомъ, имѣетъ всего длину 3 англ. мили. По всей вѣроятности, устьемъ Каруна въ X в. было русло, отмѣченное на картѣ Кэрзона подъ названіемъ Karunel Amieh. Въ حصن مهدى вела особая дорога изъ пограничнаго съ Фарсомъ города Арраджана; на полпути между Арраджаномъ и حصن مهدى упоминается большой городъ *Дауракъ*, значительный торговый пунктъ, находившійся на пути паломниковъ изъ Фарса и Кермана въ святыя земли (Истахри, 95; Макдиси, 412).

Изъ другихъ промышленныхъ городовъ Хузистана замѣчательно селеніе *Куркубъ* на пути изъ Арраджана въ Васитъ, на разстояніи одного перехода къ западу отъ Сузъ, гдѣ выдѣлывалась шелковая ткань قرقوبى; эти ткани обозначались у арабовъ терминомъ سوسنجرد, который производятъ отъ персидскаго слова سوزن — игла. Въ той же мѣстности, также въ небольшомъ разстояніи отъ Сузъ, было селеніе *Басинна*, гдѣ приготовлялись вуали (ستور), распространенныя во всемъ мусульманскомъ мірѣ; по имени селенія Басинна назывались также вуали, приготовлявшіяся въ другихъ селеніяхъ (Истахри, 93). Развитіе промышленности преимущественно въ западной части области указываетъ на происхожденіе этой промышленности изъ Египта и западной Азіи. Морская торговля находилась всегда въ рукахъ семитовъ; теперь она главнымъ образомъ въ рукахъ арабовъ. Иранскіе владѣтели Хузистана иногда, какъ при Сасанидахъ и при нынѣшней династіи со времени покойнаго шаха Насир-ад-дина, старались воспользоваться выгодами этой торговли, иногда оставались къ ней вполнѣ равнодушны; историкъ Гутшмидъ (56) отмѣчаетъ фактъ, что парояне, овладѣвшіе Ираномъ во

II в. до Р. Хр., не обнаруживали никакого стремленія дойти до моря; ихъ непосредственныя владѣнія могли граничить съ моремъ только на небольшомъ пространствѣ у устьевъ Евфрата, и тутъ они допустили образованіе небольшого, но богатаго вассальнаго владѣнія Μεσηνή, у арабовъ *Майсанъ*, у персовъ Мешанъ, съ главнымъ городомъ Χάραξ, по которому владѣніе носило также названіе Characene. Въ міровой торговлѣ государи этого небольшого вассальнаго владѣнія принимали гораздо болѣе дѣятельное участіе, чѣмъ парѳянскіе „великіе цари".

Развитіе торговли и промышленности въ Хузистанѣ способствовало, какъ всегда, развитію умственной жизни. Въ Хузистанѣ получила наибольшее распространеніе секта мутазилитовъ, какъ извѣстно, самая философская секта въ исламѣ. Однимъ изъ центровъ мутазилитской учености была, по словамъ Макдиси (413), большая библіотека въ Рамъ-Хурмузѣ, уступавшая по богатству только басрійской.

XII.

Курдистанъ и Месопотамія.

Какъ изъ Мидіи черезъ Хамаданъ, такъ и изъ Фарса и Хузистана черезъ Сузы вела дорога въ Месопотамію, центръ древнѣйшей культуры въ Азіи. Путь изъ Хамадана въ Багдадъ всегда имѣлъ большое значеніе; при арабахъ онъ входилъ въ составъ главнаго торговаго пути изъ западной Азіи въ восточную и потому особенно подробно описывается арабскими географами; самое подробное описаніе находится въ сочиненіи Ибнъ-Русте (163—167). Изъ Хамадана послѣ перехода черезъ горную цѣпь Эльвендъ, Эрвендъ арабовъ, Оронтъ древнихъ, приходили въ *Асадабадъ* или, по нѣкоторымъ маршрутамъ, въ расположенную немного южнѣе деревню *Хундадъ*. На дальнѣйшемъ пути черезъ горныя тѣснины, небезопасныя отъ разбойниковъ, приходили къ замку قصر اللصوص, нынѣ селеніе *Кенгаверъ*, оттуда въ селеніе Дукканъ (откуда, а не отъ Кенгавера, какъ теперь, отдѣлялась дорога на юго-востокъ въ Нихавендъ и Исфаханъ), а изъ Дуккана въ Кармасинъ или Кармашинъ, нынѣшній *Керманшахъ* или вѣрнѣе *Керманшаханъ*. Вездѣ были замки и другія постройки Сасанидской эпохи. На пути между Дукканомъ и Кармасиномъ проходили мимо знаменитой горы *Бисутунъ* — بهستون или بيستون (у Діодора βαγίστανον ὄρος, вѣроятно, по персидски بغستان отъ بغ — божество), на которой высѣчены самыя длинныя изъ дошедшихъ до насъ Ахеменидскихъ надписей; въ этихъ надписяхъ говорится о восшествіи на престолъ Дарія и о его побѣдахъ надъ мятежниками; на барельефѣ изображены царь и приведенные къ нему взятые въ плѣнъ предводители возставшихъ мятежниковъ. Надпись по обыкновенію сдѣлана на трехъ языкахъ; въ самой надписи сказано, что оттиски съ нея были отправлены въ провинціи, для того, чтобы весь народъ могъ ознакомиться съ ними. Надписи были впервые скопированы и разобраны Ролинсономъ. До-

рога въ этой мѣстности проходила по каменному шоссе, на которое падала тѣнь горы Бисутунъ.

У западной оконечности горы, верстахъ въ 6 отъ Керманшахана, находится сасанидскій рельефъ Так-и-Бустанъ (طاق بستان). Въ нишѣ вырублены двѣ большихъ арки; задняя сторона большой арки покрыта барельефами, среди которыхъ выдается изображеніе закованнаго въ панцырь персидскаго всадника; на боковыхъ стѣнахъ изображены сцены охоты; надъ аркой находятся изображенія богинь побѣды и другія, въ которыхъ отразилось вліяніе римскаго искусства. Въ малой залѣ помѣщены изображенія Шапура II и III съ надписями. Кэрзонъ (I, 561) приводитъ мнѣніе, по которому въ лицѣ вооруженнаго всадника изображенъ Хосрой II и все сооруженіе относится къ возстановленію на престолѣ этого царя при участіи войскъ византійскаго императора Маврикія, чѣмъ объясняются классическіе мотивы барельефовъ, указывающіе на работу римскихъ мастеровъ. Еще арабы (Ибнъ-Русте, 166), у которыхъ эта арка упоминается подъ названіемъ شبديز, видѣли въ изображенныхъ здѣсь фигурахъ Хосроя II и его жену Ширинъ, которой нѣкоторыя преданія приписываютъ, хотя ошибочно, греческое происхожденіе. Но римскіе мастера и такъ могли быть употреблены при подобныхъ работахъ, въ качествѣ военнопл'ѣнныхъ, и вполнѣ возможно, что все сооруженіе, какъ полагаетъ Юсти (470), относится къ IV в., къ эпохѣ Шапура II и Шапура III.

Керманшаханъ, столица персидскаго Курдистана, по преданію былъ построенъ Сасанидомъ Варахраномъ IV (388—399), который до своего вступленія на престолъ былъ правителемъ Кермана и потому носилъ титулъ Керманшаха. Городъ расположенъ въ равнинѣ Махидешть и еще теперь имѣетъ нѣкоторое торговое значеніе благодаря своему положенію на главномъ пути паломниковъ въ Кербелу. Число жителей Керманшахана доходитъ до 40000. Курды упоминаются у Ксенофонта въ „Киропедіи“ подъ названіемъ кардуховъ, въ клинообразныхъ надписяхъ, какъ полагаютъ, подъ названіемъ Kudraha (Кэрзонъ, I, 550) и представляютъ самую западную вѣтвь иранцевъ; можетъ быть это племя образовалось отъ смѣшенія иранскихъ завоевателей съ прежнимъ населеніемъ горной страны. Курды, какъ народъ, не имѣли въ исторіи самостоятельнаго значенія, но отдѣльные отряды ихъ, какъ и другихъ воинственныхъ народовъ, поступали на службу къ разнымъ государямъ, и предводители этихъ отрядовъ часто достигали выдающагося положенія; курдомъ былъ знаменитый Саладинъ, наиболѣе выдающійся дѣятель эпохи крестовыхъ походовъ со стороны мусульманъ. Персидскіе курды большею частью сунниты ша-

*

фіитскаго толка; по Кэрзону въ основѣ курдскаго вопроса въ Персіи лежитъ ненависть между суннитами и шіитами, какъ въ Турціи ненависть между мусульманами и христіанами. Нѣкоторые изъ курдовъ, въ большей степени подчинившіеся персидскому вліянію, сдѣлались шіитами; кромѣ того среди нихъ распространена секта Али-Иляхи, считающая Алія однимъ изъ воплощеній Божества. Около Керманшахана курды частью живутъ въ деревняхъ и почти не отличаются отъ персовъ; провинція Керманшаханъ по количеству производимыхъ хлѣбовъ является одной изъ самыхъ богатыхъ въ Персіи. Въ шатрахъ курдскихъ кочевниковъ, какъ въ шатрахъ туркменъ, ткутся ковры, пользующіеся большимъ спросомъ.

Изъ равнины Махидештъ нѣсколько путей ведутъ къ рѣчкѣ Хульванъ-чай, получившей названіе отъ города *Хульвана*, существовавшаго еще при ассирійцахъ. Арабскіе географы, повидимому, описываютъ путь черезъ Сер-и-пуль и Керіндъ. У западной оконечности перевала, отдѣляющаго долину Аб-и-Керіндъ, притока Керхи, отъ долины Махидештъ, въ селеніи *Ахуринъ*, населенномъ курдами, былъ храмъ огнепоклонниковъ, къ которому собирались паломники разныхъ странъ. Мѣстность оттуда до Хульванскаго перевала считалась небезопасной отъ нападеній курдовъ. Черезъ рѣчку Хульванъ переправлялись два раза, оба раза черезъ мосты; самый городъ Хульванъ находился на лѣвой сторонѣ рѣчки къ югу отъ Сер-и-пуля. На серединѣ перевала было каменное зданіе сасанидской постройки съ мраморнымъ поломъ; зданіе существуетъ и теперь и носитъ названіе Так-и-Гирра. Въ 5 ф. къ сѣверо-западу отъ Хульвана, на правомъ берегу рѣчки, было селеніе Каср-и-Ширинъ, гдѣ еще теперь видны развалины дворца Хосроя II и крѣпости той же эпохи. Дворецъ и крѣпость подробно описаны въ отчетѣ экспедиціи Моргана (т. IV, стр. 341 и слѣд.). Между Каср-и-Ширинъ и *Ханикиномъ*, теперь находящимся уже въ предѣлахъ Турціи, считали 6 фарсаховъ; черезъ рѣку у Ханикина находился, какъ и теперь, большой арочный мостъ. Въ средніе вѣка границей Ирака Арабскаго считался большею частью Хульванскій перевалъ, къ востоку отъ рѣчки Хульванъ-чай; географы X в. описываютъ городъ Хульванъ и въ главѣ объ Иракѣ, и въ главѣ объ области الجبال (ср. Истахри, 87 и 200). На пути изъ Ханикина въ Багдадъ замѣчательны развалины большого сасанидскаго города *Дастагерда*, у арабовъ دسكره, нынѣ Иски-Багдадъ близъ селенія Шахрабана, въ 16 ф. отъ Багдада и въ 14 отъ Ханикина. Городъ былъ разрушенъ императоромъ Гераклiемъ въ 627 г.; вблизи находятся развалины крѣпости. По Ибнъ-Русте (163) жители сами покинули городъ изъ страха передъ бедуинами и удалились въ крѣпость, на вершину

холма; говорили, что здѣсь была тюрьма одного изъ Сасанидовъ. И теперь развалины этой крѣпости носятъ названіе زندان, тюрьма (ср. Юсти, 386).

Иракъ Арабскій или древняя Вавилонія была послѣдней областью, въ которой иранскій элементъ получилъ нѣкоторое значеніе. Какъ извѣстно, политическое господство иранцевъ простиралось нѣкоторое время на всю западную Азію и Египетъ, но въ этихъ областяхъ никогда не было сколько-нибудь значительнаго числа иранскихъ поселенцевъ; съ другой стороны Вавилонія по своему плодородію и выгодному географическому положенію была центромъ цѣлаго ряда монархій, и въ то время, когда здѣсь была одна изъ столицъ, иногда главная столица иранскихъ государей, въ составъ населенія долженъ былъ войти значительный иранскій элементъ. Древнѣйшій центръ области, *Вавилонъ*, сдѣлался огромнымъ торговымъ городомъ въ VI в. до Р. Хр. при Навуходоносорѣ, который окружилъ его стѣной въ 84 версты въ окружности, такъ что городъ, по выраженію Юсти (363), скорѣе походилъ на „превращенную въ крѣпость провинцію“. Вавилонъ остался одной изъ столицъ имперіи при Ахеменидахъ; его же Александръ Великій хотѣлъ сдѣлать столицей той всемірной монархіи, которую онъ надѣялся создать. У арабскихъ географовъ بابل упоминается въ качествѣ небольшого селенія, но говорится также, что здѣсь была древняя столица; персы приписывали основаніе Вавилона Зохаку (Истахри, 86). Вблизи находилось мусульманское селеніе ал-Джамиʿанъ (الجامعان), на мѣстѣ котораго въ 1101 г. владѣтель Сейф-ад-дауля Садака, изъ династіи Мазъядидовъ, построилъ городъ Хиллу (حلة), на обоихъ, но преимущественно на западномъ берегу Евфрата. Въ XIV в., при Хамдаллахѣ Казвини (изд. Шефера, 154), жители города говорили на искаженномъ арабскомъ языкѣ, но были фанатиками-шіитами и вѣрили, что изъ ихъ города выйдетъ ожидаемый мехдій.

Новая столица возникла при Селевкѣ I (312—280 гг.), подъ названіемъ *Селевкіи*, на правомъ берегу Тигра, нѣсколько южнѣе нынѣшняго Багдада; на другомъ берегу впослѣдствіи возникъ городъ *Ктесифонъ* (ἡ Κτησιφῶν), у арабовъ и персовъ Тесафунъ или Тосафунъ. Селевкія была разрушена римлянами во II в. по Р. Хр. и возстановлена въ III в. Ардаширомъ, основателемъ династіи Сасанидовъ, подъ названіемъ Вехъ-Ардаширъ (Нельдеке, Tabarі, 16). Такимъ образомъ двойной городъ Селевкія-Ктесифонъ оставался столицей парѳянскихъ царей и ихъ преемниковъ Сасанидовъ, т. е. былъ главнымъ городомъ властите-

лей Персіи вплоть до мусульманскаго завоеванія. Исидоръ Харакскій описываетъ путь изъ Селевкіи въ Экбатану или Хамаданъ; изъ упоминанія пунктовъ Χάλα или Хульванъ, Καρίνα или Кериндъ и Κογκοβάρ или Кенгаверъ видно, что этотъ путь тожественъ съ путемъ, описаннымъ у арабскихъ географовъ и существующимъ до настоящаго времени.

Ктесифонъ вмѣстѣ съ Вехъ-Ардаширомъ и другими предмѣстьями носилъ у арабовъ названіе ал-Мадаинъ (المدائن = города). Изъ развалинъ Мадаина впослѣдствіи былъ выстроенъ Багдадъ. Отъ города эпохи Сасанидовъ сохранилась только часть знаменитаго дворца, подъ названіемъ *Так-и-Кисра* (طاق كسرى), постройка котораго приписывалась Хосрою Ануширвану. Арабы считали эту постройку однимъ изъ чудесъ свѣта и самой высокой изъ когда-либо воздвигнутыхъ кирпичныхъ построекъ. Существовало преданіе, что дворецъ разрушился безъ видимой причины въ ту ночь, когда родился пророкъ Мухаммедъ или, по другой легендѣ, въ годъ начала его проповѣди при Хосроѣ II. По преданію обѣ части Мадаина въ эпоху Сасанидовъ были соединены между собой кирпичнымъ мостомъ, но отъ этого моста уже въ X в. не было слѣдовъ (Истахри, 87). На мѣстѣ стараго города, противъ Так-и-Кисра, еще въ XIV в. находилась также мусульманская святыня, гробница брадобрѣя пророка Сельмана Фарси, упоминаемая уже у Макдиси (122); кромѣ этихъ двухъ зданій на восточномъ берегу при Хамдаллахѣ Казвини (изд. Шефера, 163) не было никакихъ построекъ; на западномъ берегу еще оставалось небольшое поселеніе.

Нигдѣ перемѣны, произведенныя арабами, не были такъ значительны, какъ въ Месопотаміи. Хамдаллахъ Казвини (162) отмѣчаетъ фактъ, что въ его время всѣ семь городовъ Ирака, существовавшихъ въ домусульманскую эпоху, Мадаинъ, Кадисія, Румійя, Хира, Бабиль, Нахрванъ и Хульванъ, лежали въ развалинахъ. Изъ этихъ городовъ *Румійя* находилась вблизи Мадаина; какъ Джундишапуръ при Шапурѣ I, такъ Румійя при Хосроѣ Ануширванѣ была построена по образцу Антіохіи для плѣнниковъ, уведенныхъ изъ этого города. Городъ носилъ у персовъ названіе Румаканъ; у армянскихъ и византійскихъ писателей онъ называется также Антіохіей Хосроя (Нельдеке, Tabari, 165—166). *Нахрванъ*, процвѣтавшій еще въ X в. (Истахри, 86), находился въ 4 ф. отъ Багдада, на большой дорогѣ въ Ханикинъ, на берегу канала, орошавшаго окрестности Багдада. *Кадисія*, при которой произошла извѣстная битва арабовъ съ персами, упоминается въ X в. въ качествѣ пограничнаго пункта Ирака на западѣ, въ 5 дняхъ пути отъ Багдада, къ юго-западу отъ Куфы (Истахри, 79). Былъ еще другой городъ Ка-

дисія на Тигрѣ, по дорогѣ изъ Багдада въ Самарру, въ 3 ф. отъ послѣдней (Ибнъ-Хордадбехъ, 67; ср. Макдиси, 29). Кромѣ того упоминается еще городъ *Анбаръ* на Евфратѣ, на пути изъ Багдада въ Сирію, въ 12 ф. отъ перваго (Ибнъ-Хордадбехъ, 53). Аббасидскіе халифы до основанія Багдада хотѣли сдѣлать своей столицей Анбаръ. Близъ *Хиры* въ мусульманское время возникла Куфа.

Всѣ главные города Ирака, т. е. кромѣ Багдада также Куфа, Басра и Васитъ, возникли уже въ мусульманскій періодъ. *Куфа* находилась въ 4 дняхъ пути отъ Багдада и 5 ф. (15 миль, Ибнъ-Хордадбехъ, 96) отъ Кадисіи, на Евфратѣ; на разстояніи фарсаха отъ нея находилась *Хира*, столица извѣстной династіи Лахмитовъ, управлявшихъ пограничными арабскими племенами въ качествѣ вассаловъ Сасанидовъ. Городъ пришелъ въ упадокъ послѣ основанія Куфы. Близъ Куфы, въ 2 фарс. къ юго-западу отъ города, показывали могилу халифа Алія; около этой святыни находилось селеніе *Неджефъ*. Еще большимъ почитаніемъ у шіитовъ, чѣмъ гробница Алія въ Неджефѣ, пользуется гробница его сына Хусейна въ *Кербелѣ* (كربلا), къ сѣверо-западу отъ Вавилона. Говорили, что халифъ Мутеваккиль (въ IX в.) хотѣлъ затопить гробницу, но вода чудеснымъ образомъ остановилась передъ святыней. Въ X в. Адуд-ад-дауля построилъ здѣсь мавзолей, вокругъ котораго возникъ небольшой городъ (Хамд. Казвини, изд. Шефера, 144—145).

Отъ Багдада до Васита считали 8 дней пути, отъ Куфы до Васита, по болотистой мѣстности—6 дней. *Васитъ*, подобно Багдаду, стоялъ на обоихъ берегахъ Тигра, соединенныхъ между собой пловучимъ мостомъ. Теперь въ этихъ мѣстахъ протекаетъ не главное русло Тигра, а только одинъ изъ каналовъ. Черезъ Васитъ проходила главная дорога изъ Ирака въ Хузистанъ. Отъ Васита считали 8 дней (или 50 ф.) до *Басры*, города, гдѣ въ домусульманское время не было никакого поселенія; „оживленіе мертвыхъ земель“ произошло уже при исламѣ, вслѣдствіе чего здѣсь съ земельныхъ участковъ не взимали податей (خراج), а только десятину (عشر; ср. Истахри, 82). Басра, орошенная множествомъ каналовъ, находилась еще въ 2 дняхъ пути отъ берега моря; въ 4 ф. отъ Басры былъ городъ *Оболла*, между главнымъ русломъ Тигра и однимъ изъ каналовъ; пристань Оболлы считалась очень опасной для кораблей (Истахри, 81), тѣмъ не менѣе торговля получила значительное развитіе. Главное русло Тигра впадало въ море около селенія *Аббаданъ*, на пути изъ Басры въ Оманъ, по Ибнъ-Хордадбеху (40) въ 12 фарсахахъ отъ первой; въ 2 фарсахахъ отъ Аббадана еще находилась пристань (الخشبات — собств. деревянныя свайныя постройки), и оттуда

садились на суда. Въ XII в., какъ теперь, названіе Аббаданъ носилъ островъ, образуемый двумя рукавами Шатт-ал-Араба при впаденіи рѣки въ море (Ибнъ-Хаукаль, X).

О Евфратѣ говорится (Кудама, 177), что онъ ниже Анбара раздѣлялся на два рукава, изъ которыхъ одинъ направлялся къ Куфѣ, другой протекалъ мимо Суры и соединялся съ Тигромъ ниже Васита; очевидно, этотъ второй рукавъ тожественъ съ нынѣшнимъ главнымъ русломъ. Западный рукавъ, по словамъ Макдиси (20), ниже Куфы раздѣлялся на множество протоковъ; изъ нихъ четыре протока достигали Тигра. По преданію разрушеніе плотинъ въ Иракѣ и образованіе болотъ произошло незадолго до мусульманскаго завоеванія, въ VII в. Терминъ شط العرب употребляется уже у Хамдаллаха Казвини (л. 254 а).

Изъ городовъ по Тигру выше Багдада замѣчательны *Самарра* и *Текритъ*. Отъ Багдада до Самарры считали 3 дня пути, оттуда 1 день до Текрита. Городъ былъ построенъ въ IX в. халифомъ Муʿтасимомъ (833—842) и оконченъ при Мутеваккилѣ (847—861), подъ названіемъ سرّ من راى, или, по Макдиси (122), سرور من راى, въ сокращенной формѣ سُرمرى. Онъ былъ построенъ на восточномъ берегу Тигра, на краю пустыни; окрестныя селенія, сады и пашни всѣ находились на западномъ берегу. Здѣсь жилъ халифъ, окруженный своей гвардіей; по Макдиси (122) здѣсь даже была устроена Кааба и мѣста, названныя долиной Мина (منى) и горой Арафатъ (عرفات), чтобы начальники гвардіи не могли покидать халифа даже подъ предлогомъ хаджа. Тѣмъ не менѣе городъ просуществовалъ немного болѣе ста лѣтъ. Уже Муʿтамидъ (870—892 гг.) перенесъ столицу снова въ Багдадъ, и городъ сталъ приходить въ упадокъ; самое названіе его было измѣнено, по словамъ Макдиси (123), въ ساء من راى, оттуда получилось سامرّا; но въ послѣдней формѣ употребляетъ это названіе уже Истахри (79, 85).

Городъ *Текритъ* былъ въ X в. и послѣ однимъ изъ средоточій христіанъ Ирака; еще въ XIII в., въ эпоху завоеванія Багдада монголами, христіане составляли значительную часть населенія Текрита (д'Оссонъ, III, 270—271). Въ монгольскую эпоху городъ, расположенный на западномъ берегу Тигра, пользовался славой сильной крѣпости, которая въ 1393 г. была взята и разрушена Тимуромъ; крѣпость считалась постройкой Сасанидовъ. За упорное сопротивленіе гарнизонъ былъ истребленъ; при разрушеніи крѣпости была оставлена одна стѣна въ назиданіе потомству (Шереф-ад-динъ, I, 647—656).

Шіитскіе владѣтели Персіи, конечно, неохотно оставили во власти суннитскихъ султановъ Турціи область, гдѣ находились главныя шіитскія святыни и гдѣ шіиты составляли значительную часть населенія. Еще въ половинѣ XIII в., во время похода монголовъ на Багдадъ, шіиты въ Хиллѣ и другихъ пунктахъ на Евфратѣ отложились отъ Аббасидовъ и оказали содѣйствіе монголамъ (д'Оссонъ, III, 255). Въ XVII в. шахъ Аббасъ Великій на нѣкоторое время отнялъ у турокъ Багдадъ, но въ 1638 г. онъ снова перешелъ во власть османскихъ султановъ.

XIII.

Горы къ сѣверу отъ Хамадана.

Въ составъ горной области الجبال, въ которой помѣщались Рей, Исфаханъ, Хамаданъ и другіе города, арабскіе географы включали также горы къ сѣверу отъ Хамадана до границъ Адербиджана. Главную часть населенія этихъ горъ составляли, какъ теперь, курды; область между Керманшаханомъ и Адербиджаномъ теперь носитъ названіе *Арделанъ*, съ главнымъ городомъ *Синна* или, вѣрнѣе, *Сенна*; еще въ XIX в. курдскій валій этого города былъ фактически совершенно независимъ отъ персидскаго правительства; подчинить область удалось только въ царствованіе шаха Насир-ад-дина, который послалъ намѣстникомъ въ Сенну своего дядю; послѣднему наслѣдовалъ его сынъ. Въ средніе вѣка главнымъ городомъ области былъ *Динаверъ*, который находился въ 4 ф. къ западу отъ селенія Сахны или Сухны; дорога въ Динаверъ отдѣлялась отъ главной дороги изъ Хамадана въ Багдадъ у селенія Мадерана, въ 4 ф. отъ قصر اللصوص или Кенгавера и въ такомъ же разстояніи отъ Сухны. Развалины Динавера находятся на берегу рѣчки, впадающей въ Джамасъ-абъ около горы Бисутунъ и носящей еще теперь названіе Аб-и-Динаверъ. Отъ Динавера считали четыре дня до *Шехризура*, который находился къ юго-востоку отъ нынѣшней Сулейманіи, недалеко отъ современной границы между Турціей и Персіей; столько же считали отъ Динавера на югъ до *Сирвана*, развалины котораго и теперь видны въ горахъ; на одинъ день пути дальше былъ городъ *Саймара*. Отъ Шехризура считали также четыре дня пути до Хульвана; по Ибнъ-Русте (164) дорога въ Шехризуръ отдѣлялась отъ большой дороги у Каср-и-Ширинъ. Шехризуръ носилъ у персовъ также названіе Нимрахъ, такъ какъ находился на полъ-дорогѣ отъ Мадаина, древней столицы, до *Шиза*, главнаго храма огнепоклонниковъ въ южной части Адербиджана, гдѣ теперь развалины *Тахт-и-Сулейманъ*. Арделанъ вмѣстѣ съ Нихавендомъ составляли въ эпоху Саса-

нидовъ область ماه; доходы области впослѣдствіи были подѣлены между арабскими лагерями въ Куфѣ и Басрѣ, вслѣдствіе чего сѣверная часть области съ Динаверомъ получила названіе ماه الكوفة, южная съ Нихавендомъ — названіе ماه البصرة.

Къ сѣверо-востоку отъ Хамадана, между нимъ и Казвиномъ, не было ни одного города. Къ сѣверу отъ Хамадана шелъ путь въ Зенджанъ черезъ городъ *Сухравердъ*, родину знаменитаго мистика XII в. шейха Сухраверди, казненнаго въ 1191 г. въ Алеппо. Но этотъ болѣе прямой путь не всегда былъ безопасенъ отъ курдовъ, въ рукахъ которыхъ находился Сухравердъ; въ такомъ случаѣ изъ Хамадана въ Зенджанъ шли кружнымъ путемъ черезъ Казвинъ (Истахри, 196). Въ Зенджанѣ дорога изъ Джибаля соединялась съ главною дорогой изъ Рейя въ Адербиджанъ.

Первымъ значительнымъ городомъ на этомъ пути былъ Казвинъ. *Казвинъ* долгое время, даже при Аббасидахъ, былъ однимъ изъ пограничныхъ пунктовъ мусульманской имперіи, такъ какъ Дейлемъ, горная часть нынѣшняго Гиляна, не былъ завоеванъ арабами; распространителемъ ислама въ Дейлемѣ сдѣлался въ началѣ IV в. хиджры одинъ изъ алидскихъ эмиссаровъ; изъ этой же области въ томъ же X в. вышла династія Буидовъ. Основаніе Казвина приписывали Шапуру, сыну основателя династіи Сасанидовъ, Ардашира. Объ исторіи и топографіи города мы имѣемъ сравнительно подробныя свѣдѣнія, такъ какъ изъ него происходилъ историкъ и географъ XIV в. Хамдаллахъ Казвини (изд. Шефера, 178—181). Жители еще въ XIV в. оставались большею частью суннитами шафіитскаго толка и, по словамъ Хамдаллаха Казвини, никогда не подчинялись еретикамъ-исмаилитамъ, хотя главныя твердыни этой секты, появившейся, какъ извѣстно, въ XI в., находились непосредственно къ сѣверу отъ города, въ мѣстности *Рудбаръ*, отстоящей отъ Казвина всего на 6 фарсаховъ. Здѣсь было до 50-ти сильныхъ крѣпостей; изъ нихъ главными были *Аламутъ* и *Меймунъ-Дизъ*. Въ Аламутѣ, разрушенномъ монголами, жилъ глава секты исмаилитовъ или асасиновъ. Названіе замка значило, по словамъ Хамдаллаха Казвини (изд. Шефера, 183), „орлиное гнѣздо“, آل اموت, очевидно на мѣстномъ нарѣчіи. О сектѣ исмаилитовъ мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь подробнаго изслѣдованія, какъ вообще XI и XII вв. являются наименѣе изслѣдованной эпохой исторіи мусульманскихъ народовъ. Было бы крайне интересно изслѣдовать, чѣмъ объясняется успѣхъ этой секты, объединившей въ своихъ рукахъ цѣлый рядъ крѣпкихъ замковъ на обширномъ пространствѣ

до Кухистана на востокѣ и разсылавшей по всѣмъ областямъ мусульманской Азіи тайныхъ убійцъ къ намѣченнымъ жертвамъ; какъ извѣстно, отъ названія этой секты (*Хашишинъ*) образовалось французское слово assassin (убійца). Въ то же время главы секты не были чужды культурныхъ стремленій; въ Аламутѣ имѣ была собрана огромная библіотека, пользовавшаяся широкою извѣстностью. Передъ разрушеніемъ Аламута монголами въ 1256 г. историкъ Джувейни, сопровождавшій ильхана Хулагу, обратилъ вниманіе послѣдняго на цѣнность библіотеки. Хулагу распорядился, чтобы всѣ книги были доставлены Джувейни, который сохранилъ изъ нихъ цѣнныя, по его мнѣнію, сочиненія и астрономическіе инструменты, а книги, въ которыхъ излагалось еретическое ученіе исмаилитовъ, велѣлъ сжечь (д'Оссонъ, III, 198). По Шардену (II, 267) Аламутъ впослѣдствіи былъ возстановленъ и при Сефевидахъ служилъ государственной тюрьмой; лицъ, отъ которыхъ хотѣли отдѣлаться, сбрасывали съ высокой скалы, на которой была построена крѣпость. Изъ пограничныхъ крѣпостей въ окрестностяхъ Казвина упоминается еще *Тальканъ*, расположенный къ востоку отъ Казвина, ближе къ горамъ, и бывшій въ концѣ X в., при Макдиси (360), значительнымъ городомъ. Въ XVI в., при шахѣ Тахмаспѣ, Казвинъ былъ нѣкоторое время столицей Персіи; по отзыву путешественниковъ XVII в., онъ не уступалъ по блеску ни одному городу Персіи, кромѣ Исфахана. Еще теперь онъ, благодаря своему географическому положенію на главной дорогѣ отъ берега Каспійскаго моря, изъ Решта, въ столицу Персіи, Тегеранъ, остается бойкимъ торговымъ пунктомъ. Казвинъ — первый большой городъ, который проѣзжающій по этой дорогѣ въ Персію встрѣчаетъ на своемъ пути. Число жителей, какъ полагаютъ, доходитъ до 40,000, хотя Кэрзонъ (I, 35) находитъ это число преувеличеннымъ.

Дорога изъ Казвина въ Зенджанъ проходила черезъ городъ *Абхаръ*, существующій и теперь, хотя въ сторонѣ отъ большой дороги; въ X в. Абхаръ, подобно Казвину, много пострадалъ отъ курдовъ и дейлемцевъ (Ибнъ-Хаукаль, 258). Между Абхаромъ и Зенджаномъ, въ 9 ф. отъ перваго и въ 5 ф. отъ второго, при монголахъ возникла новая столица Ирана, *Султанія*. Постройка города была начата въ XIII в., при ильханѣ Аргунѣ, и окончена въ началѣ XIV в., при ильханѣ Ульджейту. Ульджейту хотѣлъ окружить городъ обширной стѣной, 30,000 шаговъ въ окружности, но, по словамъ Хамдаллаха Казвини, (изъ Шефера, 177) не успѣлъ окончить этой постройки. Клавихо (176) въ началѣ XV в. говоритъ, что городъ расположенъ въ равнинѣ и не обнесенъ стѣною, но имѣетъ крѣпость съ толстыми стѣнами и кра-

сивыми башнями. Крѣпость была построена изъ тесанаго камня. По словамъ Клавихо (177—179), Султанія уступала по обширности Тебризу, но имѣла еще большее торговое значеніе; сюда привозился шелкъ изъ Гиляна, гдѣ шелководство процвѣтало впродолженіе среднихъ вѣковъ и пришло въ упадокъ только въ новѣйшее время, и изъ Шемахи, также шелковыя и другія ткани и ковры изъ южной Персіи, наконецъ, индійскіе товары изъ Ормуза. Отъ Султаніи до Ормуза считали 60 дней пути, до Каспійскаго моря черезъ Гилянъ всего 6 дней. Къ Султаніи какъ центру политической и торговой жизни Персіи, Хамдаллахъ Казвини (л. 239 a—245 b) пріурочиваетъ всѣ описанные имъ маршруты: شاهراه جنوبی — путь въ Хамаданъ, оттуда въ Багдадъ и въ Мекку; شاهراه شرقی — путь въ Казвинъ, Вераминъ (около Тегерана) и Хорасанъ; شاهراه شمالی — путь черезъ Зенджанъ въ Ардебиль и области Закавказья; شاهراه غربی — путь изъ Зенджана въ Тебризъ и въ Малую Азію; شاهراه بين الشرق و الجنوب — путь черезъ Саву въ Кумъ, оттуда въ Исфаханъ, Ширазъ и къ гаванямъ Персидскаго залива.

Послѣ Тимура городъ сталъ приходить въ упадокъ и къ концу XVI вѣка уже утратилъ свое прежнее великолѣпіе. Въ XVII вѣкѣ въ немъ было всего около 6,000 жителей; въ XIX в. при Керъ-Портерѣ, когда Фатхъ-Али-шахъ построилъ здѣсь лѣтній дворецъ и цитадель и мечталъ о возстановленіи города подъ названіемъ Султанабада, въ немъ считалось всего около 300 семействъ; но послѣ русско-персидской войны 1826—1828 гг. планъ Фатхъ-Али былъ оставленъ. Въ настоящее время городъ замѣчателенъ только своими развалинами XIV в., именно двумя обширными мечетями. Въ большой мечети, много пострадавшей при землетрясеніи въ началѣ XIX в., находится гробница султана Ульджейту, болѣе извѣстнаго подъ своимъ мусульманскимъ именемъ Худабенде; зданіе, по словамъ Хамдаллаха Казвини, находилось въ цитадели; отъ послѣдней, какъ видно изъ изображенія въ книгѣ Керъ-Портера (I, 278), сохранилась только незначительная часть вала съ башней на сѣверо-западной сторонѣ; величина цитадели опредѣляется квадратнымъ рвомъ; длина каждой стороны 300 ярдовъ или 900 футовъ; такимъ образомъ окружность цитадели—немного болѣе версты, что приблизительно соотвѣтствуетъ цифрѣ, указанной у Хамдаллаха Казвини (178)—2,000 шаговъ. Лучше сохранилась такъ называемая „внѣшняя мечеть“ съ куполомъ въ 120 футовъ вышины, съ четырьмя минаретами и двумя входными арками. Историческія извѣстія (д'Оссонъ, IV, 542, 545—546) кромѣ того говорятъ о медресе, построенной султаномъ Худабенде рядомъ съ боль-

шою мечетью, въ которой было 16 преподавателей и до 200 студентовъ, и о многочисленныхъ постройкахъ его везира Али-шаха.

Къ востоку отъ Султаніи находился округъ съ селеніемъ, носящимъ до сихъ поръ полу-монгольское названіе *Саинъ-Кала* (саинъ=монг. „добрый, хорошій“); домонгольское названіе этого селенія было Кухудъ (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 187). Дорога изъ Султаніи въ Зенджанъ проходитъ по долинѣ рѣки Зенджанъ-рудъ, притока значительной по длинѣ, но несудоходной рѣки, носящей персидское названіе Исфидъ-рудъ (теперь Сефидъ-рудъ), упоминаемое уже у арабскихъ географовъ, и турецко-монгольское названіе Кызылъ-узунъ. Къ югу отъ Султаніи и этой долины простирались горы سجاس, гдѣ былъ похороненъ въ 1291 г. одинъ изъ монгольскихъ властителей Персіи, Аргунъ (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 186).

Городъ *Зенджанъ* въ средніе вѣка не имѣлъ большого значенія; въ настоящее время въ немъ до 20,000 жителей. Въ XIX в. онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ одинъ изъ опорныхъ пунктовъ бабидовъ; въ 1850 г. городъ былъ взятъ правительственными войсками, и возстаніе бабидовъ подавлено послѣ упорнаго сопротивленія. Отсюда какъ при географахъ X в., такъ и въ монгольскій періодъ шли двѣ дороги въ Адербиджанъ, одна на сѣверо-востокъ черезъ Сефидъ-рудъ въ Ардебиль, другая въ Тебризъ и Мерагу.

XIV.

Адербиджанъ и Арменія.

Адербиджанъ или вѣрнѣе Адербейджанъ въ древности составлялъ сѣверозападную часть Мидіи; самостоятельное значеніе онъ получилъ только послѣ Александра Македонскаго, когда здѣсь утвердился персъ Атропатъ, посланный Александромъ въ Мидію въ 328 г. въ качествѣ сатрапа. Атропату удалось основать здѣсь небольшое государство, получившее его имя (у грековъ Atropatene, у армянъ Atrpatakan, отсюда Адербейджанъ); это небольшое владѣніе замѣчательно какъ первое проявленіе реакціи иранскаго элемента противъ греческаго завоеванія и вторженія греческой культуры. Столица области, у классическихъ писателей Γάζα или Γάζακα, у армянъ и сирійцевъ Гандзакъ или Ганзакъ, т. е. перс. *Ганджакъ*, у арабовъ كزنا (съ перестановкой звуковъ) или جنزة (ср. Марквартъ, 108), въ то время была главнымъ религіознымъ центромъ; городъ или его округъ носятъ у арабовъ также названіе الشيز. Здѣсь былъ храмъ огнепоклонниковъ, къ которому, по преданію, персидскіе цари изъ династіи Сасанидовъ послѣ своего вступленія на престолъ должны были совершать паломничество пѣшкомъ изъ Мадаина (Ибнъ-Хордадбехъ, 91). Мѣстоположеніе города опредѣляется развалинами Тахт-и-Сулеймана, къ юго-востоку отъ *Мераги*. Арабскіе географы называютъ въ качествѣ бывшей столицы и военнаго лагеря области только этотъ послѣдній городъ, расположенный къ югу отъ высокой горы Сахендъ, на берегу рѣчки, текущей съ этой горы въ озеро Урмію. Военнымъ лагеремъ городъ сдѣлался уже при арабахъ и отъ нихъ получилъ свое названіе. Якутъ (IV, 476) приводитъ старое персидское названіе города افرازهرود; арабское слово مراغة, отъ корня مرغ (въ V формѣ تمرّغ — пастись), значитъ пастбище коней (букв. мѣсто, гдѣ кони валяются на землѣ). Здѣсь былъ станъ арабскаго намѣстника Адербиджана и Арменіи. Горы защищаютъ Мерагу отъ сѣверныхъ вѣтровъ, вслѣдствіе чего получило широкое

развитіе земледѣліе и въ особенности садоводство, но климатъ считался нездоровымъ. При монголахъ на холмѣ къ сѣверу отъ города въ 1259 г. была построена обсерваторія для знаменитаго астронома Насир-ад-дина Туси, который составилъ здѣсь свои таблицы زيج الايلخانى; при обсерваторіи была библіотека, въ которую вошла значительная часть книгъ, захваченныхъ при взятіи Багдада. Инструменты обсерваторіи стоили 20,000 динаровъ; кромѣ персидскихъ астрономовъ въ ней работали китайскіе, отъ которыхъ Насир-ад-динъ получилъ свѣдѣнія о китайскомъ лѣтосчисленіи (д'Оссонъ, III, 264—266). Уже при Хамдаллахѣ Казвини (изд. Шефера, 219), писавшемъ въ 1339 г., обсерваторія лежала въ развалинахъ, хотя еще въ 1300 г. ее посѣтилъ и осмотрѣлъ ильханъ Газанъ (д'Оссонъ, IV, 271).

Въ эпоху арабскихъ географовъ административнымъ и военнымъ центромъ области былъ *Ардебиль*. Городъ находился въ хорошо орошенной равнинѣ, въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ снѣжной горы Савеланъ, у арабовъ سبلان, самой высокой горы въ Адербиджанѣ и одной изъ самыхъ высокихъ въ Персіи. Какъ мы видѣли, дороги въ Ардебиль и въ Мерагу развѣтвлялись уже у города Зенджана, но существовалъ также путь въ Ардебиль, какъ теперь, черезъ Міане, у средневѣковыхъ авторовъ ميانج (форма ميانه встрѣчается, однако, уже у Макдиси, 378); городъ, можетъ быть, получилъ свое названіе оттого, что находился въ одинаковомъ разстояніи (около 20 фарс.) отъ обоихъ главныхъ городовъ Адербиджана, Ардебиля и Мераги. Ардебиль упоминается въ качествѣ резиденціи намѣстника области уже въ разсказѣ объ арабскомъ завоеваніи. Вслѣдствіе обилія орошенія еще путешественники XVII в. сравниваютъ Ардебиль съ Венеціей; но по той же причинѣ грязь улицъ Ардебиля уже въ X в. вошла въ поговорку (ср. Туркестанъ, 144). Еще въ XIV в., при Хамдаллахѣ Казвини (изд. Шефера, 210), жители города считались шафіитами, но въ концѣ XV в. изъ него вышло шіитское движеніе, бывшее причиной образованія ново-персидскаго государства, въ которомъ шіитство сдѣлалось господствующей религіей. Предокъ династіи Сефевидовъ шейхъ صفى الدين, повидимому, не былъ шіитомъ, такъ какъ Хамдаллахъ Казвини говоритъ о жителяхъ Ардебиля, что они были „шафіитами и мюридами шейха Сефи-ад-дина“; можетъ быть только потомокъ этого шейха, Исмаилъ, основатель династіи Сефевидовъ, объявилъ себя и своего предка потомками Алія и поднялъ знамя шіитства. Шахъ Исмаилъ, умершій въ 1524 г., также былъ похороненъ въ Ардебилѣ; вслѣдствіе этого городъ при его потомкахъ

сохранялъ нѣкоторое значеніе. Такъ Аббасъ Великій пожертвовалъ городу, въ видѣ вакфа, богатую библіотеку. Ардебиль былъ взятъ Паскевичемъ въ началѣ 1828 г., и большая часть библіотеки была отправлена, въ качествѣ военной добычи, въ Петербургъ, гдѣ находится и теперь въ Публичной Библіотекѣ; среди этихъ рукописей есть много рѣдкихъ и цѣнныхъ сочиненій.

Городъ *Тебризъ*, нынѣшняя столица Адербиджана, считается основаннымъ уже въ мусульманское время, именно въ концѣ VIII в., Зубейдой, женой Харуна ар-Рашида. Въ первое время послѣ своего основанія Тебризъ оставался деревней; укрѣпленнымъ городомъ онъ сдѣлался только при халифѣ Мутеваккилѣ (847—861), когда былъ резиденціей мятежнаго военачальника الرواد الازدى и его преемника (Якутъ, I, 822). Въ X в. онъ еще былъ незначительнымъ городомъ; въ эпоху монгольскаго завоеванія онъ уже упоминается какъ столица мѣстной династіи атабековъ. Якутъ, бывшій здѣсь въ 1213 г., говоритъ о Тебризѣ, какъ о крупномъ промышленномъ центрѣ; выдѣлывавшіяся здѣсь ткани вывозились во всѣ страны.

Еще болѣе возвысился городъ въ XIII в., въ эпоху господства монголовъ, когда онъ сдѣлался столицей Персіи. Послѣдній фактъ отчасти былъ вызванъ необходимостью сосредоточить здѣсь военныя силы страны для отраженія нашествій, постоянно угрожавшихъ съ сѣвера, отчасти природными условіями области, всегда привлекавшими кочевниковъ. Кочевники находили здѣсь какъ горныя пастбища для своихъ стадъ, такъ и защищенныя отъ вѣтровъ зимовки. Зимовками монгольскихъ хановъ служили долина рѣчки Чагату, впадающей въ Урмію около Мераги, и въ особенности Муганская равнина у низовьевъ Куры. Лѣтовками служили горы Сіяхъ-Кухъ, т. е. Карадагъ, въ Адербиджанѣ и Алатагъ въ Арменіи; около Алатага былъ лѣтній дворецъ хана Аргуна (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 232). Мѣстомъ погребенія первыхъ монгольскихъ хановъ, Хулагу и Абаги, была гора *Шахи* или Теля, теперь находящаяся на полуостровѣ, но тогда озеро Урмія занимало болѣе обширное пространство, чѣмъ теперь, и гора находилась на островѣ среди озера. Свое владычество въ Адербиджанѣ Хулагидамъ постоянно приходилось отстаивать противъ хановъ Золотой Орды. Прикаспійскія области и Адербиджанъ были опустошены монголами еще при Чингизъ-ханѣ и, подобно всѣмъ западнымъ областямъ имперіи, должны были войти въ составъ удѣла Джучи; когда въ половинѣ XIII в. ханъ Мункэ отправилъ въ Персію своего брата Хулагу и послѣдній основалъ здѣсь самостоятельное монгольское государство, то владѣтели

этого государства, ильханы заняли также Адербиджанъ и отказались признать права Джучидовъ на эту область; съ своей стороны Джучиды нѣсколько разъ предъявляли свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ эти причины заставляли монгольскихъ хановъ жить преимущественно въ Адербиджанѣ; продолжая вести кочевую жизнь, они естественно желали сосредоточить правительственныя учрежденія какъ можно ближе къ своимъ кочевьямъ; для этой цѣли былъ выбранъ Тебризъ, сравнительно мало пострадавшій при Чингизъ-ханѣ. Монголы три раза подступали къ городу, но жителямъ каждый разъ удавалось откупиться отъ нихъ деньгами. Уже этотъ фактъ показываетъ, какъ велики, благодаря развитію промышленности, были матеріальныя средства жителей.

Уже со времени ильхана Аргуна (1284—1291 гг.) персидскіе монголы стали проявлять склонность къ постройкамъ. Аргунъ воздвигъ нѣкоторыя постройки въ селеніи شنب, въ западныхъ окрестностяхъ Тебриза; селеніе получило отъ него названіе ارغونیه (д'Оссонъ, IV, 58). Аргунъ еще не принялъ ислама, и главной изъ воздвигнутыхъ имъ построекъ былъ храмъ идолопоклонниковъ; на стѣнахъ было изображеніе самого Аргуна (тамъ же, IV, 282). Этотъ храмъ былъ разрушенъ при сынѣ Аргуна, Газанѣ (1295—1304), ревностномъ мусульманинѣ, одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ средневѣковыхъ правителей Персіи. Оставаясь монголомъ и любителемъ монгольской старины, Газанъ въ то же время въ большей степени, чѣмъ всѣ его предшественники, усвоилъ начала персидской культуры, могъ говорить объ астрономическихъ инструментахъ съ учеными мерагской обсерваторіи и хотѣлъ дать Персіи такое государственное устройство и законодательство, которыя въ одинаковой степени удовлетворяли бы интересамъ осѣдлаго и кочевого населенія страны.

Тебризъ при Газанѣ былъ расширенъ до предѣловъ, соотвѣтствующихъ столицѣ обширнаго государства. Прежде стѣны города имѣли только 6000 шаговъ въ окружности; Газанъ велѣлъ окружить городъ вмѣстѣ съ окрестными селеніями новой стѣной, окружность которой равнялась 25000 шаговъ (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 204), по другому опредѣленію, $4^1/_2$ фарсаха (д'Оссонъ, IV, 276), т. е. немного менѣе 30 верстъ; вслѣдствіе его смерти эта постройка не была закончена. Подобно своему отцу онъ облюбовалъ селеніе شنب, которое при немъ получило названіе غازانیه; чаще оно называется شنب غازان خان; здѣсь Газанъ построилъ для себя мавзолей, который превзошелъ гробницу султана Синджара въ Мервѣ, прежде считавшуюся у мусульманъ самой высокой постройкой (ср. стр. 30), также мечеть, двѣ медресе, одну для ханифитовъ, другую для шафіитовъ,

и цѣлый рядъ другихъ зданій. Его везиръ, историкъ Рашид-ад-динъ, воздвигъ постройки въ одномъ изъ кварталовъ, который отъ него получилъ названіе ربع رشيدى или رشيديه, въ восточной части города (Катрмеръ, стр. LVII). Другому везиру, Тадж-ад-дину Али-шаху, виновнику смерти Рашид-ад-дина, принадлежитъ постройка мечети, отчасти сохранившейся до сихъ поръ въ цитадели въ юго-западной части города. Подробное описаніе зданія, принадлежащее арабскому историку XV в. ал-Айни, издано покойнымъ барономъ Тизенгаузеномъ. По Хамдаллаху Казвини (205) при постройкѣ было употреблено „несмѣтное количество мрамора“. Уже въ XVII в. отъ зданія уцѣлѣлъ только куполъ; въ XIX в. остатки зданія были обращены въ военный арсеналъ и подзорную башню; здѣсь въ 1850 г. былъ казненъ Бабъ, основатель секты бабидовъ.

Хамдаллахъ Казвини въ 1339 г. утверждаетъ, что столько высокихъ и красивыхъ построекъ, какъ въ Тебризѣ, не было во всемъ остальномъ Иранѣ. Послѣ паденія династіи персидскихъ монголовъ городъ оставался столицей династій Джелаиридовъ, туркменовъ Чернаго Барана и туркменовъ Бѣлаго Барана (Кара-Коюнлу и Акъ-Коюнлу) и сохранялъ свое значеніе въ XV в., несмотря на погромы, которымъ подвергся въ концѣ XIV в. Въ 1385 г. его разграбилъ Тохтамышъ, въ 1386 г. Тимуръ. Какъ быстро городъ успѣлъ оправиться отъ этого погрома, видно изъ отзыва Клавихо (167—170), проѣзжавшаго здѣсь въ 1404 г., на котораго Тебризъ произвелъ впечатлѣніе огромнаго и богатаго города, съ 200,000 населенія; ежедневно здѣсь провозилось огромное количество товаровъ. Клавихо описываетъ въ Тебризѣ огромный домъ, построенный султаномъ Увейсомъ (1356—1374) изъ династіи Джелаиридовъ, заключавшій въ себѣ до 20000 комнатъ и носившій названіе دولت خانه. Городъ въ то время не имѣлъ стѣнъ.

Къ XV столѣтію, именно ко времени Джеханшаха, хана туркменовъ Кара-Коюнлу (1437—1467), относится лучшее изъ тѣхъ зданій Тебриза, остатки которыхъ сохранились до настоящаго времени, именно такъ называемая „синяя мечеть“, مسجد كبود, получившая это названіе отъ цвѣта нѣкогда украшавшей его великолѣпной глазури. Изображеніе развалинъ этой мечети помѣщено въ книгѣ Керзона (I, 520). Зданіе много пострадало отъ землетрясеній, вообще часто постигавшихъ Тебризъ. Хамдаллахъ Казвини (204) утверждаетъ, что послѣ землетрясенія 434 (1042) г., по совѣту одного астролога, при возстановленіи города были приняты мѣры для предупрежденія новой катастрофы; астрологъ утверждалъ, что опасность землетрясеній теперь устранена, и дѣйствительно съ тѣхъ поръ до времени автора, т. е. въ теченіе 300 лѣтъ, не было ни

*

одного землетрясенія. Зато въ XVIII в. городъ былъ постигнутъ страшными землетрясеніями 1721 и 1780 гг.; при первомъ будто бы погибло 80,000, при второмъ 40,000 человѣкъ (Кэрзонъ, I, 518). Несмотря на все это, городъ не утратилъ своего значенія, хотя въ XVI в. пересталъ быть столицей государства. Шарденъ (I, 256—257) въ XVII в. утверждалъ, что въ немъ было до 550,000 жителей, что площадь его была самой обширной, какую ему приходилось видѣть въ какомъ-либо городѣ и далеко превосходила исфаханскую. Въ началѣ XIX в. въ Тебризѣ считалось всего 50000, по нѣкоторымъ опредѣленіямъ всего 30000 человѣкъ, но съ тѣхъ поръ онъ снова сдѣлался самымъ оживленнымъ торговымъ пунктомъ и, по нѣкоторымъ опредѣленіямъ, также самымъ многолюднымъ городомъ Персіи; въ немъ считается до 240000 жителей, т. е. нѣсколько больше, чѣмъ въ Тегеранѣ. Въ XIX в. городъ былъ обыкновенно резиденціей наслѣдника престола. Въ Тебризѣ соединяются дороги изъ Россіи черезъ Закавказье и изъ западной Европы и Турціи черезъ Трапезунтъ; послѣдняя дорога была возстановлена въ XIX в. Аббасъ-Мирзой, но упоминается уже у географовъ X в.; большая часть греческихъ товаровъ, привозившихся въ мусульманскія страны, шла черезъ Трапезунтъ (Ибнъ-Хаукаль, 246).

При монголахъ возникъ или, вѣрнѣе, былъ возобновленъ въ Адербиджанѣ еще одинъ городъ, *Уджанъ*, въ 8 ф. отъ Тебриза на пути въ Міане. Возобновленіе этого города также было дѣломъ Газанъ-хана, который назвалъ его شهر اسلام; доходы съ него и окрестныхъ деревень шли въ пользу благотворительныхъ учрежденій Газана. Въ Уджанѣ и въ XIX в. былъ одинъ изъ лѣтнихъ дворцовъ шаха; городокъ считается однимъ изъ самымъ прохладныхъ мѣстъ въ Персіи. Въ XIV в. здѣсь между прочимъ была христіанская община (Хамдаллахъ Казвини, изд. Шефера, 209). На дальнѣйшемъ пути въ Міане находится селеніе Туркменчай, гдѣ былъ заключенъ миръ 1828 г.; уже въ XIV в. здѣсь было селеніе ده ترکمانان, въ 6 ф. отъ Міане; Клавихо (172) называетъ здѣсь туркменское селеніе Tucelar (توزلار). Народы турецкаго племени составляютъ, какъ извѣстно, теперь большинство населенія Адербиджана, не только кочевого, но и осѣдлаго; нарѣчіе осѣдлыхъ адербиджанцевъ, на которомъ существуетъ литература, вмѣстѣ съ нарѣчіями туркменъ и османовъ принадлежитъ къ такъ называемой южно-турецкой группѣ. По религіи адербиджанскіе турки такіе же ревностные шіиты, какъ персы.

Изъ городовъ и селеній, расположенныхъ въ бассейнѣ озера Урміи, кромѣ Тебриза и Мераги сохранили свои средневѣковыя названія *Дехъ-Харраканъ*, *Хой*, *Мерендъ*, *Сельмасъ*, *Урмія* и другіе. Въ водѣ озера

вслѣдствіе крайне высокаго процента соли не могутъ жить рыбы и даже невозможно купаніе; объ измѣненіи размѣровъ озера мы уже упоминали. Озеро у древнихъ персовъ носило названіе *Чечашть* (ср. Марквартъ, 108), встрѣчающееся еще въ XIV в. (у Хамд. Казвини; въ изд. Шефера, 217, خنجست), теперь оно извѣстно подъ названіемъ دریای شاهی. На берегу его, особенно въ Дехъ-Харраканѣ, добывается превосходный мраморъ, которымъ, очевидно, пользовались для своихъ построекъ ханы и везиры монгольской эпохи; выламывать его дозволяется только съ особаго разрѣшенія шаха. Городъ Урмія замѣчателенъ еще какъ центръ персидскихъ несторіанъ, въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, присоединенныхъ къ православію.

Горы сѣверо-восточной части Адербиджана носятъ названіе *Карадагъ*. Здѣсь въ IX в. происходила послѣдняя борьба ересіарха Бабека съ войсками аббасидскаго правительства, подъ начальствомъ Афшина. Операціоннымъ базисомъ Афшина былъ городъ Берзендъ, въ 14 (по Истахри въ 15) ф. отъ Ардебиля на пути къ Курѣ; оттуда было по 2 фарс. до каждаго изъ трехъ рвовъ, вырытыхъ Афшиномъ, и отъ послѣдняго рва еще одинъ фарсахъ до столицы Бабека, которую арабы называли البذّ (Ибнъ-Хордадбехъ, 92). Послѣдователи Бабека, такъ называемые الخرّميّة или الخرّمدينية, жили и въ X в. къ югу отъ Адербиджана, въ трудно доступныхъ горахъ. Въ ихъ селеніяхъ, по словамъ Макдиси (398—399), не было мечетей, и жители не исполняли предписаній ислама; на вопросъ Макдиси, почему мусульмане оставляютъ ихъ въ покоѣ, они отвѣтили, что признаютъ единаго Бога и кромѣ того вносятъ ежегодно значительную сумму въ казну правительства.

Адербиджанъ теперь составляетъ пограничную область Персіи, что приблизительно соотвѣтствуетъ этнографическимъ границамъ распространенія иранскаго племени въ древности; но культурному вліянію иранцевъ, иногда и политической власти Персіи подчинялись также сосѣднія области Арменія, Албанія (у мусульманъ Арранъ), Иверія (Грузія) и нынѣшній Дагестанъ со знаменитымъ Дербентскимъ проходомъ. Всѣ эти области первоначально были населены народами не-арійскаго происхожденія, отчасти достигшими значительнаго культурнаго развитія задолго до пришествія арійцевъ и впослѣдствіи дольше, чѣмъ Иранъ, подвергавшимися вліянію греческой и христіанской культуры; еще въ эпоху арабскихъ географовъ X в. города Арменіи и Закавказья по своему торгово-промышленному развитію превосходили города Адербиджана. Вопросъ объ этнографическомъ происхожденіи армянскаго народа еще не разрѣшенъ

съ точностью; нѣкоторые, какъ лингвистъ Хюбшманнъ, считаютъ армянъ особой вѣтвью индо-европейцевъ, другіе полагаютъ, что населеніе Арменіи вмѣстѣ съ древними хетитами и съ населеніемъ Албаніи и Грузіи составляло особую, такъ называемую *алародскую* группу, не имѣвшую ничего общаго съ арійцами. Алароды упоминаются еще у Геродота (Ἀλαρόδιοι); въ ассирійскихъ надписяхъ говорится о государствѣ Urartu, центръ котораго, какъ мы знаемъ изъ дошедшихъ до насъ надписей царей этого государства, находился близъ озера Ванъ. Съ названіемъ этого царства тожественно и слово Араратъ, которое у армянъ всегда употреблялось въ качествѣ названія мѣстности, не въ качествѣ названія горы, называвшейся Масисъ. У арабскихъ географовъ X в. гора Араратъ носитъ названіе الحارث, Малый Араратъ—названіе الحويرث.

Недалеко отъ Арарата, на Араксѣ, находились какъ *Артаксата*, столица армянскихъ царей въ періодъ парѳянскаго владычества, такъ и *Двинъ*, у арабовъ دبيل, столица мусульманскихъ эмировъ Арменіи. Городъ былъ больше Ардебиля; выдѣлывавшіяся въ немъ ткани пользовались большой извѣстностью. Армянскіе ковры упоминаются въ числѣ подарковъ, посланныхъ газневидскимъ султаномъ Махмудомъ Кадыръ-хану кашгарскому (Туркестанъ, 299). Черезъ Двинъ проходилъ торговый путь изъ Трапезунта; впослѣдствіи была сдѣлана попытка дать этому пути болѣе прямое направленіе черезъ *Ани*, на Арпачаѣ, притокѣ Аракса, гдѣ жили въ X в. цари изъ династіи Багратидовъ, въ XI в. съ 1044 г. византійскіе намѣстники, съ 1072 г. мусульманскіе эмиры изъ династіи Шеддадидовъ, въ XII в. снова армянскіе князья, въ зависимости сначала отъ грузинскихъ царей, потомъ отъ монгольскихъ хановъ. Развалины Ани подробно изслѣдованы Н. Я. Марромъ, по отзыву котораго онѣ представляютъ „цѣлый музей армянскаго искусства“.

Та часть Арменіи, которая теперь составляетъ Эриванскую губернію и Карскую область, еще въ новое время, особенно въ XVI и XVII вв., была предметомъ борьбы между османскими султанами и персидскими шахами; еще въ 1590 г. персы по договору должны были уступить туркамъ всѣ области Закавказья и даже Адербиджанъ. Въ 1603 и 1604 гг. шахъ Аббасъ вернулъ себѣ всѣ эти области и даже взялъ Карсъ. Эриванская губернія, раздѣлявшаяся прежде на ханства Эривань и Нахичеванъ, какъ извѣстно, присоединена отъ персовъ въ 1828 г., Карская область отъ турокъ въ 1878 г. *Нахичевань* и *Карсъ* часто упоминаются въ средніе вѣка; *Эривань* возникла въ качествѣ селенія при Тимурѣ, а городомъ сдѣлалась только въ XVI в. при шахѣ Исмаилѣ и тогда же получила свое нынѣшнее названіе. Въ рукахъ турокъ осталась сильная

крѣпость *Баязидъ*, къ юго-западу отъ Арарата, еще въ XIX в. бывшая столицей полунезависимаго курдскаго владѣтеля.

Аракс, имѣвшій прежде отдѣльное устье отъ Куры, составлялъ также границу между Адербиджаномъ и *Арраномъ*, древней Албаніей; въ составъ Аррана входили нынѣшняя Елисаветпольская губернія и часть Бакинской; подъ Арраномъ въ тѣсномъ смыслѣ понимали пространство между Араксомъ и Курой. Подобно Арменіи, Арранъ первоначально былъ населенъ народомъ не-арійскаго происхожденія; еще арабскіе географы X в. говорятъ объ особомъ арранскомъ языкѣ; по армянскимъ извѣстіямъ для этого языка въ V в. былъ изобрѣтенъ особый алфавитъ (Марквартъ, 117). Главнымъ городомъ Аррана былъ городъ Partav, у арабовъ *Берда'а* (برذعة или برذع), нынѣ развалины около селенія Барда, недалеко отъ впаденія Тертера въ Куру; арабы считали отъ Берда'и до берега Куры 2 или 3 фарсаха. Въ X в. городъ превосходилъ по величинѣ всѣ остальные города Закавказья и Адербиджана и занималъ пространство въ фарсахъ въ длину и нѣсколько меньше въ ширину; изъ всѣхъ городовъ между Ираномъ и Хорасаномъ только Рей и Исфаханъ превосходили его. У воротъ города былъ огромный базаръ по воскреснымъ днямъ; добывавшійся здѣсь шелкъ вывозился въ Фарсъ и Хузистанъ (Истахри, 183). По выраженію Макдиси (375), городъ былъ какъ бы „Багдадомъ“ для этой страны. Богатства города, очевидно, были причиной разграбленія его русскими во время похода 943 г.

Берда'а была исходнымъ пунктомъ всѣхъ приводимыхъ арабами торговыхъ путей черезъ Закавказье; сюда относятся:

1) путь на востокъ черезъ Шемаху въ *Ширванъ*, область, составлявшую часть нынѣшней Бакинской губерніи, гдѣ въ средніе вѣка господствовала особая династія ширванъ-шаховъ, и оттуда вдоль берега моря въ *Дербентъ*, у арабовъ باب الابواب, бывшій тогда главной гаванью этихъ областей (Истахри, 184); городъ по величинѣ превосходилъ Тифлисъ и уступалъ только Берда'ѣ. Гавань *Баку* (باكره, впослѣдствіи باكويه) тоже упоминается, но тогда не имѣла большого значенія; возвышеніе ея относится къ эпохѣ послѣ монгольскаго нашествія, когда европейскіе путешественники часто называли Каспійское море Бакинскимъ.

2) Путь на юго-востокъ въ *Байлаканъ*, находившійся недалеко отъ мѣста сліянія Аракса съ Курой, и оттуда на югъ въ Ардебиль, черезъ такъ называемую Муганскую степь и пограничный городъ Адербиджана *Вартанъ*, въ 7 ф. къ югу отъ Байлакана. Городъ Байлаканъ въ 1221 г. былъ разрушенъ монголами и теперь не существуетъ, хотя былъ возста-

новленъ еще при Тимурѣ въ 1403 г. Уже во время путешествія Клавихо (358) въ 1405 г. въ этомъ городѣ было до 20,000 домовъ.

3) Путь на сѣверо-западъ черезъ *Гянджу*, у арабовъ جنزه, нынѣ Елисаветполь, въ Тифлисъ. Уже въ XIII в. городъ достигъ такого промышленнаго развитія, что могъ тканями откупиться отъ монголовъ (д'Оссонъ, I, 334).

4) Путь на юго-западъ въ армянскую столицу Двинъ.

При Сасанидахъ всѣ эти области принадлежали персамъ, которые охраняли отъ нашествій кочевниковъ главные пути черезъ Кавказскія горы, именно Каспійскія ворота, т. е. Дербентскій проходъ, и Аланскія ворота, т. е. Дарьяльское ущелье. Во вторую половину среднихъ вѣковъ и въ настоящее время вмѣсто термина Арранъ употребляется тюрко-персидскій терминъ *Карабагъ*. Хамдаллахъ Казвини (л. 244) вмѣсто упомянутыхъ путей приводитъ только путь изъ Ардебиля въ городъ *Карабагъ*, повидимому, приблизительно соотвѣтствовавшій по мѣстоположенію Байлакану, и оттуда черезъ Гянджу въ Тифлисъ. Кромѣ того приводится путь изъ Карабага на юго-западъ въ Тебризъ черезъ *Ахаръ*.

XV.

Гилянъ и Мазандеранъ.

Области вдоль южнаго побережья Каспійскаго моря по характеру своей природы существенно отличаются отъ всѣхъ остальныхъ областей Персіи. Занимая узкое пространство между горами и моремъ, области *Гилянъ* и *Мазандеранъ* страдаютъ не недостаткомъ, а чрезмѣрнымъ обиліемъ влаги. Съ горъ стекаетъ множество рѣчекъ, большею частью образующихъ при устьѣ такъ называемые *мурдабы*, т. е. лиманы со стоячей водой, испускающіе гнилыя испаренія и отдѣленные мелями отъ открытаго моря. Судоходной рѣки на всемъ этомъ побережьѣ, какъ замѣчаютъ уже географы X в. (Истахри, 212), нѣтъ ни одной. Къ югу отъ этой болотистой береговой полосы находится полоса густыхъ зарослей кустарника; дальше къ югу поднимаются горы, нижніе склоны которыхъ покрыты густымъ лѣсомъ; еще выше находятся альпійскія пастбища. Среди зарослей кустарника и лѣсовъ встрѣчаются отдѣльныя пространства, очищенныя отъ древесной растительности для устройства пашенъ и селеній.

Въ древности населеніе Гиляна составляли *кадусіи*, не подчинявшіеся ахеменидскому правительству; тотъ же народъ или часть его также носили названіе *геловъ* (Γῆλαι, Γέλαι, Γέλοι), откуда область получила свое нынѣшнее названіе. Дальше къ востоку жили *анаріаки*, *марды* или *амарды*, по имени которыхъ рѣка Сефидъ-рудъ называлась Амардомъ, и *тапуры* (Τάπυροι или Τάπουροι) отъ которыхъ нынѣшній Мазандеранъ получилъ отъ персовъ названіе *Тапуристанъ*; это названіе, впослѣдствіи передѣланное арабами въ *Табаристанъ*, встрѣчается еще на монетахъ эпохи Сасанидовъ и перваго времени послѣ мусульманскаго завоеванія. Восточная часть Мазандерана причислялась, какъ мы видѣли (стр. 79), къ Гирканіи. Всѣ эти народы, за исключеніемъ гирканцевъ, были не-арійскаго происхожденія. Тапуры, жившіе первоначально въ юго-восточной части страны, подчинялись еще Ахеменидамъ; марды были побѣждены Александромъ и

впослѣдствіи парѳянами, которые во II в. до Р. Хр. переселили ихъ въ окрестности Рейя. Прежнія земли мардовъ были заняты тапурами; у Птолемея къ востоку отъ Дейлема (Ἐλυμαῖς), т. е. горной части Гиляна, на берегу Каспійскаго моря названы только тапуры.

Особое табаристанское владѣніе образовалось, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ концѣ эпохи Арсакидовъ и удержалось при Сасанидахъ; послѣ паденія послѣдней династіи табаристанскіе владѣтели приняли титулъ испехбедовъ Хорасана. Одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ, Марквартъ (133), отмѣчаетъ фактъ, что рядомъ съ династіей *испехбедовъ* мы находимъ въ Табаристанѣ династію *падуспановъ*, т. е. гражданскихъ намѣстниковъ, и полагаетъ, что въ извѣстную эпоху, вѣроятно, во время сдѣланной Фирузомъ, внукомъ Іездегерда III, попытки возстановить иранское государство, въ Табаристанѣ была организована вся система управленія по образцу государства Сасанидовъ. Гилянъ не былъ покоренъ арабами; Табаристанъ вполнѣ подчинился имъ только при аббасидскомъ халифѣ Мансурѣ, хотя и послѣ этого въ Табаристанѣ продолжали чеканиться монеты съ пехлевійскими надписями.

По замѣчанію Истахри, разстояніе между горами и моремъ въ Табаристанѣ нигдѣ не превосходило одного дня пути; въ нѣсколькихъ мѣстахъ море доходило до подножія горъ. Въ Гилянѣ это разстояніе увеличивалось до 2 дней и больше (Истахри, 206). Что уровень моря въ X в. былъ нѣсколько выше, чѣмъ теперь, можно заключить изъ того, что разстояніе между городомъ Сари и моремъ было, по Ибн-ал-Факиху (303), всего 3 фарсаха. Главной пищей населенія была рыба; изъ хлѣбныхъ растеній, вслѣдствіе сырого и теплаго климата, преобладалъ рисъ. Восточная граница Табаристана проходила между Астрабадомъ и находившимся на одинъ день пути къ западу отъ него *Тамисомъ*. Пограничнымъ городомъ Табаристана на западѣ былъ *Шалусъ*, въ 20 ф. отъ Амуля на берегу моря, вѣроятно, при устьѣ рѣчки Чаласъ. Такимъ образомъ въ составъ Табаристана входила только часть нынѣшняго Мазандерана; западные округи причислялись къ Гиляну, восточные, съ городомъ Астрабадомъ, къ Джурджану.

Что касается Гиляна, то область упоминается подъ названіемъ جيلان или الديلم и раздѣлялась на двѣ части, равнинную и горную; въ равнинѣ, по берегу моря, жили *гелы* (الجيل), въ горахъ— „настоящіе *дейлемцы*“ (الديلم المحض). Гелы составляли большую часть населенія въ мѣстности, прилегающей къ морю и къ Табаристану, и говорили на особомъ языкѣ, отличномъ отъ персидскаго, арранскаго и

армянскаго (Ибнъ-Хаукаль, 268); политическое господство принадлежало дейлемцамъ, изъ которыхъ происходила династія Джустанидовъ, آل جستان, жившая въ городѣ Таромѣ (тамъ же); такое названіе еще теперь носитъ округъ вдоль средняго теченія Сефидъ-руда. По другимъ даннымъ (Истахри, 204), резиденціей Джустанидовъ былъ Рудбаръ на Сефидъ-рудѣ. При Макдиси (360) главнымъ городомъ дейлемцевъ считался *Первангъ*, небольшой городъ, мѣстоположеніе котораго не указывается; здѣсь же было мѣсто *Шахристанъ*, гдѣ хранились на днѣ вырытаго колодца сокровища царей. Главные города геловъ перечислены только у Макдиси (355 и 360); изъ нихъ самымъ значительнымъ былъ دولاب, торговый городъ недалеко отъ моря, повидимому, въ западной части Гиляна, такъ какъ отъ него до Мугана считали 5 дней пути, до Шалуса 11 дней (Макдиси, 373). По Истахри (205) въ горахъ жило еще какое-то другое племя, говорившее на особомъ языкѣ, отличавшемся отъ языка геловъ и дейлемцевъ.

Въ составъ Дейлема первоначально входила и горная область *Руянъ* или *Руянджъ*, занимавшая пространство непосредственно къ сѣверу отъ Рейя, по обоимъ склонамъ главнаго хребта; къ этой области причислялся и городъ Шалусъ; главный городъ области носилъ названіе كجه. Область была присоединена къ Табаристану только при намѣстникѣ Омарѣ ибн-ал-Ала, монеты котораго начинаются съ 770 г. по Р. Хр. Еще въ 4 ф. отъ Шалуса находился „новый городъ“, مدينة محدثة, гдѣ Омаръ ибн-ал-Ала поселилъ принявшихъ исламъ и подчинившихся ему дейлемцевъ; дальше жили дейлемцы, не выразившіе покорности (Ибн-ал-Факихъ, 305). Часть области по южному склону управлялась изъ Рейя, сѣверная часть—изъ Табаристана (Истахри, 206). Кромѣ того упоминаются еще слѣдующія горныя области: 1) *Демавендъ* и его окрестности, управлявшіяся особымъ владѣтелемъ съ титуломъ Мас-и-Муганъ, т. е. глава магозъ (ср. Марквартъ, 127); это владѣніе было завоевано арабами при халифѣ Мансурѣ (Ибн-ал-Факихъ, 276, 314); 2) дальше къ востоку горы *Шервинъ* или „горы Ибнъ-Карена“; здѣсь находились городъ *Сехмаръ* и крѣпость *Фиримъ*, мѣстопребываніе мѣстныхъ владѣтелей; арабы покорили этихъ горцевъ уже въ IX в., но потомъ допустили возвышеніе здѣсь мѣстной династіи Каренидовъ; 3) „горы Падуспана“, гдѣ не было ни одной соборной мечети; главное селеніе носило названіе *Урамъ*. Какъ Сехмаръ, такъ и Урамъ находились на разстояніи одного дня пути отъ Сари.

Въ той части Дейлема, которая сохранила свою независимость, распространеніе ислама было связано съ демократическимъ движеніемъ.

По словамъ Истахри (205), первымъ распространителемъ ислама въ Дейлемѣ былъ алидскій имамъ Хасанъ ибнъ Зейдъ, который въ 864 г. сталъ во главѣ жителей Шалуса и другого пограничнаго города Келара, возставшихъ противъ Тахиридовъ. Возстаніе было вызвано попыткой Тахиридовъ захватить въ свою пользу участки необработанной земли, находившіеся до того въ общемъ пользованіи и никому не принадлежавшіе (Табари, III, 1524). За обладаніе Табаристаномъ и Рейемъ Хасанъ ибнъ Зейдъ и его преемникъ Мухаммедъ должны были вести постоянную борьбу съ Тахиридами, впослѣдствіи съ Саффаридами и Саманидами; главной опорой ихъ власти былъ Дейлемъ, гдѣ они привлекли на свою сторону династію Джустанидовъ. Мухаммедъ ибнъ Зейдъ въ 900 г. палъ въ битвѣ съ саманидскими войсками; въ 902 г. джустанидскій владѣтель Дейлема былъ вытѣсненъ изъ Табаристана, но удержался въ своихъ коренныхъ владѣніяхъ.

Шіитское движеніе возобновилось въ 914 г.; на этотъ разъ имамъ Хасанъ ибнъ Али ал-Утрушъ, по словамъ Ибн-ал-Асира (VIII, 61), призвалъ населеніе Табаристана къ возстанію противъ саманидскаго намѣстника, а населеніе Дейлема и Гиляна къ возстанію противъ Джустанидовъ и принятію ислама, причемъ обѣщалъ имъ освобожденіе отъ десятиннаго налога. Демократическій характеръ возстанія еще яснѣе виденъ изъ словъ историка XI в. ал-Бируни, который обвиняетъ Хасана ал-Утруша въ разрушеніи родового строя, учредителемъ котораго считался миѳическій герой Феридунъ (Туркестанъ, 221). Только съ этого времени дейлемцы оффиціально были признаны мусульманами, въ знакъ чего Хасанъ велѣлъ разрушить пограничное укрѣпленіе въ Шалусѣ. Хасанъ умеръ уже въ 917 г.; какое сильное впечатлѣніе оставили его реформы, видно изъ словъ историковъ, что люди еще никогда не видѣли такого справедливаго правленія (Табари, III, 2292). Въ томъ же X в. изъ дейлемскихъ горцевъ, какъ извѣстно, вышла шіитская династія Буидовъ, представители которой сначала находились на службѣ у табаристанской династіи Зіяридовъ, потомъ сдѣлались владѣтелями всей Персіи кромѣ Хорасана.

Нынѣшніе главные города Гиляна, *Лахиджанъ* и *Рештъ*, впервые упоминаются въ монгольскій періодъ. Развитіе въ Гилянѣ городской жизни и промышленности произошло, повидимому, уже послѣ X в. Географы X в. говорятъ о шелководствѣ и выдѣлкѣ шелковыхъ тканей только въ Табаристанѣ, особенно въ Амулѣ, причемъ сѣмена тутовыхъ деревьевъ привозились туда изъ Гургана (Истахри, 213); въ XIII в. и послѣ особенно славился гилянскій шелкъ. Еще Якутъ (IV, 344) въ на-

чалѣ XIII в. говоритъ о шелкѣ изъ мѣстности ﺟﻴﻼﻥ въ Гилянѣ, т. е. изъ округа Лахиджана, что этотъ шелкъ дурного качества; въ концѣ того же столѣтія гилянскій шелкъ, по словамъ Марко Поло (31), былъ цѣлью стремленій генуэзскихъ купцовъ, суда которыхъ незадолго до написанія книги Марко Поло появились на Каспійскомъ морѣ. Гилянъ былъ покоренъ монголами только въ 1307 г., т. е. значительно позже, чѣмъ остальныя области Персіи. Область раздѣлялась въ то время на 12 мелкихъ владѣній; главнымъ городомъ былъ Лахиджанъ. Монголы вторглись въ область съ разныхъ сторонъ, изъ Ардебиля, Хальхала, Казвина и изъ Султаніи черезъ Таромъ (д'Оссонъ, IV, 488—494). Впослѣдствіи, въ концѣ XIV в., въ XV и XVI вв. въ Гилянѣ правили двѣ мѣстныхъ династіи, домъ Кія въ Лахиджанѣ и Исхакиды въ Рештѣ; обѣ прекратили свое существованіе въ концѣ XVI в. (Лэнъ-Пуль, перев. В. Бартольда, 293—294). Часть Гиляна съ городомъ Рештомъ была завоевана Петромъ Великимъ въ 1723 г.; по договору, заключенному въ томъ же году, Персія уступила Россіи также Мазандеранъ и Астрабадъ, но эти области фактически не были заняты; даже занятіе Лахиджана въ 1725 г. осуществилось только посредствомъ вооруженной борьбы. Въ 1729 г. Россія оффиціально отказалась отъ Мазандерана и Астрабада, въ 1732 г. возвратила Персіи Гилянъ и всѣ земли къ югу отъ Куры, въ 1735 г. также Баку и Дербентъ, которые, какъ извѣстно, были снова завоеваны въ началѣ XIX в.

Въ настоящее время главный городъ Гиляна—*Решть*, одинъ изъ значительныхъ торговыхъ городовъ Персіи, расположенный на рѣчкѣ Шахъ-Рудбаръ (лѣвомъ рукавѣ Сефидъ-руда), образующей при устьѣ Энзелійскій заливъ, мурдабъ, т. е. лиманъ упомянутаго типа; на косѣ, отдѣляющей этотъ заливъ отъ моря, расположена гавань *Энзели*. Решть является главнымъ рынкомъ ввозной и вывозной торговли съ Россіей; значеніе его, какъ рынка провинціи Гилянъ, колебалось въ зависимости отъ развитія и упадка главнаго источника богатства послѣдней—шелководства. Упадокъ шелководства произошелъ во время политическихъ смутъ начала XVIII в.; въ началѣ XIX в., съ возстановленіемъ порядка, эта отрасль промышленности снова получила значительное развитіе, и въ Рештѣ въ это время, по словамъ Фрезера (Travels, 151), было отъ 60,000 до 80,000 жителей, тогда какъ теперь количество населенія не превышаетъ 30,000 (Кэрзонъ, I, 385). Гилянское шелководство много пострадало отъ мора на шелковичныхъ червей въ 1866 г.; мѣры къ возстановленію промышленности съ успѣхомъ принимаются только съ 1890 г. Кромѣ того въ окрестностяхъ Решта воздѣлывается табакъ. Улицы города узкія и грязныя, нѣтъ ни стѣнъ, ни воротъ; окрестности

его, какъ и все южное побережье Каспійскаго моря, отличаются плодородіемъ. По наблюденію Туманскаго (6), гилянцы и теперь отличаются по типу отъ остальныхъ персовъ и болѣе напоминаютъ жителей южной Европы; замѣтны также отличительныя особенности въ одеждѣ и типѣ жилищъ. Недостаточное благосостояніе сельскаго населенія Туманскій объясняетъ почти крѣпостной зависимостью его отъ помѣщиковъ. Изъ Решта идетъ главная дорога черезъ перевалъ Харзанъ въ Казвинъ и оттуда въ Тегеранъ. Изъ другихъ гилянскихъ городовъ заслуживаетъ упоминанія только Лахиджанъ. Къ востоку отъ него, за горой Дульфекъ, расположена гористая страна *Тенкабунъ*, съ узкой береговой полосой, граничащая съ Мазандераномъ; главный городъ Тенкабуна — Хурремабадъ.

Что касается *Мазандерана*, то происхожденіе и время появленія этого названія сомнительно; Якутъ (IV, 392) въ XIII в. только замѣчаетъ, что это названіе, повидимому, недавняго происхожденія, такъ какъ въ письменныхъ источникахъ ему не приходилось встрѣчать его. Персидскіе авторы даютъ нѣсколько объясненій названія; по одному толкованію оно значитъ: страна внутри горъ Мазъ, простиравшихся отъ границъ Гиляна до города Джаджерма; по другой этимологіи Мазомъ называли стѣну отъ Гиляна до Джаджерма, будто бы построенную въ IX в. мѣстнымъ правителемъ Мазіяромъ б. Кареномъ (Захир-ад-динъ, 21). Однако нѣкоторые (Юсти, 335) считаютъ это названіе гораздо болѣе древнимъ и относятъ къ Мазандерану слова Авесты о „мазанскихъ дивахъ“.

Географы X в. знали Мазандеранъ, какъ мы видѣли, только подъ названіемъ Табаристана. Древней столицей области былъ городъ *Сари*, на рѣкѣ Тедженѣ (у Захир-ад-дина تيجندرود или تجينرود), въ 3 ф. отъ моря; въ настоящее время берегъ моря болѣе удаленъ отъ города. Сами владѣтели области, испехбеды, жили въ городѣ *Испехбеданъ*, нѣсколько сѣвернѣе, всего въ 2 миляхъ, т. е. около 4 в. отъ моря. Кромѣ того въ горахъ упоминается мѣсто *Такъ*, гдѣ, по преданію, хранились сокровища персидскихъ царей еще со времени миѳическаго Менучехра (Ибн-ал-Факихъ, 310).

Послѣ арабскаго завоеванія испехбеды продолжали жить въ Сари; мѣстопребываніемъ арабскихъ намѣстниковъ сдѣлался городъ *Амуль*, на лѣвомъ берегу рѣчки Харазъ (у Захир-ад-дина هرز), на которой и теперь въ этомъ мѣстѣ находится мостъ старинной постройки. Амуль скоро сдѣлался первымъ городомъ Табаристана по количеству населенія и по развитію промышленности и сохранилъ свое значеніе, хотя Тахириды и Алиды временно перенесли столицу области снова въ Сари. Числомъ жителей Амуль въ X в. превосходилъ Казвинъ (Истахри, 212);

шелковыя ткани, которыми славился Табаристанъ, выдѣлывались главнымъ образомъ въ Амулѣ (Ибн-ал-Факихъ, 304). Изъ Амуля происходила большая часть историковъ и ученыхъ, носившихъ прозваніе Табари (الطبرى), между прочимъ и знаменитый Мухаммедъ ибнъ Джериръ, авторъ первой большой исторической компиляціи и перваго обширнаго комментарія къ Корану. Арабскіе географы приводятъ только одинъ путь съ юга черезъ горы въ Табаристанъ, именно путь изъ Рейя мимо горы Демавенда въ Амуль.

Кромѣ пріобрѣвшихъ значеніе во всей Персіи династій Зіяридовъ и Буидовъ въ Мазандеранѣ въ средніе вѣка господствовали мѣстная династія *Бавендидовъ* и еще династія *Бадуспанидовъ*, въ горныхъ областяхъ Руянъ и *Рустемдаръ* (Рустемдаромъ называлась мѣстность по теченію рѣки Шахъ-рудъ, притока Сефидъ-руда). Въ качествѣ отдѣльнаго владѣнія иногда упоминается еще область *Кебудъ-Джамэ*, на крайнемъ востокѣ Мазандерана; по Хамдаллаху Казвини (л. 238 а) Кебудъ-Джамэ — „островъ съ многочисленнымъ населеніемъ, куда пристаютъ корабли изъ Гиляна и Мазандерана и который извлекаетъ изъ этого большой доходъ, въ 3 ф. отъ Астрабада“. Въ настоящее время разстояніе между Астрабадомъ и моремъ болѣе значительно, почти 30 верстъ; островъ *Ашурада*, сдѣлавшійся въ XIX в. русской морской станціей, находится еще верстахъ въ 10 отъ восточнаго берега. Династія Бавендидовъ просуществовала, съ небольшими перерывами, до половины XIV в., династія Бадуспанидовъ, въ качествѣ вассальныхъ владѣтелей, до второй половины XVI в. Имена большей части представителей обѣихъ династій (Шехріяръ, Рустемъ, Іездегердъ, Ардаширъ и т. п.), какъ и имена Зіяридовъ и Буидовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ долго въ этихъ областяхъ сохранялись, вопреки исламу, традиціи эпохи Сасанидовъ (ср. Лэнъ-Пуль, перев. В. Бартольда, 290—293). Мы знаемъ также, что жители прикаспійскихъ областей еще въ XIV в., въ отличіе отъ прочихъ мусульманъ, носили длинные волосы (Захир-ад-динъ, 341).

Монголы не встрѣтили въ Мазандеранѣ особеннаго сопротивленія; при нашествіи ихъ больше всего пострадали Астрабадъ и главный городъ Мазандерана, Амуль. При монголахъ *Астрабадъ* и его окрестности имѣли нѣкоторое значеніе, какъ мѣсто зимовки нѣкоторыхъ монгольскихъ хановъ и царевичей, преимущественно намѣстниковъ Хорасана. Здѣсь правилъ послѣдній представитель династіи персидскихъ монголовъ, Туга-Тимуръ, убитый въ 1353 г.; послѣ него Астрабадомъ и восточною частью Мазандерана овладѣлъ эмиръ Вели, побѣжденный Тимуромъ въ 1384 г. Въ Мазандеранѣ возвысилась въ XIV в. династія шіитскихъ имамовъ, сей-

идовъ, соединившихъ свѣтскую власть съ духовной. Въ 1392 г. Мазандеранъ подвергся нашествію Тимура, воины котораго съ большимъ трудомъ проложили себѣ дорогу топорами черезъ густыя заросли (جنكل) изъ Астрабада въ Сари. Сеиды бѣжали въ крѣпость Махане-Серъ (ماهانه سر) въ 4 ф. отъ Амуля, на берегу моря, на высокомъ холмѣ (Шереф-ад-динъ, I, 570—571); и теперь отъ Амуля до берега моря считается всего 12 англ. миль, такъ что въ этомъ мѣстѣ, въ отличіе отъ мѣстности дальше къ востоку, очертаніе берега, повидимому, мало измѣнилось. Крѣпость была взята Тимуромъ съ помощью флота, поставленнаго аму-дарьинскими корабельщиками; послѣ взятія ея Тимуръ вернулся въ Сари, откуда сеиды были посажены на корабль и, по словамъ Захир-ад-дина (436), отправлены по морю и дальше по Джейхуну до опредѣленнаго мѣста, откуда ихъ отвезли въ Хорезмъ, Самаркандъ и Ташкентъ, мѣста, назначенныя для мѣстопребыванія отдѣльныхъ представителей низложенной династіи. Разсказъ о событіяхъ 1392 г. любопытенъ, какъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ въ пользу факта, что теченіе Аму-дарьи послѣ монгольскаго нашествія снова направилось къ Каспійскому морю и сохраняло это направленіе до второй половины XVI в. Историки, въ томъ числѣ и Захир-ад-динъ (430 и слѣд.), передаютъ также разговоры Тимура съ сеидами, которыхъ Тимуръ упрекалъ во враждебномъ отношеніи къ спутникамъ пророка; послѣдовавшее затѣмъ жестокое избіеніе жителей Амуля, Сари и другихъ мѣстъ объяснялось, какъ наказаніе шіитскихъ еретиковъ. Извѣстно, что Тимуръ въ Дамаскѣ, напротивъ, выступалъ мстителемъ за обиды, нанесенные омейядами семьѣ пророка, вслѣдствіе чего не только арабскіе историки того времени, какъ Ибнъ-Арабшахъ (I, 632), но и многіе европейскіе ученые, въ томъ числѣ и авторъ извѣстной исторіи ислама Мюллеръ (II, 316), считаютъ Тимура покровителемъ шіитовъ. Сопоставленіе дѣйствій Тимура въ Сиріи и въ прикаспійскихъ областяхъ является лучшимъ доказательствомъ, что для него, какъ для Чингизъ-хана и большинства другихъ завоевателей, религія была только орудіемъ для достиженія политическихъ цѣлей.

Послѣ Тимура сеиды получили позволеніе вернуться въ Мазандеранъ и правили здѣсь въ качествѣ вассальныхъ владѣтелей до конца XVI в.; послѣ этого Мазандеранъ уже не имѣлъ самостоятельнаго значенія. Изъ персидскихъ шаховъ больше всего вниманія обращалъ на эту область Аббасъ Великій (1587—1628). При немъ была проведена шоссейная дорога изъ Астрабада въ Сари и Амуль, сдѣлавшая эту область доступной во всякое время года. Ханыковъ (71), бывшій здѣсь въ 1858 г., говоритъ, что дорога, повидимому, послѣ Аббаса никогда не исправлялась и

во многихъ мѣстахъ камни были выломаны крестьянами. Для себя Аббасъ построилъ дворцы въ городахъ *Ашрафъ*, на пути изъ Астрабада въ Сари, верстахъ въ 7-ми къ югу отъ моря, и *Ферахабадъ*, верстахъ въ $4^1/_2$ отъ устья рѣчки Тедженъ, на которой стоитъ Сари. Ферахабадъ былъ мѣстомъ кончины Аббаса; въ обоихъ городахъ постройки шаха теперь лежатъ въ развалинахъ.

При Аббасѣ возникъ городъ *Барфурушъ*, также съ дворцомъ Аббаса, на рѣчкѣ Бабиль (у Захир-ад-дина بابول), по дорогѣ изъ Сари въ Амуль. Въ качествѣ селенія Барфурушъ упоминается уже у Захир-ад-дина; древнее названіе этого селенія было *Мамтиръ* (Захир-ад-динъ, 80). Барфурушъ въ началѣ XIX в., при Фатхъ-Али-шахѣ, сдѣлался первымъ городомъ Мазандерана по торговому значенію и количеству населенія (теперь по нѣкоторымъ опредѣленіямъ до 50,000). При устьѣ той же рѣчки, верстахъ въ 20-ти отъ Барфуруша, находится посѣщаемая русскими пароходами стоянка *Мешхед-и-Серъ*, названная такъ потому, что здѣсь будто бы была отрублена и схоронена голова брата имама ар-Ризы. Стоянка отличается такимъ же мелководіемъ и другими недостатками, какъ остальные порты южнаго побережья. При шахѣ Насир-ад-динѣ австрійскій инженеръ персидской службы Гастейгеръ-ханъ построилъ дорогу изъ Тегерана въ Амуль, а одинъ изъ богатыхъ персидскихъ купцовъ, Хаджи-Мухаммедъ-Хасанъ, съ помощью бельгійскихъ инженеровъ построилъ желѣзную дорогу изъ Амуля къ берегу моря, но эта дорога потомъ пришла въ упадокъ.

Библіотека Шацкаго учительскаго института



Указатель собственныхъ именъ.

А.

Абага 145.
Аб-и-Андхой 21, 23.
Абаркухъ 112.
Абаршехръ (Абрашехръ) см. Нишапуръ.
Аббаданъ 135, 136.
Аббасабадъ 75, 77.
Аббасиды 14, 66, 97, 137, 139.
Аббасъ I Великій 40, 45, 62, 75, 99, 106, 115—117, 137, 145, 150, 160, 161.
Аббасъ II 117, 118.
Аббасъ-Кули-ханъ 68.
Аббасъ-Мирза 63, 73, 148.
Аб-и-Гергеръ см. Машруканъ.
Абд-ал-Азимъ см. Шахъ.
Абдаллахъ Ансари 40.
Абдаллахъ б. Тахиръ 60, 65—67.
Аб-и-Дизъ 121, 124—126.
Аб-и-Динаверъ 138.
Абд-ар-рахманъ (эмиръ) 39, 56, 58.
Абд-ар-Резакъ Самарканди 38, 96, 106, 116.
Абдулла-ханы (городище) 30.
Абескунъ 81.
Абивердъ 60, 61, 64, 70.
Аб-и-Истадэ 53.
Аб-и-Кайсаръ см. Кайсаръ.
Аб-и-Керіндъ 132.
Аб-и-Керха см. Керха (рѣка)
Аб-и-Кундузъ см. Акъ-Серай.
Аб-и-Меймене 21, 23.
Аб и-Мири 105.
Аб-и-Міяндабъ см. Минау.
Аб-и-рукни 105.
Абу-Абдаллахъ (хорезмшахъ) 61.
Абу-Али Симджури 61.
Абу-Ганимъ 104.
Абу-Давудиды 14, 36.
Абу-Давудъ Мухаммедъ бенъ Ахмедъ 14.
Абу-Іезидъ см. Баязидъ.
Абулгази 62.
Абу-Муслимъ 66.
Абу-Сеидъ (ильханъ) 87.
Абу-Сеидъ Мейхени 61.
Абу-Сеидъ (Тимуридъ) 39.
Абушехръ см. Буширъ.
Абхаръ 140.
Аб-и-Шауръ 124.
Аб-и-Шибергань 23.
Аб-и-Шуръ 89.
Ава 89, 91, 120.
Авеста 5—7, 10, 158.
Авицена 91, 105.
Агаѳоклъ 11.
Адербиджанъ (Адербейджанъ) 138, 139, 142– 146, 148, 149, 151.
Адрескендъ 44.
Адрескенъ 44.
Адуд-ад-дауля 93, 98, 99, 104, 105, 108, 127, 128, 135.
Азія 4, 31, 34, 38, 50, 59, 106, 128, 130, 133, 140.
Азія Малая 141.
Азія Средняя 4, 5, 9, 11, 12, 15, 27, 29, 30, 32, 46, 47, 65, 96.
Айван-и-Керха 124.
Аймаки 55.
Аина-ханэ 118.
ал-Айни 147.
Акде 94.
Акча 22
Акъ-Коюнлу 147.
Акъ-рабатъ 16.
Акъ-Серай 15, 16.
Ала-ад-динъ Хусейнъ Джехансузъ 53.
Аламутъ 139, 140.
Аланскія ворота 152.
Алатагъ 145.

Албанія 149—151; см. Арранъ.
Александрія въ Аріи 34.
Александрія въ Маргіанѣ 31.
Александръ Македонскій 4, 10, 17, 31, 34, 37, 45, 46, 84, 90 102, 114, 115, 127, 133, 143, 153.
Алеппо 139.
Али-бекъ 63, 70.
Алиды 69, 78, 88, 158.
Али-Иляхи (секта) 132
Али-Капы 117.
Али б. Муса ар-Риза 70—72, 88, 89, 119, 161
Али-шахъ (Тадж-ад-динъ) 142, 147.
Али-яръ 75.
Алій 20, 21, 72, 87, 132, 135, 144.
Аліябадъ 120
Аллахъ-Акбаръ (Тенг-и-коранъ) 104
Аллахъ-верди-ханъ 117, 118
Алпъ-Арсланъ 95.
Алпъ-Гази 45.
Алпъ-тегинъ 52.
Аманъ-кухъ (Эшкильче) 38.
Амардъ см. Сефидъ-рудъ.
Амин-ас-султанъ 120.
Амміанъ Марцеллинъ 7
Амра замокъ 25.
Амръ бенъ Ляйсъ 48, 49, 65, 66, 106.
Амуль 154, 156, 158, 161.
Аму-дарья 3, 4, 7, 8, 12—14, 16—18, 21, 24, 27, 30, 31, 62, 65, 68, 160.
Аманта 90.
Анбаръ (гузганскій) 23.
Анбаръ (на Евфратѣ) 135, 136.
Англія 34, 42, 54, 58.
Ангуранъ 98
Андерабъ 15, 16, 58.
Андерсонъ 51.
Андреасъ 127.
Андхой (Андходъ) 24.
Анзанъ 123.
Ани 150.
Антіохія въ Маргіанѣ 31
Антіохія въ Сиріи 125, 134.
Антіохъ Великій 11.
Антіохъ Сотеръ 31.
Арабистанская низменность 112.
Арабистанъ см. Хузистанъ.
Аравія 93, 105.
Арази 84
Араксъ 150, 151.
Аральское море 1.
Араратъ 150, 151.
Араратъ Малый 150.
Арафатъ 136.
Арахосія (Бѣлая Индія) 10, 11, 47, 50; ср. Рухкаджъ.
Аргендабъ 50, 51.
Аргунъ (ильханъ) 63, 140, 142, 145, 146.
Аргунъ (намѣстникъ) 32
Аргунъ-шахъ 63, 70.
Ардаширъ 95, 103, 107, 108, 139.
Ардаширъ (мазандеранскій) 159.
Ардаширъ-Хурра 104, 107
Ардебиль 141, 142, 144, 145, 149, 152, 157.
Арделанъ 138.
Ариманъ (Анграмайньюшъ) 6
Аристовулъ 102.
Аристовъ, Н А 54.
Аріана 60
Арія 11, 12, 34.
Арменія 4, 143, 145, 149—151
Арпачай 150
Арраджанъ 103, 104, 110, 111, 128.
Арранъ 149, 151, 152, см. Албанія.
Арріанъ 60, 92, 102.
Арсакиды 154.
Артабанъ 103.
Артакоана 34
Артаксата 150.
Артаксерсъ I 118.
Асадабадъ (хамаданскій) 90, 130.
Асадабадъ (хорасанскій) 75.
Аскер-и-Мукрамъ 126.
Асока 11
Аспіона 11.
Ассархадонъ 88.
Ассирія 4
Ассурбанипалъ 88.
Ассур-Нацир-Хабалъ 5.
Астрабадъ 62, 79, 81, 86, 154, 157, 159, 161.
Асхабадъ 59, 60.
Асыф-ад-дауля 71
Атекъ см. Этекъ.
Атешгахъ 118.
Атрекъ 79, 81, 82.
Атропатена см. Адербиджанъ.
Атропатъ 143.
Аузли 105
Афганистанъ 3, 10, 18, 19, 33, 37, 42, 44, 45, 48—50, 52—55, 58.
Афрава см. Фарава.
Афридунъ 84.
Африка 93.
Афшинъ 149.
Ахаръ 152.
Ахвазъ 125—127.
Ахемениды 4, 5, 10, 47, 60, 61, 89, 90, 94, 95, 101—104, 123, 124, 133, 153.
Ахенгеранъ 36, 37.

Ахмедъ (ильханъ) 63.
Ахмедъ-шахъ афганскій 14, 51, 54, 68.
Ахнафъ ибнъ Кайсъ 25, 34.
Ахуанъ 82.
Ахурамазда см. Ормуздъ.
Ахуринъ 132.
Ахуръ 81.
Аша 7.
Ашрафъ (городъ) 161.
Ашрафъ (шахъ) 54.
Ашурада 159.

Б.

Бабекъ 149.
Бабиль 134; ср Вавилонъ.
Бабиль (рѣчка) 161.
Бабуръ 54—57.
Бабъ 147.
Вавендиды 159.
Багдадъ 31, 90, 91, 104, 106, 121, 130, 132—138, 141, 144, 151.
Багланъ 15
Багратиды 150.
Багшуръ 34.
Бадахшанъ 12, 13, 17, 18, 56, 58.
Бадгисъ 33, 34, 41.
Бадуспаниды 159.
Байлаканъ 151, 152.
Байрамъ-Али 30
Байсункаръ 62
Баква 49.
Бакинская губ 151
Бакинское море см Каспійское море
Бактріана 13, 21, 23.
Бактрія 4, 7 10—13.
Бактры 4, 7, 8.
Баку 151, 157.
Бала-Мургабъ 25—27, 29, 32.
Балисъ 51
Балхабъ 7, 10, 14, 16, 21, 22.
Балханъ Большой 60.
Балханъ Малый 60.
Балхъ 4, 7—10, 12, 13, 16—25, 30, 31, 35, 38, 69, 84.
Баміанъ 16.
Бампуръ 100.
Бамъ 92, 94, 96, 97.
Бардасиръ 95—97.
Барда 151.
Баризъ см. Джамаль-Баризъ.
Баринъ (храмъ) 107.
Баркдизъ см. Каринейнъ.
Бармекиды 14.
Бартольдъ, В. В. 109, 112, 121, 157, 159.
Баруканъ 14.
Барфурушъ 161.
Басикна 128.
Басра 91, 127, 135, 139.
Бахмеширъ 128.
Бахтеганъ 101.
Баязидъ (Абу-Іезидъ) Бистами 78.
Баязидъ (крѣпость) 151.
Бедештъ 78.
Бедешъ 78.
Бейхаки 36, 50, 61
Бейхакъ 75.
Бекрабадъ 80.
Белазури 50, 51.
Белуджистанъ 44, 51, 52, 99, 100
Белъ 125.
Белью 50.
Бендеръ-Аббасъ 97—99
Бенджхиръ см. Пенджширъ
Бенди Эмиръ 16.
Бенд-и-Кайсаръ 126.
Бенд-и-Киръ 126.
Бенд-и-Мизанъ 126.
Бенд-и-Рустемъ 48.
Бену-Темимъ 115
Берда'а 151.
Берэендъ 149.
Бессъ 84.
Бет-Лапатъ см. Джундишапуръ.
Бехбеханъ 104, 110.
Бехменабадъ 75.
Бехменъ 118
Бехрамабадъ 95
Бешакирдъ 98
Беянъ 128
Биби-ханымъ 96
Биддульфъ 57.
Бинбалудъ-кухъ 64, 68, 69.
Бистамъ, городъ 78, 79.
Бистамъ-Мирза 78.
Бистамъ, намѣстникъ 78.
Бисутунъ 123, 130, 131, 138.
ал-Бируни 105, 156.
Болористанъ (Болоръ) 57.
Борджъ см Фордж.
Браунъ, Э. 114, 115.
Браунъ, Ѳ. А. 3.
Буджнурдъ 62, 79.
Вукды 74, 77, 80, 91, 93, 95, 98, 99, 105, 106, 108, 116, 139, 156, 159.
Бурдж-и-Азаранъ 19.
Буруджирдъ 121, 122.
Бустъ (Кала-и-Бистъ) 48, 50, 51.
Бухара 8, 9, 15, 17, 30, 31, 62, 65, 85, 105.
Вушенгъ 41.
Буширъ 109, 110.
Вэрисъ 18, 19.

В.

Вавилонія 4, 123, 133.
Вавилонъ 133, 135; ср Бабиль.
Валеріанъ 109, 126.
Ванъ 150.
Варахранъ IV 131.
Варвализъ (Вальвализъ, Вальвалиджъ) 16
Вартанъ 151
Васитъ 104, 128, 135, 136.
Ватаци, Василій 64.
Вели, эмиръ 86, 159
Венеція 144.
Вераминъ 86, 87, 141.
Вехъ-Ардаширъ 133, 134.
Вехъ-Ардаширъ см. Бардасиръ
Вилліамсъ 124.
Винклеръ 123.
Виштаспа 5
Вудъ 16

Г.

Габелентцъ 56.
Газанъ, ильханъ 86, 144, 146, 148.
Газзали (Ахмедъ и Мухаммедъ) 71.
Газна 37, 50—54, 116.
Газневиды 17, 18, 51—53, 61, 67, 80.
Газнигакъ 15.
Гандава 51.
Гандзакъ (Ганзакъ, Ганджакъ) 143.
Гандхара 50.
Гардизи 52
Гардизъ 52, 53.
Гармсиръ 50, 51.
Гарнати 20, 21.
Гарчистанъ (Гарчъ) 27, 34, 36, 37.
Гарьяба 15.
Гастейгеръ-ханъ 161.
Гаухеръ-Шадъ 73, 74.
Гвадуръ 99.
Гедросія 92, 99.
Герат ская область 36.
Герать 7, 19, 30—42, 44—46, 49—51, 55, 68, 72, 75.
Гермудъ 3, 10, 33—37, 41—44, 55, 68.
Геродотъ 53, 59—61, 89, 92, 94, 100, 150.
Гильгитъ 56.
Гиляни 139, 141, 153—159.
Гиндукушъ 2, 7, 10—16, 18, 52, 56, 57.
Гиришкъ 50.
Гирканія 59, 60, 79, 153.
Гистаспъ 60, 95.
Гіяс-ад-динъ Пиръ-Али 38, 39.
Гольдсмидъ 49.
Гомбрунъ 99.
Горъ см. Фирузабадъ (городъ).
Греція 7.
Гродековъ, Н. И. 41.
Грузія 149
Гуваширъ см Бардасиръ.
де-Гуе 112.
Гузганъ (Гузгананъ, Джузджанъ) 22—25, 36.
Гуладанъ 118.
Гуламъ-Хайдеръ 58.
Гумӯшъ-тепе 81
Гурбендъ 16.
Гургандж 61
Гурганъ см. Джурджанъ.
Гургенъ 59, 62, 74, 79, 81
Гурзиванъ 23.
Гуриды 37, 53, 55.
Гури-мâръ 14.
Гуръ 36, 37, 50, 54—56
Гуръ-шахъ 36.
Гутшмидъ 10—13, 22, 128
Гуше 83.
Гюльшаиганъ 121.
Гянджа см. Елисаветполь.
Гяуръ-Кала 29, 30.

Д.

Дагестанъ 149.
Дамаскъ 160.
Дамганъ 59, 77, 82, 83.
Даніилъ, пр. 124.
Дарабджирдъ (Дарабъ) 104, 108, 109.
Дарій I 60, 84, 95, 103, 108, 130.
Дарьяльское ущелье 152.
Дастагердъ 132
Даулетабадъ 21, 23, 25.
Даулетъ-яръ 37.
Даурагъ 128.
Двинъ 150, 152.
Дебикъ 110.
Дейбуль 52, 100.
Дейлемъ 139, 154—156.
Дейокъ 88, 89.
Демавендъ 85, 88, 89, 155, 159.
Денданканъ 31.
Дербенд-и-Аргунъ-шахъ 63.
Дербентскій проходъ 149, 152.
Дербентъ 151, 157.
Дере 45.
Дерегезъ 62, 79.
Дестджирда 22.
Дехбидъ 112.
Дехистанъ 81, 82.
Дехъ-Харраканъ 148, 149.
Дешт-и-Кевиръ 92.
Дешт-и-Лутъ 92, 96.

Джагатаиды 68.
Джагатай 18.
Джаджермъ 79, 158.
Джаджъ-рудъ 86
Джалаванъ 51.
Джалкъ 51, 97.
Джамаль-Баризъ 97.
Джамасъ-абъ 138.
ал-Джамі'анъ 133.
Джей 114, 115.
Джейхунъ см. Аму-дарья.
Джелаириды 147.
Джелалабадъ 56.
Джелаль-ад-динъ 37.
Джемшидъ 102.
Дженнаба (Дженнабе, Дженава) 104, 109, 110
Джераунъ см. Зераунъ.
Джербадеканъ 121
Джермъ 17.
Джеханшахъ 147.
Джибаль 125, 139.
Джируфтъ 95, 97, 98.
Джоюмъ 111.
Джувейни 140.
Джувейнъ 48.
Джузджани 23, 27, 37.
Джуздженъ см Гузганъ
Джульфа 117, 118.
Джундишапуръ 121, 125, 134.
Джурджанъ (городъ) 75, 79, 80.
Джурджанъ (область) 66, 77—80, 154, 156.
Джуръ см Фирузабадъ (городъ).
Джустаниды 155, 156
Джучи 145.
Джучиды 146.
Дизе 27.
Диз-и-Немекъ (Дих-и-Немекъ) 84.
Дизфуль 121, 122, 124, 125.
Дизъ 100.
Димешкъ 106.
Димитрій, сынъ Евкидема 10, 11.
Динаверъ 138, 139.
Динаръ 98.
Диръ 56.
Дих-и-Немекъ см. Диз-и-Немекъ.
Діелляфуа 87, 124.
Діодоръ 130
Достъ-Мухаммедъ 40, 49,
Дрангіана 47.
Дукканъ 130.
Дульфекъ 158.
Дюбэ 87.

Е.

Евкратидія 22.
Евкратидъ 22.
Европа 44, 148, 158.
Евфратъ 4, 123, 127, 129, 133, 135—137.
Евкидемъ 10, 11.
Египетъ 96, 110, 128, 133
Елисаветполь 152.
Елисаветпольская губ. 151.

Ж.

Жуковскій, В. А 28—32, 71, 113, 119, 122, 123.

З.

Загрошъ 92
Закавказье 141, 148—151
Заминдаверъ 49, 50
Заратустра 5—7, 10, 11, 112.
Заркъ 29
Заряфшанъ 27.
Захиданъ-Джеханабадъ 47.
Захир-ад-динъ 158—161
Земмъ 13.
Зенде-рудъ 115, 117.
Зенджанъ 139—142, 144.
Зенджанъ-рудъ 142.
Зераунъ (Джераунъ) 99.
Зеренджъ 47, 48, 50, 92.
Зерендъ 88, 89, 94, 95.
Зерехъ 46.
Зерканъ 109
Зіяриды 80, 156, 159
Золотая Орда 145.
Зохакъ 85, 133.
Зубейда 119, 145.
Зульфикаръ 42.

И.

Ибнъ-Арабшахъ 106, 160.
Ибн-ал-Асиръ 80, 86, 156.
Ибнъ-Батута 18, 53, 71.
Ибнъ-Карена горы 155.
Ибнъ-Русте 65, 78, 82, 84, 85, 88, 89, 115, 118, 130—132, 138.
Ибн-ал-Факихъ 9, 89, 90, 104, 154, 155, 158, 159.
Ибнъ-Хаукаль 23, 24, 27, 35, 66, 67, 71, 80, 81, 90, 96, 98, 100, 106, 110, 136, 140, 148, 155.
Ибнъ-Хордадбехъ 12, 23, 31, 112, 135, 143, 149.
Иверія 149.
Идаджъ 123, 124.
Икъ 109.
Иліада 6.
Имад-ад-дауля 104.
Имамъ-баба 28.
Имамъ-Кули 56.

Индійскій океанъ 1, 97.
Индія 2, 6, 7, 10—15, 17, 37, 38, 49—54, 58, 63, 73, 97—100,1 08, 110.
Индъ 2, 3, 7, 13, 15, 16, 47, 50, 52, 53, 56, 100.
Иракъ Арабскій 116, 124, 132—136.
Иракъ Персидскій 86.
Иранская возвышенность 77.
Иранское плоскогорье 121.
Иранъ 1—4, 8, 10, 59, 84, 88, 92, 97, 120, 128, 140, 147, 149, 151.
Исидоръ Харакскій 10, 31, 34, 46, 47, 59, 62, 77, 84, 90, 134.
Иски-Багдадъ см Дастагердъ
Исмаилъ б Ахмедъ 65.
Исмаилъ-шахъ 117, 144, 150.
Испехбеданъ 158.
Исталифъ 16.
Истахри 24, 26, 27, 35—37, 42, 45—48, 50—52, 66, 74, 75, 78, 80—82, 85, 86, 93, 94, 96—98, 102—104, 107—109, 111, 112, 116, 119, 123, 124, 126—128, 132—136, 139, 149, 151, 153—156, 158.
Истахръ 102—104, 107, 112, 114
Исфаханъ 107, 114—122, 130, 138, 140, 141, 151.
Исфенджай 51.
Исфендіаръ 118.
Исферанъ 79.
Исфидъ-рудъ см. Сефидъ-рудъ
Исфизари 21, 29, 39, 40, 44, 45, 69, 72
Исфизаръ 44, 45, 49.
Исхакиды 157.
Исхакъ (Алидъ) 89.
И'тимад-ас-салтанэ см. Сани-ад-дауля.
Ишкамишъ 15.

I.

Іездегердъ III,29 105, 154, 159.
Іездихастъ 114,
Іездъ 101, 104, 112, 113, 116.
Іемекъ 105, 124.
Іетъ 9, 14, 17—22, 24—28, 33, 39—42, 47, 62, 63, 69, 74, 79, 80.
Іехудійя (исфаханская) 114, 115.
Іехудійя (Іехуданъ) 23.

K.

Кааба 106, 108, 126, 136.
Кааха 63.
Кабулистанъ 16.
Кабулъ 8, 51—56.
Кабулъ-дарья 53.
Кабулъ-шахъ 52.
Кабульская долина 16, 57, 58.
Кабусъ б. Вашмгиръ 75, 80.
Кавадъ 111
Кавардъ 95, 98.
Кавказскія горы 152.
Кавказъ 54.
Каджары 68.
Кадисія (сѣверная) 135.
Кадисія (южная) 134
Кадыръ-ханъ кашгарскій 150
Казаганъ 38.
Казвинъ 139—141, 157, 158.
Казерунъ 104, 109, 110
Каинъ 94.
Кайсаръ 21, 23.
Кайту (Кух-и-Баба) 34
Кала-и-Бистъ см. Бустъ
Кала-Вали 21, 25, 26.
Кала-и-Мауръ 32, 34.
Кала-и-нау 34.
Кала-и-Фатхъ 50.
Кальхатъ 99
Камадинъ 97
Кандабиль 51, 52.
Кандагаръ 8, 10, 40, 45, 50, 51, 54, 55.
Канджутъ 56
Карабагъ 37
Карабагъ см. Арранъ.
Кара-Бель 21.
Карадагъ 145, 149.
Кара-Джангалъ 26
Кара-Коюнлу 147.
Караулъ-Хана 25, 26, 34.
Караханиды 17.
Кара-чай 120.
Каренидъ 155.
Каринейнъ 28.
Кармасинъ (Кармашинъ) см. Керманшахъ.
Карская область 150.
Карсъ 150.
Карунъ 121, 123, 125—128.
Каспійскія ворота 84, 152.
Каспійское море 1, 7, 59, 60, 62, 75, 77, 79, 81, 140, 141, 151, 153, 154, 157, 158, 160.
Каср-и-Ширинъ 132, 138.
Катрмеръ 147.
Катуръ см. Читраль.
Каурмахъ 26.
Кафиристанъ 56—58.
Кашанъ, городъ 114, 119, 120.
Кашанъ, рѣчка 33, 34.
Кашгаръ 57.
Кашмиръ 8, 54, 56, 57.
Кебекъ-ханъ 18.
Кебудъ-Джамэ 159.
Кеджъ 100.

Кейсъ см. Кишъ.
Келаръ 156.
Келат-и-Надири 63.
Келатъ 51, 63, 64, 70, 71.
Келле-минаръ 117.
Кенгаверъ 130, 134, 138.
Кенджъ-Рустакъ 33.
Кербела 72, 131, 135
Кереджъ 121.
Керимабадъ 97.
Керимъ-ханъ Зенди 106, 107.
Керинджъ 132, 134.
Керки (Керкухъ) 13, 24
Керманшахъ (Керманшаханъ) 3, 130—132, 138.
Керманъ (городъ) см. Бардасиръ.
Керманъ (область) 59, 66, 80, 92—101, 108, 112, 115, 128, 131.
Керухъ 34.
Керха (городъ) 124.
Керха (рѣка) 124, 127, 132.
Керъ-Портеръ 86, 91, 141.
Кесмакоранъ см. Мекранъ.
Кешефъ-рудъ 68, 69, 71, 74.
Кеяниды 50.
Кинарегирдъ 120.
Кипертъ 92.
Киръ 102, 123.
Китай 1, 10, 108, 110.
Кишманъ 30.
Кишмъ 99, 104.
Кишъ 98, 99.
Кія (дин.) 157.
Клавихо 86, 140, 141, 147, 148, 152.
Конолли 82.
Коншинъ 82.
Копетъ-дагъ 60.
Костенко 15.
Ксенофонтъ 131.
Ктесифонъ 133, 134; ср. Мадаинъ.
Кубенанъ 96.
Кудама 22, 25, 26, 28, 128, 136.
Кумисъ 59, 77, 78, 80, 82, 84.
Кумише 114.
Кумская область 89.
Кумъ 114, 119, 120, 141.
Кунаръ 56.
Кундузъ 16.
Кунья-Ургенчъ см. Гургенджъ.
Кура 145, 149, 151, 157.
Курдистанъ 3, 123, 130, 131.
Курдистанъ (хорасанскій) 79.
Куркубъ 128.
Курты 32, 35, 37—39.
Куръ 102, 103.
Кусдаръ 51.
Кустанъ 45.
Кутейба ибнъ Муслимъ 14, 15, 80.
Куфа 134—136, 139.
Кух-и-Баба см Кайту
Кух-и-Герру 121.
Кухекъ 48.
Кухистанъ 92—94, 140.
Кух-и-Кебиръ 121
Кухрудъ 119.
Кухсанъ 42.
Кух-и-Суффа 118.
Кучанская долина 64.
Кучанъ 59, 62, 63, 67, 70, 74, 79.
Кучъ-Гандава 52.
Кушкекъ 88.
Кушкинскій постъ 33.
Кушкъ, ворота 35.
Кушкъ, рѣчка 28, 32, 33, 42.
Кушкъ, селеніе 34.
Кушмейхенъ см. Кишманъ
Кызылъ-Арватъ 61.
Кызылъ-узунъ см. Сефидъ-рудъ.
Кышлакъ 84.
Кэрзонъ 42, 46, 47, 50, 60, 62—64, 69, 71—75, 79, 87, 91, 106, 107, 112, 117, 118, 120, 121, 123, 124, 126—128, 131, 132, 140, 147, 148, 157.
Кюрень дагъ 60.

Л.

Ладакъ 56.
de Laessoë 26, 28.
Ланди 50.
Лар-и-Бендеръ 52.
Ларистанъ 109.
Ларъ 109.
Ласгирдъ 77, 84.
Лахиджанъ 156—158.
Лахмиты 135.
Лессаръ 42.
Ликія 102.
Лингахъ 109.
Личъ 55.
Лоджинъ, Джонъ 40.
Локхэртъ 58.
Лофтусъ 124.
Луристанъ 121, 123.
Луръ Большой 121, 122.
Луръ Малый 121.
Лутфаллаха мечеть 117.
Лэнъ-Пуль 109, 112, 121, 157, 159.

М.

Мавераннагръ 29, 32, 37, 67, 68, 110.
Маврикій 131.

Маданъ 134, 138, 143; ср. Ктесифонъ.
Мадеранъ 138.
Мадеръ 16.
Мазандеранъ 55, 79, 86, 153, 154, 157—161
Мазар-и-Шерифъ 20, 21.
Маздаканъ 88.
Мазіяръ б. Каренъ 158.
Мазъ 158.
Мазъядиды 133.
Маинъ 114.
Майсанъ 129
Мака 100.
Макдиси 13, 16, 17, 23, 24, 27, 44, 48, 51—53, 62, 66, 71, 75, 76, 78, 81, 82, 85, 90, 91, 93—97, 103, 105, 106, 108, 111, 114—116, 119, 124, 125, 127—129, 134—136 140, 144, 149, 151, 155.
Макуранъ см. Мекранъ.
Малакандъ 56.
Маль-Эмиръ см. Идаджъ.
Мамтиръ см. Барфурушъ.
Мамунъ 70.
Манзаріе 120.
Мансуръ 85, 154, 155.
Манчестеръ 107.
Марабадъ (Марва) 36.
Маргіана 12, 23, 25.
Мардохей 91.
Марквартъ 23, 27, 49—51, 78, 100, 125, 143, 149, 151, 154, 155.
Марко Поло 94, 96, 97, 99, 100, 157.
Марръ, Н. Я. 150.
Масисъ см. Араратъ.
Масійя см. Мака.
Маскатъ 99.
Мас-и-Муганъ 155.
Масперо 5.
Мас'уди 51.
Мас'удъ 36, 61.
Махане-Серъ 160.
Маханъ (керманскій) 95, 96.
Маханъ (мургабскій) 32.
Махидештъ 131, 132.
Махмудъ б. Вели 10, 18, 19, 56.
Махмудъ Газневидъ 17, 23, 24, 27, 36, 49—53, 61, 116, 150.
Махмудъ Кальхати 99.
Махмудъ, шахъ 54.
Машруканъ 126, 127.
Мезинанъ 75, 77.
Мейменэ (Мейменды) 23, 24, 28.
Мейменди 23.
Мейхене см. Мехне.
Мекка 141.
Мекранъ 92, 94, 99, 100.
Меликъ-шахъ 96.
Менандръ 11.
Ménant 60.
Менелай 6.
Менучехръ 158.
Мерага 142—145, 148.
Мервдештъ 102.
Мерврудъ 25—28, 30, 31, 33, 34.
Мервъ 21, 25, 28, 29, 33, 35, 38, 42, 43, 61, 62, 65, 67, 69, 146
Мердавиджъ б. Зіяръ 80.
Мерендъ 148.
Меручакъ 25—27, 32.
Месопотамія 88, 104, 130, 134.
Месторіанъ см. Мешхед-и-Мисріянъ.
Мехдиабадъ 28.
ал-Мехдій 85.
Мехне (Мейхене) 61.
Мешанъ см. Майсанъ.
Мешкуя 88, 89.
Мешхед-и-Мисріянъ 82.
Мешхед-и-Серъ 161.
Мешхедъ 68—72, 74, 119.
Мидія 60, 84, 86, 130, 143.
Мина 136
Минау 126.
Мираншахъ 39.
Миръ-Али-Ширъ 69.
Миръ-Вейсъ 54.
Мисръ 106.
Митра 7.
Митридатъ I, 11, 12.
Михръ 75.
Міане 144, 148.
Міяндештъ 77.
Морганъ 124, 132.
Муâвія 14, 116.
Муганская равнина 145.
Муганская степь 151.
Муганъ 155.
Музаффариды 96, 106, 109, 116.
Музаффаръ-кухъ 45.
Муктадиръ 115.
Мультанъ 8, 50, 53.
Мункэ 37, 145.
Мурадъ-бекъ-чай 89.
Мургабъ 13, 18, 21, 25—29, 31—34, 38, 43, 56.
Мургабъ см. Пульваръ.
Мусалля 90.
Мусфара 30.
Му'тамидъ 136.
Му'тасимъ 136.
Мутеваккилъ 135, 136, 145.

Мухаммедія см. Рей.
Мухаммедъ-бекъ 70.
Мухаммедъ б. Джа'фаръ, Алидъ 78.
Мухаммедъ б. Зейдъ, Алидъ 156.
Мухаммедъ бенъ Ибрагимъ 95—98.
Мухаммедъ Керманскій (Мугис-ад-динъ) 95.
Мухаммедъ Махрукъ 69.
Мухаммедъ, пророкъ 20, 134.
Мухаммедъ, сельдж 116.
Мухаммедъ-Хайдеръ 57.
Мухаммедъ хорезмшахъ 37.
Муызз-ад-динъ Хусейнъ (гератскій) 38.
Мюллеръ 160.

Н.

Навуходоносоръ 114, 133.
Надали 47.
Надирабадъ 51.
Надиръ-тепе 62.
Надиръ-шахъ 40, 49, 51, 54, 62, 63, 64, 70, 73, 99, 110, 117, 118.
Наибабадъ 14.
Наибъ-Алимъ-ханъ 21.
Наинъ 104.
Накш-и-Рустемъ 103.
Наполеонъ III 87.
Нармеширъ 95.
Насирабадъ см. Нусретабадъ.
Насир-ад-динъ Туси 144.
Насир-ад-динъ, шахъ 87—99, 117, 128, 138, 161.
Наубенджанъ 106, 111
Наубехаръ 9, 10, 14.
Нахичевань 150.
Нахрванъ 134.
Неархъ 100.
Негаръ 96.
Неджефъ 72, 135.
Нейбендъ 93.
Нейзаръ 46, 48.
Нельдеке 48, 65, 103, 107, 125, 133, 134.
Нершахи 9.
Несâ 60, 61, 70.
Никудеръ 55.
Ни'метуллахъ Вели 94.
Нимликъ 22.
Нимрахъ см. Шехризуръ.
Нихавендъ 121, 122, 130, 138, 139.
Нишапурская долина 64.
Нишапурская равнина 69, 75.
Нишапуръ 31, 35, 41, 42, 64—70, 75, 79, 85.
Нукань 70.
Нусретабадъ (Насирабадъ) 46.
Нусретъ-Кухъ 26.
Нухъ б. Мансуръ 61.

О.

Обарекъ 104.
Обе 36, 40.
Оболла 135.
О'Донованъ 74.
Ольденбергъ 2, 5, 6.
Оманъ 99, 105, 135.
Омаръ 90, 124.
Омаръ ибн-ал-Ала 155.
Омаръ Хайямъ 69.
Ормуздъ (Ахурамазда) 6, 7.
Ормузскій прол. 98.
Ормузъ (городъ) 97—100, 108—110.
Ормузъ Новый 99, 141.
Ормузъ (островъ) см. Зераунъ.
Оронтъ см. Эльвендъ.
Османъ 14.
д'Оссонъ 3 0, 63, 136, 137, 140, 141, 144, 146 152, 157.
Офа см. Обе.

П.

Падуспана горы 155.
Памиръ 17.
Памфилія 102.
Парвабъ см. Пульваръ.
Паретакена 47.
Парижъ 87.
Парисъ 6.
Паропамисъ 34.
Парѳія 60, 82.
Пасаргады 102.
Паситигръ 127.
Паскевичъ 145.
Пенджабъ 50, 53, 54.
Пенджгуръ 100.
Пендждэ (Пенди) 26—28, 32.
Пенджевай 52.
Пенджпуръ 100.
Пенджширъ 15, 16, 56.
Пенджъ 17.
Перванъ (гилянскій) 155.
Перванъ (Ферванъ) 16.
Персеполь 102, 103.
Персидскій зал. 97—99, 104, 110, 112, 123, 141.
Персія 3, 8—10, 32, 35, 36, 42, 44, 45, 47—49, 51, 52, 54, 55, 59—64, 68, 69, 72, 74, 75, 79, 80, 82, 84, 86—89, 91—94, 96, 98—102, 105, 106, 109, 114, 118, 119, 122, 124, 132, 134, 137, 138, 140, 141, 142, 145, 146, 148, 149, 153, 156, 157, 159.
Петербургъ 145.
Петръ Великій 157.
Пешаверъ 56.

Пишаверанъ 48.
Пишинъ 27.
Пишъ-Кухъ 121.
Плиній 92.
Полибій 90.
Пославскій, И Т. 80, 81.
Поста 89
Прискъ 13.
Птолемей 22, 34, 84, 154.
Пул-и-Баба-Рукнъ (Пуль-и-Хаджу) 118.
Пул-и-Деллакъ 120.
Пул-и-Кайсаръ см. Бенд-и-Кайсаръ.
Пул-и-Лешкеръ 126.
Пул-и-Хатунъ 42.
Пульваръ 102, 103.
Пушт-и-Кухъ 121, 122.
Пуштъ 76.

Р.

Раверъ 93.
Рага см. Рей
Радканъ (Райканъ) 74.
Радловъ, В. В. 49.
Разикабадъ 32
Рамешть 108.
Рамъ-Хурмузъ 122, 129.
Рафсинджанъ 95.
Рашид-ад-динъ 30, 49, 53, 147.
Рей 8, 31, 66, 77, 80, 84—89, 91, 115, 119, 120, 138, 139, 151, 154—156, 159.
Реширъ 110.
Решть 91, 140, 156—158.
ар-Риза см. Али.
Римъ 101.
Риттихъ, П. А. 110.
Рихтхофенъ 1
Робертсонъ 57, 58.
Ролинсонъ 47, 126, 130.
Россія 2, 10, 32, 42, 60, 61, 148, 157.
Рудбаръ (въ Керманѣ) 97.
Рудбаръ (въ Сеистанѣ) 50
Рудбаръ (на Сефидъ-рудѣ) 155.
Рудбаръ (около Казвина) 139
Руде 85.
Рукнабадъ см. Аб-и-рукни.
Рукн-ад-динъ 118.
Румійя (Румаканъ) 134.
Рустемидаръ 159.
Рустемъ (внукъ Тимура) 116.
Рустемъ (въ Мазандеранѣ) 159.
Рухаджъ 51, ср. Арахосія
Рухнъ (Рухиджъ) 155, 159.

С.

Саба 45.
Сабуръ (округъ и городъ) см. Шапуръ.
Сава 88, 89, 120, 141.
Савеланъ 144.
Садака (Сейф-ад-дауля) 133
Са'ди 104, 106
Са'дъ б Зенги 106
Саймара 138
Саинъ-Кала 142.
Сакастена (Сакистанъ) см. Сеистанъ
Саладинъ 131
Салгуриды 106
Салманасаръ II 4, 59.
Сам'ани 27, 80.
Саманиды 14, 31, 35, 36, 61, 65, 77, 80, 93, 105, 156.
Самаркандъ 8, 9, 17, 30, 31, 35, 39, 62, 85, 96, 106, 110, 160
Самарра 135, 136.
Самуилъ, пр. 89
Сани-ад-дауля И'тимад-ас-салтанэ 70, 71, 74, 78.
Саргонъ 59.
Сари 154, 155, 158, 160, 161.
Сары-Язы 28.
Сасаниды 13, 14, 29, 65, 80, 87, 90, 95, 101—104, 107, 109, 115, 124, 125, 128, 131, 133—136, 138, 139, 143, 152, 154, 159.
Саффариды 14, 48, 49, 52, 65, 97, 106, 156
Сахендъ 143
Сахна (Сухна) 138.
Сеадетабадъ 118.
Себзеваръ 68, 75.
Себзеваръ см Исфизаръ.
Сеидабадъ 95
Сеистанъ (Седжестанъ) 8, 35, 36, 44—52, 59, 92, 98.
Сейф-ад-дауля см. Садака.
Секухе 46, 48.
Селевкиды 84
Селевкія 133, 134.
Селевкія—Ктесифонъ 133.
Селевкъ I 133.
Сельджукиды 17, 18, 29, 30, 61, 67, 75, 80, 85, 95, 98, 99.
Сельманъ Фарси 134.
Сельмасъ 148.
Семенганъ (Семенджанъ) 15.
Семирѣчье 12.
Семнанъ 59, 82.
Сенабадъ 70, 71; см. Мешхедъ.
Сенарудъ 48.
Сенна (Синна) 138.
Серахсъ 29—33, 35, 75.
Сербедары 68, 75.
Сер-и-пуль (въ Афганистанѣ) 23, 24.
Сер-и-пуль (у Хульвана) 132.

Сефевиды 32, 40, 49, 54, 68, 72, 106, 116—118, 124, 140, 144.
Сефидъ-рудъ 142, 153, 155, 157, 159.
Сехмаръ 155
Сивендъ 102
Сиви (Сиби) 51
Сидра 22.
Симъ 13.
Синджабадъ 90.
Синджаръ (Санджаръ) 30, 31, 67, 146.
Синдъ 54, 66, 94, 105.
Синизъ (Синиджъ) 109.
Синна см Сенна.
Сирафъ 103, 108, 110.
Сирванъ 138.
Сирджанъ 95—97, 101.
Сирія 101, 125, 135, 160.
Сіяхгирдъ 21.
Сіяхъ-Кухъ см. Карадагъ.
Согдіана 11, 12, 60.
Соломонъ 102.
Средиземное море 4.
Стефанъ Византійскій 100.
Страбонъ 4, 12, 60, 92, 101.
Субханъ-Кули-ханъ 19.
Сузіана 95, 110, 123, 124.
Сузы 124, 128, 130.
Сулейманія 138.
Сулеймановы горы 53, 54.
Сулейманъ, шахъ 118
Султанабадъ см Султанія.
Султанабадъ (хорасанскій) 76.
Султанія 106, 120, 140—142, 157.
Султанъ-Бендъ 29.
Султанъ-Кала 30.
Сумбаръ 82.
Сункаръ, эмиръ 113.
Сура 136.
Сури, дин. 36.
Суру 98.
Сухна см. Сахна.
Сухраверди 139.
Сухравердъ 139.
Сыръ-дарья 12.
Сюань-цзанъ 10, 13, 15, 20.

Т.

Табарекъ 86.
Табари 14, 15, 23, 80, 81, 125, 133, 134, 156, 159.
Табаристанъ 78—80, 153—156, 158, 159.
Табаранъ 70.
Табъ 110.
Тавваджъ (Таввазъ) 109.
Таверніе 118.
Тадж-ад-динъ см. Али-шахъ.
Так-и-Бустанъ 131.
Так-и-Гирра 132.
Так-и-Кисра 134.
Такъ (въ Мазандеранѣ) 158
Такъ (въ Сеистанѣ) 48.
Тальканъ (близъ Казвина) 140
Тальканъ (мургабскій) 25, 26.
Тальканъ (Талиханъ, въ Тохаристанѣ) 12, 16, 17.
Тамисъ 154
Тапуристанъ см. Табаристанъ
Таримъ, р. 2.
Таримъ см. Тарунъ.
Тармаширинъ 53.
Таромъ 155, 157
Тарунъ 109
Тахириды 14, 31, 41, 60, 65, 156, 158.
Тахмаспъ, шахъ 69, 117, 140.
Тахмурасъ 104, 118
Тахта-Базаръ 28.
Тахт-и-Мадер-и-Сулейманъ 102
Тахт-и-Рустемъ 20.
Тахт-и-Сулейманъ (дворецъ) 118.
Тахт-и-Сулейманъ см. Шизъ.
Тахт-и-Хатунъ 26.
Ташкентъ 160.
Ташъ-Курганъ 14, 15.
Тебризъ 91, 141, 142, 145—148, 152.
Тегеранъ 85—88, 91, 94, 107, 119, 140, 141, 148, 158, 161.
Тегинабадъ 51.
Тедженъ, р. 43.
Тедженъ (р. въ Мазандеранѣ) 158, 161.
Тедженъ, станція 43.
Текритъ 136.
Теля см. Шахи.
Тенг-и-Загъ 109.
Тенг-и-коранъ см. Аллахъ-Акбаръ.
Тенкабунъ 150.
Тепе-и-Рустемъ 20.
Терѣръ 151.
Тесафунъ см. Ктесифонъ.
Тибетъ 16, 56.
Тигръ 2, 3, 4, 47, 123, 127, 133, 135, 136.
Тизенгаузенъ, бар. В. Г. 147.
Тизъ 100.
Тимуриды 18, 29, 32, 33, 39, 40, 44, 54, 56, 68, 72, 106.
Тимуръ 15, 18, 21, 28, 30, 32, 33, 38, 39, 44, 45, 48, 49, 53—58, 62, 63, 68, 70, 72, 75, 79, 86, 91, 96, 106, 116, 124, 136, 141, 147, 150, 152, 159, 160.
Тирбенд-и-Туркестанъ 26, 55.
Тирпуль 42.

Тифлисъ 151, 152.
Типтрія 7.
Тогрулъ-бекъ 85.
Томашекъ 8, 10, 13, 22, 24, 27, 34, 47, 83, 84, 88, 93—95, 97, 98.
Тосафунъ см. Ктесифонъ.
Тохаристанъ 4, 12—14, 16.
Тохтамышъ 147.
Трапезунтъ 91, 148, 150.
Трогъ-Помпей 12.
Tuceiar 148.
Тугай-Тимуръ 38, 159
Тулуй 37, 67, 70.
Туманскій, А. Г. 88, 91, 94, 96, 97, 103, 104, 107, 109, 112, 115, 119, 121—123, 158.
Туноканнъ см Кухистанъ.
Тунъ 94.
Тураншахъ 96.
Туранъ 51.
Туривія 11.
Туркестанъ 2, 8, 17, 18, 20, 27, 31, 32, 35, 53, 60, 61, 65, 67, 80, 98, 105, 110, 144, 150, 156.
Туркестанъ афганскій 16, 21.
Туркменчай 148.
Туркменъ-Кала 29.
Турція 72, 132, 137, 138, 148.
Туршизъ 76
Тустеръ 125.
Тусъ 68—71, 74, 87.

У.

Убейдаллахъ 71.
Увейсъ 147.
Угэдэй-ханъ 32, 37, 70
Уджанъ 148.
Ульджейту 140, 141.
Умпайкалъ 22
Урамъ 155.
Urartu 150.
Урмія, гор. 143, 148, 149.
Урмія, оз. 145, 148; ср. Чечаштъ.
Утби 49, 53.
Ушпурганъ см. Шапурганъ.

Ф.

Фазлуиды 109.
Файзабадъ 17.
Фарава (Афрава, Ферава) 60, 61.
Фарахъ (Фарава) 36, 45, 48, 49.
Фарахъ-рудъ 45, 46.
Фарсъ 35, 52, 59, 66, 93, 94, 96, 98, 101—104, 107—112, 114, 126, 128, 130, 151.
Фарсъ, сынъ Тахмураса 104.
Фарябъ 23—25.
Фатима 119.
Фатхъ-Али-шахъ 73, 74, 87, 118, 119, 141, 161.
Фахр-ад-динъ Куртъ 38.
Ферахабадъ (исфаханскій) 118.
Ферахабадъ (мазандеранскій) 161.
Фергана 8, 70.
Феригуниды 36.
Ферид-ад-динъ Аттаръ 69.
Феридунъ 85, 156.
Ферье 3, 18, 20, 22, 26, 34, 36—45, 47, 49, 56, 64, 68, 74, 86.
Фесâ 103, 104, 108.
Фирдоуси 24, 71, 122.
Фиримъ 155.
Фирузабадъ (ворота въ Гератѣ) 40.
Фирузабадъ (городъ) 107, 108.
Фирузвандъ 50.
Фирузкухъ (въ Гурѣ) 37, 55.
Фирузкухъ (въ Мазандеранѣ) 55.
Фирузъ 154
Floyer 97.
Форджъ 108.
Фра 46.
Фраатъ I 84.
Фраатъ II 12.
Фратъ 82, 83.
Фрезеръ 62, 68—71, 73—75, 78—80, 157.

Х.

Хабисъ 92—94.
Хабушанъ см. Кучанъ.
Хавакъ 15, 58.
Хадджаджъ 126
Хаджи-абадъ 102.
Хаджи-Мухаммедъ-Хасанъ 161.
Хазараспиды 123.
Хайрабадъ, р 110.
Хайрабадъ (селеніе) 23.
Хайръ 20.
Хайсаръ 37.
Хайталъ (Хабталъ) 13.
Хакани 67.
Халиль-рудъ (Халири) 97.
Хальхалъ 157.
Хамаданъ 31, 84, 88—91, 121, 122, 130, 134, 138, 139, 141.
Хамдаллахъ Казвини 68, 71, 86—89, 106, 109—111, 114—116, 118—121, 126, 133—136, 139—142, 144—149, 152.
Хамза, сынъ Мусы 88.
Хамун-и-Севаранъ 46.
Хамун-и-Фарахъ 46.
Хамунъ 44, 46, 50.
Ханикинъ 132, 134.
Ханыковъ 71, 74, 96, 113, 160

Харазъ 158.
Харакс см. Арази.
Харакъ 104.
Харзанъ 158.
Харудъ-рудъ 44, 46.
Харунъ ар-Рашидъ 70—73, 85, 119, 145.
Хасанъ ибнъ Али ал-Утрушъ 156.
Хасанъ ибнъ Зейдъ 156.
Хауз-и-Султанъ-Кавиръ 120.
Хафизи-Абру 30, 33, 38, 70.
Хафизъ 106.
Хашъ-рудъ 46, 48, 49
Хезаръ-Джерибъ 117.
Хейбакъ 15, 16
Хефтъ-Дестъ 118.
Хештъ-бихиштъ 117
Хивинское ханство 61.
Хилла 133, 137
Хильмендъ 3, 10, 11, 13, 46—50, 53.
Хиндуванъ 18.
Хира 134, 135.
Хиртъ 11.
Хиснъ-Мехди 127, 128.
Хоапсъ 127.
Ходжа-Али 50.
Ходжа-Султанъ-Ахмеда ворота 10.
Хой 148.
Хольдичъ 39, 47.
Хоммель 4.
Хорасанабадъ 35.
Хорасанская степь 93, 94.
Хорасанскія горы 60.
Хорасанъ 24, 25, 29, 31, 32, 35—39, 44, 48, 52, 59, 61, 62, 64, 65, 67, 68, 75—80, 84, 90, 92—94, 105, 106, 116, 125, 141, 151, 154, 156, 159.
Хорасанъ, внукъ Сима 13.
Хорезмія 60
Хорезмъ 8, 30, 61, 62, 66, 160.
Хосрой Ануширванъ 134.
Хосрой II 131, 132, 134.
Хосруджирдъ 75, 82.
Хуваръ 84.
Хувейза 124.
Худабенде см. Ульджейту.
Хузистанская равнина 121.
Хузистанъ 88, 104, 110—112, 121, 123—125, 127—130, 135, 151.
Хулагиды 68, 86, 145.
Хулагу 18, 55, 140, 145.
Хульванскій перевалъ 132.
Хульванъ 132, 134, 138.
Хульванъ-чай 132.
Хульмъ 7, 14—16, 22.
Хундадъ 130.
Хурмузферра см. Мусфара.
Хурремабадъ (въ Гилянѣ) 158.
Хурремабадъ (въ Луристанѣ) 121.
Хуръ 93.
Хусейнъ см Ала-ад-динъ
Хусейнъ (имамъ) 66, 72, 135.
Хусейнъ б. Мухаммедъ ал-Алеви 114.
Хусейнъ см Муизз-ад-динъ.
Хусейнъ (султанъ) 21, 29, 39, 69.
Хусейнъ (шахъ) 117, 118.
Хусейнъ (эмиръ) 18, 19.
Хуспъ 93
Хутаоса 5.
Хюбшманнъ 150.

Ч.

Чагату 145.
Чакмакъ 113
Чаласъ 154
Чандыръ 82.
Чарбагъ 117.
Чарвахъ 28.
Чарикаръ 16.
Чахбаръ 100.
Черное море 91.
Чечаштъ 149; ср. Урмія (озеро)
Чжанъ-цзянъ 10
Чинаранъ 62.
Чингизъ-ханъ 16, 18, 19, 21, 26, 32, 37, 53, 67, 70, 145, 146, 160.
Читраль (Читраръ) 56, 58.
Чихиль-духтеранъ 33.
Чихиль-сутунъ 118.
Чиштъ 36.

Ш.

Шаванкъ 11.
Шадьяхъ (Шайканъ) 67.
Шамъ-Кала 30.
Шалусъ 154—156.
Шапурганъ 22—25, 38.
Шапуръ I 65, 109, 125, 126, 134, 139.
Шапуръ II 65, 124, 125, 131.
Шапуръ III 131.
Шапуръ (округъ и городъ) 104, 109, 111.
Шардекъ 115, 116, 118, 140, 148.
Шатт-ал-Арабъ 100, 123, 127, 128, 136.
Шахабадъ 125.
Шахи (Телля) 145.
Шахрабанъ 132.
Шахристанъ (въ Этекѣ) 61.
Шахристанъ (гилянскій) 155.
Шахристанъ (джурджанскій) 90.
Шахристанъ (исфаханскій) 114, 115.
Шахристанъ см. Шапуръ.

Шахрудъ, гор. 77—79.
Шахрудъ, р. 77.
Шахрухъ 30, 39, 48, 73.
Шахъ-Абд-ал-Азимъ 87, 88.
Шахъ-Бабуръ 56.
Шахъ-кухъ 77.
Шахъ-Максудъ 40.
Шахъ-Рудбаръ 157.
Шахъ-рудъ 159.
Шебангаре 109.
Шемаха 141, 151.
Шемс-ад-динъ Мухаммедъ Куртъ 37.
Шервинъ 155.
Шереф-ад-динъ Іезди 24, 26, 28, 45, 58, 63, 70, 116, 124, 136, 160.
Шеферъ 86—89, 115, 118, 119, 133—135, 139, 140, 142, 144—146, 148, 149.
Шехерекъ 37.
Шехри-Билькисъ (Шехри-Саба) 79.
Шехризуръ 138.
Шехріяръ 159.
Шибергань см. Шапургань.
Шизъ 138, 143.
Шиндлеръ 83.
Ширазъ 93, 103—109, 111, 112, 114, 116, 141.
Ширванъ 151.
Ширинъ 131.
Ширинъ-Тагай 21, 23.
Шпехтъ 13.
Шпигель 2.
Шурерудъ 64.
Шурминъ 27.
Шустеръ 125, 126.

Э.

Экбатана 88—90, 134.
Эльбурсъ 77, 79, 88.
Эламъ 123.
Эльвендъ (Эрвендъ, Оронтъ), 89, 90, 130.
Энзели 157.
Энзелійскій зал. 157.
Эриванская губ. 150.
Эривань 150.
Эсфирь 91.
Этекъ (Атекъ) 60—62, 64, 74, 77, 79.
Эшкильче см. Аманъ-Кухъ.

Ю.

Юль 99.
Юсти 5, 102, 108, 131, 133.
Юстинъ 11, 12.

Я.

Я'куби 8, 9, 17, 23, 26, 31, 51, 65—67, 77, 105.
Я'кубъ ибнъ Ляйсъ 48, 49, 52, 125.
Якутъ 13, 28, 61, 67, 85, 89, 90, 96, 143, 145, 156, 158.
Яркендъ 57.
Яръ-Мухаммедъ-ханъ 41, 44, 55.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА Общественныхъ Наукъ Академіи Наукъ СССР